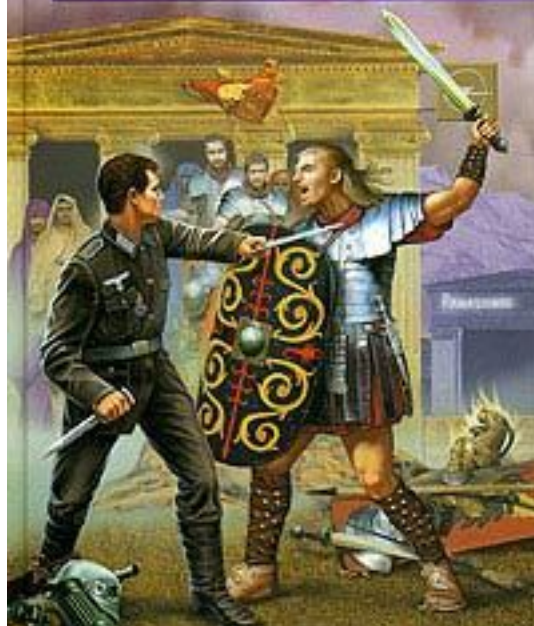


ОЛЕГ  
КУРЫЛЕВ

РУССКАЯ  
ФАНТАСТИКА

ШЕСТАЯ КНИГА СУДЬБЫ



Олег Курылев

**Шестая книга судьбы**

2005

## **Курылев О. П.**

Шестая книга судьбы / О. П. Курылев — 2005

Вскоре после того, как была открыта возможность путешествий во времени, появилась необходимость в создании спецслужбы, контролирующей и пресекающей темпоральные парадоксы, возникающие в результате вторжения в прошлое. Сотрудники службы хронобезопасности редко сидят без дела: опасные инциденты происходят слишком часто. В результате технической ошибки в Мюнхен 1943 года попадает написанная в шестидесятые годы книга «История взлета и падения Третьего рейха». Ее шестой том, в котором описано завершение Второй мировой войны, способен стать для верхушки нацистского государства подлинной «книгой судеб» – зная, как в дальнейшем будут развиваться события, гитлеровцы вполне способны переломить ход войны в свою пользу. Этого нельзя допустить, чтобы не рухнул мир будущего. Сотрудники службы контроля над временем начинают опасную игру в сердце Третьего рейха.

# Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	7
II	12
III	20
IV	32
V	40
VI	52
VII	63
VIII	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

# Олег КУРЫЛЕВ

## ШЕСТАЯ КНИГА СУДЬБЫ

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Для человека немалое утешение видеть, что бог не может сделать смертных бессмертными, воскресить мертвого, сделать жившего нежившим, а того, кому воздавались почести, – не получавшим их, так как он не имеет никакой власти над прошлым, кроме забвения.*

*Платон*

– Ладно! Коротко, что произошло? Кто доложит? – сложив мясистые ладошки на животе, начал совещание Септимус. Он сидел вместе с остальными за большим круглым столом своего кабинета, но в отличие от других не на вращающемся стуле с колесиками, а в огромном мягком кресле, в котором только и могла поместиться его необъятная фигура.

– Я попробую, – откашлялся молодой сотрудник по имени Карел.

Стол, крышка которого представляла собой сплошную плазменную панель, тускло помигивал информационными окнами, таблицами и графиками. Карел, инженер по перемещениям материальных объектов во времени, пробежал пальцами по сенсорам, вызвав нужные данные, и, кхекнув еще пару раз, начал.

– В результате сбоя программы, господин президент, утеряно шесть объектов. Книги. Монография некоего Уильяма Шнайдера «История взлета и падения Третьего рейха». Фундаментальный труд, написанный американским историком вскоре после Второй мировой войны. Одно из первых изданий 1960 года, напечатанное тогда в Шести томах.

– Ну-ну, дальше, – нетерпеливо постучал карандашом президент академии. – Куда утеряно? Зачем утеряно?

– Эти книги были заявлены двадцать четвертым отделом, работающим по диктатурам двадцатого века. Их копии предполагалось хронопортировать к нам из 1962 года.

– Для чего? Что, не осталось оригинальных экземпляров?

– Да нет, их даже полным-полно. И бумажных, и электронных. Насколько я знаю, историков заинтересовала не сама книга, а пометки на полях одного из томов, сделанные не то очевидно описываемых событий, не то кем-то там еще. Они якобы кардинально что-то меняют в исторической традиции.

– Ладно, с историками разберемся. Что еще?

Карел ослабил узел галстука и после глубокого вздоха (или выдоха) почти шепотом произнес:

– Объект попал в прошлое.

– Что? Говорите громче.

– Объект, вернее его копия, оказался в той же самой точке пространства, но хронопортировался на девятнадцать лет в прошлое, – громко, на этот раз почти отчеканил Карел.

– Это я уже понял. Точнее. Время!

– Второе февраля 1943 года, восемнадцать часов сорок четыре минуты пополудни по местному времени.

– По местному, это по какому? – язвительно спросил Септимус.

– По мюнхенскому. Оно же берлинское. Объект попал, вернее, остался там же в Мюнхене, провалившись в февраль сорок третьего.

Наступило тягостное молчание. Все уткнулись в помигивающие панели перед собой. Только Карел сидел прямо и смотрел на президента академии. Ему уже нечего было терять.

– Та-а-ак, – протянул Септимус. – Попали, что называется, в самое яблочко. Не кулинарную книгу, не сказки братьев Grimm или, скажем, липовый отчет вашего отдела за прошлый год, а именно этого Шнайдера. Да еще не куда-нибудь, а в Мюнхен в середину войны! Это что, нарочно?

Септимус, кряхтя, стал выбираться из кресла. Эта операция заняла секунд тридцать, в течение которых тишину нарушало только его кряхтение да нервное покашливание кого-то из присутствующих. Как всегда, на президенте был старомодный костюм неизменного черного цвета, белая рубашка и тоненький галстук, узел которого никто никогда не видел. Этот узел, как и ворот рубашки, всегда был скрыт нижним ярусом тройного подбородка. «Интересно, – думал Карел, – как он надевает галстук? Ему определенно должен кто-нибудь помогать».

Септимус подошел к огромной настенной панели с изображением заката в горах и вывел на нее карту мира. Отыскав Европу, президент развернул ее на всю стену, после чего так же увеличил карту Германии.

Он стал разглядывать ее, проводя мясистыми пальцами по Саксонии, постепенно смещаясь к западу в сторону Берлина.

– Это там, в самом низу, – подсказал кто-то из-за стола.

Септимус отмахнулся от подсказчика, однако изображение медленно поползло вверх. Когда юг Баварии поднялся на уровень его головы, он увидел мигающую надпись «Мюнхен»: кто-то из сотрудников уже набрал ее на своем пульте, чтобы высветить.

– Ага, – хмыкнул Септимус и ткнул пальцем в точку возле надписи.

На панели плавно появилось новое изображение – план большого города с круглым, ярко выраженным историческим центром.

– Ну, и где это?

– Регерштрассе, дом 8.

К карте подошел Карел и показал место.

– Сегодня мне обещали старый план Мюнхена, – добавил он, – примерно тридцатых годов. Но и на этом центр во многом соответствует тому времени.

– Ладно, нечего тут разглядывать. – Септимус, отвернувшись от карты, направился к столу. – Надо исправлять ошибку, и как можно скорее. Не ровен час обо всем этом прознают в Научном Комитете. У вас есть план действий? Какие вы наметили первоочередные мероприятия?

– Я сразу распорядился готовить зонд, господин президент. Но нужна ваша виза.

– А на кого спишем расходы? На историков из двадцать четвертого или на вашу группу? Карел подкатил под Септимуса громадное кресло и остался стоять рядом.

– Двадцать четвертый не виноват, господин президент. Они только сделали заявку...

– Ладно, где подписать?

– Вот здесь.

На участке стола перед картофелеобразным носом Септимуса появилось изображение официального бланка. Он черкнул карандашом в указанной Карелом графе, и бланк тут же исчез.

– Когда будет готов зонд?

– Завтра утром. Мы пошлем его в ту же временную точку и просканируем ситуацию.

– Не забывайте, что сразу после запуска зонда вам предстоит работа в режиме реального времени, – проворчал Септимус и дал понять всем, что совещание окончено. – Марк! – крикнул он в сторону двери своему секретарю. – Историков ко мне.

## I

Старик медленно пробирался к уцелевшему лестничному маршу, замеченному им еще накануне. Он увидел его сквозь пролом в торцовой стене дома и теперь надеялся, что эти ступени приведут его в комнаты с сохранившимися междуэтажными перекрытиями. Тогда есть надежда, что удастся чем-нибудь поживиться

Уже час, как полностью стемнело. Моросивший весь день дождь перестал. Осторожно переступая через битые кирпичи, обходя крупные обломки стен, листы кровельного железа и вздыбленные полуобгоревшие доски, старик продвигался к своей цели. На нем было длинное, доходившее чуть ли не до ботинок, черное пальто и армейское горное кепи без нашивок. Отвороты кепи были опущены, защищая уши старика от холодного, сырого февральского ветра. Висевшая на левом боку большая холщовая сумка, широкая ляжка которой пересекала грудь и спину от правого плеча, а также зеленая нарукавная повязка с черным орлом и надписью «Deutsche Reichspost» придавали его облику вид почтового служащего из вспомогательного состава. Это, впрочем, соответствовало действительности, правда, во внеслужебное время повязку носить не полагалось. В левой руке старика была трость, в правой – армейский фонарик, который он включал на короткое время лишь при необходимости, экономя энергию батареи.

Наконец сутулая фигура достигла подножия лестницы, ведущей только до площадки второго этажа. На верхние этажи этого некогда четырехэтажного дома пути не было. Да и самих этажей тоже. Лестничный марш, до середины засыпанный обломками, далее был почти свободен. Вероятно, его расчистили спасатели две недели назад, когда еще искали уцелевших.

Старик отдышался и стал медленно подниматься наверх, протискиваясь между стеной и скрученными в замысловатую загогулину железными прутьями перил. Конечно, здесь уже могли побывать и другие – не он один бродил нынче по развалинам, – тогда шансы на добычу резко уменьшались. Вот если бы ему еще раз повезло, как полтора месяца назад в январе, на Бременштрассе! Он нашел золотые карманные часы с цепочкой. На их крышке был выштампован девиз королевского дома Саксонии: «PROVIDENTIA E MEMOR»<sup>1</sup> – а на внутренней стороне выгравировано имя некоего фон Рюделя. И что самое удивительное – часы шли! Старик хотел было сразу продать их, но потом решил оставить на черный день. А может, что-то другое, высшее и трудно облакаемое в привычные слова, остановило его. Этот брегет наверняка принадлежал какому-нибудь старому аристократу или его потомку. Их владелец, вероятно, погиб под обломками своего дома, и часы, которые чудом уцелели и были живы, возможно, единственное, что осталось от целой семьи. Нет, отдавать их в руки старьевщика или перекупщика черного рынка он подождет. Уж не так плохи его дела.

В другой раз ему удалось обнаружить зажатый между обломками стен кухонный комод. Два дня, а точнее, две ночи он провозился с этим кладом, пока смог добраться до него и взломать боковую стенку. Еще два дня он перетаскивал содержимое ящиков, стараясь не попасться на глаза полицейскому патрулю или какому-нибудь рьяному внештатному сотруднику противопожарной или противовоздушной службы. Среди этих последних, кто сам не брезговал прикарманить что-нибудь ценное, попадались на редкость неприятные типы. Они могли запросто обвинить старика в мародерстве и отвести в участок. А это грозило ему, помимо прочего, потерей места на почте, где он подрабатывал по несколько часов через день сортировщиком писем. Но все обошлось. Два десятка банок консервов, несколько мешочков с крупами, соль и кое-какая столовая утварь перекочевали в комнату старика в квартире на углу Карлштрассе и Майзерштрассе возле Бенедиктинского монастыря.

---

<sup>1</sup> Помни о Провидении (фр.).

Увы, больше удач, подобных этим двум, не было. Приходилось довольствоваться гораздо более скромными находками, среди которых особенно ценились консервы и лекарства. Попадались книги, чаще всего испорченные если не огнем, то водой. Однажды он нашел бронзовый бюстик фюрера. Несколько раз наткнулся на его фотографии в сломанных рамках с разбитыми стеклами. На них, впрочем, он не обращал никакого внимания, бесцеремонно отшвыривая тростью.

Достигнув верхней ступени, старик опасливо ступил на лестничную площадку и, убедившись, что опора тверда, направил луч фонарика в дверной проем в стене направо. То, что он увидел, можно было предположить заранее: хотя пол и не провалился, но все помещение было завалено обгорелыми остатками верхних перекрытий и крыши. Уходившие вверх стены местами обрушились наружу, но все остальное упало именно сюда, так что не могло быть и речи о том, чтобы пройти дальше. Правда, наметанный взгляд старика отметил в неверном свете фонарика, что обои на стенах не обгорели. Стало быть, здесь пожара не было. Скорее всего обрушение произошло уже после того, как пожарные погасили пламя на двух верхних этажах. В этом случае содержимое комнат второго этажа могло сохраниться. Вот только как до него добраться?

Заметив небольшой свободный промежуток возле стены, старик решил рискнуть. Он протиснулся немного вперед. Потом еще. Уперевшись в большой кусок кирпичной кладки, отвалившийся от внутренней стены, он уже собирался было повернуть обратно, как вдруг заметил, что под ним есть свободное пространство. По опыту старик знал, что именно в таких пещерах могли сохраниться не тронутые людьми и непогодой предметы. Он посветил в щель фонариком, затем взял трость за нижний конец и стал шарить ее загнутой рукояткой в узком пространстве между полом и упавшей стеной.

Первым, что ему удалось вытащить, были обломки венского стула, битые стекла и какие-то бумаги. Но вот появился краешек книги. Старик нагнулся и поднял небольшой томик в темно-синем переплете. Он осветил его слабеющим лучом фонарика и отер ладонью. Не считая цементной пыли, которая, впрочем, легко счищалась с гладкой обложки, книга была в превосходном состоянии. Старик прочел название и некоторое время о чем-то размышлял. Потом хмыкнул, отложил ее в сторону и продолжил шарить палкой, хрустя битым стеклом. Через несколько минут ему удалось вытащить еще несколько точно таких же книг. В каждой насчитывалось не более трехсот страниц, и, несмотря на дожди, от которых все вокруг было мокрым, они даже не отсырели. Бумага не пошла волнами. Только несколько царапин на обложках.

Старик пристегнул к верхним пуговицам пальто свой фонарик, передвинул сумку на живот, вытащил оттуда что-то вроде носового платка и обер им все томики. Затем он положил их в сумку, взял трость и стал выбираться назад. Минут через пятнадцать он вышел на расчищенную тропу и скоро оказался у искореженного остова трамвая. Здесь он остановился и прислушался.

Трамвай служил старику одним из ориентиров в этом районе. До поры до времени он был его базовым лагерем, из которого старик, словно альпинист, отправлялся на восхождения и куда он возвращался с добычей или без. До поры до времени потому, что в конце концов его уберут, расширив проезд и утилизовав несколько тонн так необходимого сейчас железа.

Почему старик ходил в развалины, он не мог бы объяснить. Небольшая пенсия и работа на почте по нечетным дням давали ему достаточно средств к скромному существованию. По нынешним временам он жил даже сносно. Таких теперь были миллионы. И тем не менее он раз или два в неделю отправлялся поздним вечером, невзирая на непогоду, в развалины и радовался каждой, даже никчемной находке так, словно от нее зависела жизнь.

Прислонив к трамваю свою трость, старик отстегнул от пуговиц пальто фонарик и спрятал его в сумку. Этот фонарик он тоже нашел несколько месяцев назад, но в другом месте.

Возможно, его потерял кто-то из спасателей или из команды ТЕНО<sup>2</sup>. Оливково-зеленая краска облупилась во многих местах, но все остальное было невредимо. Три ползунка для перемещения светофильтров, стекло рассеивателя, выключатель и даже кожаный хлястик с прорезями для пристегивания фонарика к пуговицам кителя или шинели.

Он снова огляделся и прислушался. Предстояло пройти еще метров двести, чтобы выйти из запретной зоны в город. В город, потому что такие места, где в ночное небо вздымались остатки стен с просвечивающими насквозь проемами окон, городу уже не принадлежали. Их обносили запрещающими надписями и вычеркивали из муниципальной инфраструктуры. Речь о каких-либо восстановительных работах давно уже не шла. Словно пораженный гангреной, город постепенно отмирал, покрываясь трупными пятнами. Они расползались все шире, захватывая все новые участки живой городской ткани. Когда выветривался едкий дым зажигательных смесей, оставался неприятный запах горелого дерева, мокрого тряпья и гниющего мусора. Казалось, сама земля умирала в этих местах и разлагалась, источая тлетворный запах неживой плоти. И только через многие месяцы выросшая на руинах трава снова возвращала изуродованную землю к некоему подобию жизни, но уже без людей.

Никого не повстречав, старик прошел мимо большого автокрана с тяжелой чугунной гирей, подвешенной к длинной стреле вместо крюка. Днем этот кран двигался вдоль расчищаемых проездов, обрушивая опасные участки стен. Пара экскаваторов ползла следом, разгребая обломки. В глубь развалины эта похоронная команда не углублялась.

Скелет черной стрелы с подвешенной гирей, причудливые очертания стен, такие же черные на фоне чуть более светлого неба – вот что ныне представляла собой когда-то шумная и освещенная в такую позднюю пору Регерштрассе, единственным пешеходом которой теперь был старик.

\* \* \*

– Докладывайте.

Септимус и Карел на этот раз были вдвоем. Тот же кабинет. На огромной настенной панели тихо журчал ручей и слышалось жужжание шмеля – президент академии не любил пальм и всякой экзотики с девицами, предпочитая тихие безлюдные уголки северной природы.

– Как прошел запуск зонда?

– Прекрасно! Погрешность меньше десяти секунд.

– В какую сторону?

– В минус.

– ?

– Мы будем получать информацию о событиях чуть раньше, – пояснил Карел. – Но главная новость не в этом.

Септимус уже заметил едва скрываемое волнение своего ведущего инженера по хронопортации.

– Второго февраля 1943 года в 23.34 по местному времени Мюнхен подвергся налету английской авиации. Другими словами, через несколько часов после попадания туда утерянного объекта на город сбросили что-то около пятисот тонн бомб и зажигалок. Но самое главное, – голос Карела стал чуть ли не торжественным, – дом номер восемь на Регерштрассе – тот самый – полностью разрушен!

– Ну и что? – вяло поинтересовался Септимус.

– Объект завален сотнями тонн кирпича. Его начнут раскапывать не раньше лета сорок пятого!

---

<sup>2</sup> ТЕНО – Служба оказания скорой технической помощи (TechnischeNothilfe, TeNo).

– Что там происходит сейчас? И перестаньте называть книги объектом. Говорите просто – «книги».

– В данный момент, – Карел посмотрел на часы, – там утро третьего февраля. Еще тушат пожары и скоро начнут работать спасатели. Если в ближайшие день-два они не наткнутся на объе... на книги, то можно считать, что они, эти книги, уже не засветятся. К сорок пятому году содержащаяся на их страницах информация потеряет 99% актуальности.

В это время дверь кабинета отворилась, и секретарь Септимуса сообщил, что пришел профессор Гараман из двадцать четвертого отдела. Со срочным, по его словам, делом.

– Это кстати. Пусть заходит.

В дверях, оттолкнув секретаря, появился сухой запыхавшийся старикан в желтой майке и розовых джинсах.

– Прошу прощения за внешний вид, но я прямо из дома.

– Что случилось, Гараман? На вас лица нет.

Септимус достал откуда-то из-под столешницы стакан, наполненный пузырящейся водой, и поставил перед пришедшим.

– Второго февраля, а также третьего, четвертого, пятого и так далее до двадцатых чисел на Мюнхен не упало ни одной бомбы! Того, что передает ваш зонд, молодой человек, – старикан посмотрел на Карела, – на самом деле не происходило. Вы понимаете, что это означает?

Он отпил из стакана и поочередно переводил взгляд то на инженера, то на президента. Повисла тревожная пауза. Новость сулила неприятности для всей академии.

– Давайте-ка поподробнее, – прервал молчание Септимус.

Гараман достал из штанов записную книжку и пощелкал кнопками.

– Вот, – потряс он пластмассовой коробочкой, – мне передали из архива час назад. Это хронология налетов на Мюнхен. Конечно, не всеобъемлющая, но тем не менее. Вечером второго февраля Британские Королевские ВВС работали по Дюссельдорфу. Правда, Мюнхен и еще Кассель были в тот день в списке возможных целей, но их очередь тогда не пришла по метеоусловиям.

– Стоп! – Септимус повернулся к Карелу. – А по вашим данным что выходит?

– Почти все то же самое, что нам рассказал уважаемый профессор. Но мы не только ознакомились с архивами, а еще просканировали переговоры с экипажами и расшифровали донесения метеорологов, в том числе подчиненных Адмиралтейству. Триста «ланкастеров» стартовали в 20.30 по лондонскому и взяли курс на Дюссельдорф. Но когда до цели оставалось полчаса лету, пришло сообщение о туче, неожиданно накрывшей город. Тут же последовал приказ идти на Южную Баварию, что они и сделали. И еще. Здание на Регерштрассе, 8, которое мы считали уцелевшим до самого конца войны и где в шестьдесят втором лежал известный вам шеститомник, оказывается, было заново отстроено в сорок девятом! Нас сбilo с толку то обстоятельство, что дом восстановили с сохранением первоначального стиля. Как, впрочем, и всю улицу за некоторыми исключениями. Так что все похоже на правду.

– Так может, вы, вернее ваши сотрудники, что-то напутали, Гараман? И на самом деле все было, как говорит инженер? – спросил Септимус старикана.

– Не знаю, не знаю. Проверю, – пробурчал тот.

– Вот-вот. Проверьте. И вообще, хватит лазить по квартирам и музеям в закоулках прошлого и таскать оттуда предметы. Пользуйтесь информационными зондами, как все. Это же самый щадящий метод исследования.

– Мы, господин президент, действуем в строгом соответствии с законом и инструкциями. Вам прекрасно известно, что никаких объектов из прошлого мы не таскаем, а только создаем их точные копии в нашем времени. Что касается конкретно Шнайдера, то могу дать справку...

– Гараман снова пощелкал кнопками своей записной книжки. – Вот, смотрите сами: все шесть

книг сгорели в пожаре в 1963 году. Данные взяты из дневника одного из обитателей той квартиры. Так что мы хотели вытащить их буквально из огня.

– Ладно, ладно. – Септимус побарабанил толстыми пальчиками по столу. – Скажите-ка лучше, чем вас так заинтересовал этот экземпляр «Взлета и падения»?

Старикан щелкнул своей книжкой и засунул ее обратно в карман штанов.

– Там в одном месте есть интересные, не исключено, что даже сенсационные ремарки.

– Кто же автор?

– Пока точно не известно, но записи сделаны по-русски на страницах шестого тома. Вернее, они сделаны знаками русской стенографии. Но это не суть важно. Важно то, что их публикация может наделать много шума и перевернуть кое-какие устоявшиеся исторические факты с ног на голову. Но по вине техников, – Гараман недобро посмотрел на Карела, – боюсь, мы упустили этот шанс.

– Вы можете мне объяснить, Карел, – спросил Септимус инженера по перемещениям во времени, когда профессор Гараман удалился, – почему историкам доставляет наибольшее удовольствие именно переворачивание фактов с ног на голову? Не уточнение, а низвержение... Что?.. Не можете? Тогда ступайте работайте.

Когда Карел поднялся из-за стола и уже собирался уходить, Септимус привлек его внимание жестом руки.

– Да, и вот еще что, – он понизил голос, – постарайтесь при случае узнать, кто из русских имел отношение к этим книгам.

## II

*Ne utile quidern est scire, quid futururn sit.*<sup>3</sup>

Профессор Вангер отложил газету и протянул руку к выключателю, надеясь наконец уснуть, когда раздался звонок в дверь. Он замер и посмотрел на часы. Кому он мог понадобиться в час ночи?

Осторожно, чтобы не разбудить жену, Вангер выбрался из-под одеяла и накиннул халат. По пути в прихожую он поднял трубку телефона и убедился, что тот работает.

– Эрих? Что случилось? Ты знаешь, который теперь час?

Он оглядел испачканное пальто старика с сумкой через плечо, стоявшего у дверей его квартиры.

– Извини, Готфрид, я принес тебе книги.

– Какие книги? Я что, заказывал тебе книги и при этом просил принести мне их непременно в час ночи?

– Я шел мимо... Они должны тебя заинтересовать.

Старик уже вынимал из своей сумки аккуратный томик в темно-синем переплете с тиснением на обложке. Тот, кого он назвал Готфридом, вздохнул и, посторонившись, жестом предложил гостю войти. В конце концов, он ведь еще не спал.

Профессор прикрыл дверь, взял протянутую ему книгу и включил дополнительный свет. Очки остались на прикроватной тумбочке, и пришлось вытянуть руку, чтобы рассмотреть обложку. На ней значилось имя автора: «William Shnider».

– Уильям Шнайдер, – прочел вслух профессор, – англичанин, что ли? Где ты ее раздобыл?

В это время старик, которого звали Эрих, достал из сумки еще несколько томиков некоего Шнайдера и протянул их профессору.

– Боже мой, это еще что? – Вангер повертел книги в руках и еще раз оглядел пальто старика. – Ты опять ходил в развалины? Смотри, Эрих, нарвешься когда-нибудь на неприятности. Тебя или задавит упавшей стеной, или загрызут бродячие собаки.

Он снова вытянул руку и прищурился.

– Черт, да они еще и на английском языке! – воскликнул Вангер. – «The history of the rise and fall of the Third Reich», – прочел он по-английски, при этом его произношение оставляло желать много лучшего. – История подъема... нет... скорее уж взлета и... падения Третьего рейха. Что за ерунда? Ты сам-то читал, что здесь написано?

Вангер посмотрел в красные, слегка слезящиеся от света глаза старика, но тот только улыбнулся. «А ведь он понимает по-английски, – подумал профессор, – очень хорошо понимает, гораздо лучше, чем я. Заболел он, что ли?»

– Эрих, ты что, болеешь?

– Нет, просто чувствую себя неважно. Это интересные книги, Готфрид. Очень интересные.

– Да? Откуда ты знаешь?

– Ты должен их посмотреть.

– Где же ты их все-таки взял?

– Нашел на Регерштрассе, в разрушенном доме. Там они пропали бы.

---

<sup>3</sup> Нет пользы знать, что случится, ведь терзаться, не будучи в силах чем-либо помочь, – жалкая доля (лат.).

Профессор снова повертел книги в руках: пять томов под одним названием. Солидная работа, если только все это не какой-нибудь трюк. Нет, если он действительно нашел книги на Регерштрассе, то это очень необычная находка. Недели две назад над Мюнхеном разгрузилось сотни три «ланкастеров». «Уж не с них ли сбросили этого Шнайдера вместо бомбы по ошибке», – усмехнулся про себя Вангер.

Он пролистнул страницы, убедившись в их полной сохранности, положил книги на полку у зеркала и еще раз внимательно оглядел старика.

– Пройдешь? Могу предложить кофе.

– Нет-нет, Я и так... Пойду...

– Вот что, Эрих, – профессор придержал взявшегося уже за ручку двери старика, – приходи-ка в это воскресенье к нам. Придешь?

Старик кивнул, поблагодарил, пробормотал что-то вроде «спокойной ночи» и вышел на площадку. Вангер, прикрыв дверь, еще некоторое время прислушивался к его шаркающим удаляющимся шагам. Затем он покачал головой, запер замок, выключил свет и отправился спать. Вернее, он отправился в спальню с твердым намерением лечь и уснуть, хотя прекрасно понимал, что как раз теперь это ему вряд ли удастся.

– Кто это был? – встревоженно спросила жена.

– Эрих.

– Почему-то я так и подумала. Что ему было нужно?

– Принес несколько книжек. Говорит, нашел где-то на разрушенной недавно Регерштрассе. Слушай, может, он того, заболел?

– Ты хочешь сказать, тронулся?

– Ладно, спи.

Профессор выключил свет.

\* \* \*

Готфрид Вангер, профессор Мюнхенского университета, преподавал историю. Пожалуй, ту, самую безобидную ее часть, которая не должна была бы подвергнуться особому пересмотру в связи с требованиями нового режима. Но это только так казалось.

Он читал лекции по истории Рима. И здесь с наступлением тридцать третьего года пришлось сместить многие акценты. В основном это касалось, конечно же, евреев вообще и Иудейских войн в частности. Многие другие события рекомендовалось не акцентировать, а о некоторых вообще не упоминать. Если, к примеру, фигура Юлия Цезаря в целом вполне вписывалась в концепцию современной имперской историографии, то относительно некоторых обстоятельств конца его жизни не было выработано единого мнения. На лекциях их следовало касаться вскользь, не особенно задерживаясь на подробностях.

Упоминания же древних историков о германцах и викингах потребовали значительных исправлений. Впрочем, они начались задолго до 30 января. Так, еще Гвидо фон Лист установил, что в описании Тацитом германских племен есть грубые принципиальные ошибки. К примеру, то, что римский историк в своем труде «Германия» описал как три различных племени – суть касты крестьян, жрецов и воинов единого сообщества<sup>4</sup>.

Подобные поправки и исправления, означавшие зачастую полное отрицание традиционных исторических воззрений, начали свое наступление со всех сторон еще на стыке веков и особенно после проигранной войны в двадцатые годы. Их главным генератором стало небывалое оживление движения пангерманизма. Оно отметало объявленные лживыми хроники римлян и греков, принижавших историческое значение германских племен. Вена, духовный центр

---

<sup>4</sup> Ингвеоны, арманы и иствеоны.

движения, названная Гитлером в бытность свою безвестным австрийским художником городом «расовой нечистоплотности», буквально исторгала из себя борцов за восстановление исторической истины. Они объединялись в союзы и фрейны, издавали журналы и книги и даже создавали новые рыцарские ордена, для чего приобретали живописные замки, разрабатывали соответствующие обряды и внутреннюю иерархию. Концентратором их идей стала возрожденная арийская философия, призывавшая из мрака забвения тени легендарных королей и языческих богов.

Началась борьба легенд с историей.

Еще немного, и на немецких картах мира проступят очертания Атлантиды, Гипербореи или острова Туле – прародины божественной «олимпийской» расы, основавшей все великие империи и государства от Вавилона и Индии до древней Ирландии и Британии.

Все это преследовало одну большую цель – доказать, что весь ход человеческой истории есть борьба истинного человека, выкованного германским богом Крестом в суровом Приполярье, с жалким, но многочисленным и коварным подобием людей, неизвестно по какой причине возникшим и расплодившимся в других регионах планеты.

«О Юпитер, позволь немцам понять свою силу, и они станут не людьми, но богами!» Это высказывание Джордано Бруно пангерманисты начертали на немецких щитах в августе 1914 года. Поражение в войне было использовано во благо пангерманизма: только пройдя через эпицентр катастрофы, можно достичь «золотого века» нации.

И все же Вангеру повезло гораздо больше, нежели некоторым из его коллег. Суровый период семи царей, славные железные века республики и последовавшие затем четыре века блистательной, но обреченной на упадок Западной империи в основном преподносились студентам в соответствии со сложившейся исторической традицией. Победы древних римлян не раздражали вождей Третьего Германского рейха. В чем-то они даже служили им примером. Главное – постоянно напоминать слушателям, что движущей силой всех этих побед была нордическая кровь гиперборейцев, а ее постепенное разбавление кровью низших племен как раз и явилось основной причиной загнивания и распада.

Что касается истории раннего Средневековья, то на ее страницы вторглись полуполюгендарные германские вожди, мистерия Грааля, царствование короля Артура, которое стало выражать парадигму сакральной королевской власти. При этом Англия как бы растворилась в некоем тумане, и Артур представлялся одним из главных нордических королей Европы наряду с Фридрихом Великим или Шарлеманем. Это вторжение чаще всего не было прямой интервенцией в официальные учебники, походя более на их осаду новой ариософской литературой, арманистическими журналами, оккультными ритуалами, пустившими наиболее глубокие корни в «черном ордене» СС и внедряемыми в молодежных организациях.

И, наконец, позднее Средневековье, новая и новейшая истории.

Изменения в изложении этих курсов опирались на другие принципы. По понятным причинам легенды в этом случае оказались неуместными. Приходилось считаться со всем известными фактами, поэтому в ход пошло смещение акцентов и трактовка событий таким образом, чтобы весь мир за редким исключением представлялся либо враждебным по отношению к Германии, либо недостойным внимания ее народа. Достижения других стран и наций в области науки, культуры и искусства всячески принижались, искажаясь порой до полного абсурда. Новейшая же история самой Германии была написана заново. Многие старые книги, в которых отыскивалась хоть одна негодная режиму мысль или авторов которых не устраивал режим по национальной принадлежности, еще десятого мая 1933 года полетели в костры, вспыхнувшие тогда на университетских площадях некоторых крупных городов. Тогда это называлось «очищением от скверны», к тем же трудам мыслителей прошлого, на которые нацисты не посмели посягнуть в силу их общемирового признания, они настоятельно рекомендовали относиться с «научных позиций национал-социализма», пропускать их через призму расовой философии.

В них следовало отделять зерна от плевел, еврейскую науку от науки истинной, арийской. В числе таких трудов оказалась и «История заката и падения Римской империи», написанная англичанином Эдуардом Гиббоном еще в XVIII веке. И сейчас все семь пухлых томов «Заката и падения» поблескивали потускневшим золотом корешков на одной из книжных полок в кабинете профессора Вангера.

Как историк Вангер воспринимал все эти новые веяния? Безусловно, болезненно. Мало того, что лидеры пангерманизма пытались подменить реальную историю легендами и преданиями предков, которые, конечно, следовало изучать, но на кафедрах индогерманистики, фольклора, культуры и филологии, а уж никак не на исторических кафедрах уважающих себя университетов. Но они еще и откровенно фантазировали! Доходило до полного абсурда. Взять хоть престарелого Карла Вилигута, жившего одно время в Мюнхене. Вангеру довелось с ним встречаться, когда тот приходил со своими бреднями к ним в университет. Этот ученый определил начало истории германцев аж с 228-го тысячелетия до новой эры! Свою же родословную он вел с 78-го тысячелетия, причем его предки так и назывались – вилиготами. Откуда он все это узнал? Да очень просто – Карл Мария Вилигут обладал исключительной родовой памятью! Той самой, о которой постоянно твердил Гиммлер и которая якобы передается с самой кровью.

Профессор Вангер не знал, что этот почти уже семидесятилетний пройдоха, лечившийся в двадцатые годы в психиатрической лечебнице, уехав в тридцать пятом в Берлин, очаровал рейхсфюрера, был им принят в СС, зачислен в штат Аненербе (где, несмотря ни на что, все его считали шарлатаном) и скоро дослужился до чина бригаденфюрера.

Шнайдер, Шнайдер...

Вангер несколько раз повторил про себя имя с темно-синих обложек, пытаясь припомнить, не встречалось ли оно ему прежде. Но нет, память, на которую он в общем-то никогда не жаловался, отказывалась выдать эту достаточно распространенную фамилию. Странно, он хоть и был романологом, но всегда следил за новыми крупными монографиями в области общемировой истории. А тут такая работа, никак не меньше полутора тысяч страниц. Нет, что-то здесь не так. Да и название... Тоже мне, новый Эдуард Гиббон выискался. «Взлет и падение». Надо же. И при чем здесь падение? Взлет был, это верно. Да еще какой! К осени сорокового года вдруг оказалось, что чуть ли не вся Европа лежит у их ног. И падение будет. Не растянутое на десятилетия по образцу Западной Римской империи, а страшное и стремительное. Но оно только еще будет. И никто не возьмется предсказать, когда именно. Потому и не так страшно.

Профессор понимал, что грядущий конец империи так же неотвратим, как и смерть каждого отдельного человека. Но поскольку дата его неизвестна, как неизвестна дата собственной смерти, то и нет той обреченности. Сообщи человеку, что он умрет через восемь лет, два месяца и четыре дня, и ты приговоришь его как осужденного на казнь. Он станет без конца отсчитывать оставшиеся дни, потеряет радость жизни, изменятся его взгляды и привычки. Он станет другим. Он уже будет не жить, а доживать. Какой-нибудь больной старик, понимающий, что ему судьбой отведено гораздо меньше, но не угнетенный известием о роковой дате, будет счастливее его. Воистину, если Смерть милосердна, она должна приходить внезапно, накрыв голову и лицо своим черным капюшоном. Нет, что-то, а знать свою последнюю, точную и неотвратимую дату он, Готфрид Вангер, не хотел бы ни за что на свете.

«Несомненно, этот английский писака применил здесь слово „падение“ в пророческом, нравственном или каком-то ином смысле, – размышлял Вангер. – С них станется, с этих англичан. Всю мировую историю переписывают на свой лад. И что обидно – настаивают-таки на своем. Взять хоть известное теперь всему миру имя маленькой бельгийской деревушки Ватерлоо, давшей до прихоти небезызвестного британского герцога, английских газетчиков и историков название одному из великих сражений. Французы нарекли эту битву сражением при Мон-Сен-Жане и по-своему были правы, целый день, преодолевая большой овраг, они атаковали плато Мон-Сен-Жан, и у его подножия окончательно пали их золотые орлы и надежды.

Пруссаки, то есть мы, немцы, назвали те события битвой при Бель-Альянсе в честь одноименной деревушки на плато с таким же названием, которую солдаты Блюхера взяли штурмом раз шесть, а отдали только пять. Но откуда взялось словосочетание „битва при Ватерлоо“? Не было там никакого Ватерлоо. Вернее, такая деревушка, конечно, существовала, но километрах в четырех позади позиций Веллингтона. А по тем временам это немало. До нее тогда не долетело ни одно ядро. Просто-напросто герцог, заночевавший после победы в этой деревне, на следующий день написал там отчет о сражении для короля и парламента. И приписал внизу дату и место: „18 сентября 1815 года, Ватерлоо“. Но это было место написания письма, а не самой битвы! Доставленное в Англию послание было подхвачено газетами, а вслед за ними и историками. Так что несколько десятилетий сражение между Северной французской армией, Нижнерейнской прусской и многоязычным сбродом, собранным под знаменами Веллингтона, имело три разных названия. В итоге победил именно ошибочный вариант. К середине того века все знали уже только о Ватерлоо, а Мон-Сен-Жан и Бель-Альянс стали пустым звуком...

А величайшая морская битва в проливе Скагеррак, ставшая по их же прихоти Ютландским сражением? А...

Да что говорить. Шустрые ребята, эти английские историки. Вот уже их многотомные труды отыскиваются в наших развалинах. Как все-таки там оказался этот Шнайдер?»

Поняв, что окончательно разошелся, и потеряв остатки надежды на сон, профессор тихонько встал, снова накинул халат и поплелся в кабинет. Он некоторое время осматривал свое букинистическое приобретение и скоро сделал два неожиданных открытия. Во-первых, это было сочинение в шести, а вовсе не в пяти томах. Недоставало самого последнего и, несомненно, самого интересного тома. Судя по всему, в нем-то и должно было описываться пресловутое падение. Вторым открытием оказалась и вовсе какая-то чертовщина: на титульном листе каждого тома и в конце на странице со списком редакторов, телефонов и прочих реквизитов он прочитал: «London, 1960». Эти четыре цифры на целую минуту парализовали взгляд профессора. «Они что, хотят сказать, что издали это в...» Вангер вдруг рассмеялся. Ну, ребята, вы даете! Сбрасывать взамен листовок многотомные сочинения, да еще посланные якобы из будущего. Вот это размах! Да, но почему же по-английски? Потрудились бы сначала перевести.

Он сознавал, что его веселье наигранно. Когда не понимаешь, что происходит, остается ерничать, чтобы не выглядеть дураком.

Вангер достал из шкафчика возле кресла бутылку с остатками какого-то ликера, еще раз усмехнулся и наполнил стакан на треть. Когда мозг отреагировал на пришедший вместе с кровью алкоголь, махнул рукой и стал шарить в нижних ящиках письменного стола в поисках припрятанной там пачки сигарет. Выпитое привело его в еще большее возбуждение, чувства обострились, мысль заработала гораздо энергичнее. Он расхаживал по кабинету, дымил сухой, как порох, английской сигаретой из турецкого табака и намечал план действий.

Выпив еще, профессор уселся в кресло и принялся тщательно рассматривать один из томов.

Высокая печать, гарнитура, вероятно, «таймс», бумага белая, несомненно очень высокого качества. В рейхе сейчас такой не сыщешь, разве что в придворных изданиях да в канцеляриях гауляйтеров. Блок прошит и склеен качественно. В общем, обычная, хорошо изданная книга.

Он попробовал читать в разных местах, впервые в жизни остро пожалев, что владеет английским языком на уровне хорошего студента-второкурсника, не более. Вот если бы здесь сейчас был Мартин...

Однако смысл прочитанного в большинстве случаев был ему понятен. И самое главное – этот смысл был. Это действительно книга о Третьем рейхе. Судя по обилию цитат из документов и воспоминаний, множеству имен, дат и сносок – очень основательная книга.

Пятый том был озаглавлен «Начало конца», он состоял из трех разделов, последний из которых назывался «Вторжение союзников в Западную Европу и покушение на Гитлера».

Переведя слова «покушение на Гитлера», Вангер поежился. Никогда прежде он не держал в руках такой убийственной крамолы. И если эту книгу квалифицировать как вражескую прокламацию, то только за ее чтение и недонесение властям ему уже полагался концлагерь.

Однако начать ознакомление с данным артефактом он все же решил с самого начала. Он полагал, что то, как автор войдет в тему, приступая к изложению столь значительного материала, какие обоснования он приведет в защиту его нужности, как постарается установить контакт с читателем, чтобы отважить последнего на прочтение с учетом шестого тома что-то около 1800 страниц, все это может дать некоторое дополнительное представление о нем самом и его книге.

\* \* \*

– Ну что, мой юный друг, – начал Септимус, предложив Карелу садиться, – вы, помнится, что-то там говорили про сорок пятый год, раньше которого до Шнайдера не доберутся? Но не прошло и двух недель, а уже начались какие-то движения? Давайте выкладывайте.

Инженер вытер распухший нос платком и два раза чихнул.

– Простите, господин президент, – вчера из Германии. Погода отвратительная...

– Здесь не лучше, Что вы там делали?

– Знакомился с местом событий. Там, где работает наш зонд, сейчас семнадцатое февраля. Согласно тому же Шнайдеру, назревают трагические события.

– Вы о студентах? Я тоже почитал кое-что. Мне подготовили сводку по всем сколько-нибудь значимым фактам, относящимся к февралю сорок третьего и Германии. К сожалению, что было, то уже произошло. Итак, я вас внимательно слушаю.

– Пятнадцатого февраля мы не вели наблюдений по техническим причинам, а вчера, шестнадцатого, зафиксировали перемещение объекта, то есть книг.

– Куда?

– На Брудерштрассе, 14. Третий этаж. Сейчас мои ребята выясняют, кто там жил в это время,

Говоря это, Карел вывел прямо на стол карту Мюнхена и увеличил место в районе Принц-регентенштрассе. Он пододвинул изображение к Септимусу и показал пальцем:

– Вот это место.

– Ошибки быть не может?

– Все проверили. Сигнал четкий, правда....

– Правда, что?

– Мощность сигнала равна пяти шестым от полной. Одна шестая куда-то пропала. Возможно, одна из шести книг осталась на Регерштрассе, возможно, перенесена в другое место.

– Другими словами, некто вытащил пять томов из развалин и отнес их сюда, – толстый, как маленькая сарделька палец Септимуса ткнул в карту. – А где же шестой том? И какой именно?

– Пока непонятно.

В кармане у Карела запищало.

– Простите, это может быть информация по Брудерштрассе. – Он достал свой повседневник и включил экран. – Да, так и есть. Книги попали в квартиру, в которой в тот момент проживала семья профессора Мюнхенского университета Готфрида Вангера.

– М-да-а-а. Хуже просто не бывает, – простонал Септимус. – Нет чтобы мельник какой или там слесарь. Что он преподает? Вернее, преподавал?

– Что-то из древней истории. Рим или Греция... Мы уточним.

Септимус взял свой карандаш и в раздумьях стал постукивать им по столу.

– Профессора, как я понимаю, по развалинам не бродят, – начал он размышлять. – Хотя... всякое могло случиться. Уж больно времена были суровые. И все же логично предположить, что книги нашел кто-то другой, рангом попроще, и принес их ученому в подарок либо в обмен на что-нибудь.

– Сигнал появился на Брудерштрассе поздно ночью, с шестнадцатого на семнадцатое. Вряд ли нашедший их поперся бы среди ночи к уважаемому человеку.

– Вы забыли, что это не простые книги. На каком, кстати, языке они изданы?

– На английском, господин президент. Я связался с библиотекой Рейгана в Вашингтоне, и мне пообещали репринт именно этого издания.

– Что ж, посмотрим.

Что-то в столе Септимуса запищало. Он достал из кармана маленькую коробочку, извлек из нее белую пилюльку и сунул под язык

– Хорошо, не будем сейчас гадать. Что еще, кроме сканирования, вы собираетесь предпринять?

– Уже подбираем программу психологической обработки всех, кому на глаза могли попасться эти книги.

Септимус поморщился.

– Что, без этого никак?

– Боюсь, что нет.

– Тогда вкратце...

– Наша задача подавить у свидетелей, то есть у тех, кто оказался невольным свидетелем наших...

– Ваших ляпсусов.

– Да, совершенно верно, так вот, подавить у них желание проявлять инициативу. Призвать к бездействию, спродуцировать индифферентное отношение к необычному и, если потребуется, даже страх. Мы можем внушить им, что они прикоснулись к ужасной тайне, о которой никто и никогда не должен знать. В нашей базе данных несколько тысяч программ психологического воздействия, от самых слабых до...

– Я знаю, до каких, – снова поморщился Септимус. – Как все это гадко!

– Я не думаю, господин президент, что нам придется прибегать к сильным методам. К тому же это сопряжено с волокитой, согласованиями, внешними проверками и другими неприятностями. Но здесь важен правильный подбор программы. Однажды, когда к одному французу – это была эпоха Великой Французской революции – по ошибке попал из будущего многостраничный документ, написанный по-английски, решено было временно лишить его знания английского языка, которым он не блестяще, но владел. Так вместо того, чтобы забросить непонятные бумаги в стол, он потащил их в Конвент и стал искать там депутата, хорошо знающего английский.

– И что потом?

– Точно не помню. Это было не у нас. Кажется, его лишили способности говорить и по-французски, так что бедолагу свезли в лечебницу для душевнобольных.

– Черт-те что. – Септимус посмотрел на часы и, кряхтя, стал выбираться из кресла. – Послушайте, Карел, а мы не можем просто уничтожить эту книгу?

– Увы. Мы не можем уничтожить в прошлом вообще ничего. Ни единого предмета, ни единой молекулы. Только информационные обмены. Более того, – Карел потупил взор, – даже если мы внушим эту мысль Вангеру, ему придется изрядно попотеть, так что лучше не рисковать.

– Что? Они вдобавок ко всему из этого чертового SL-100?

Инженер кивнул.

– Кто же знал, что так получится.

- Прелестно. Значит, книга у вас, точнее там, у них, и в огне не горит, и в воде не тонет.
- Горит, вернее, плавится, но при температуре...

– Ладно, – Септимус замахал руками, – сейчас мне некогда, через пять минут у меня пресс-конференция. Подготовьте все сведения о профессоре Вангере и каждом члене его семьи. С максимальными подробностями. Немедленно берите под наблюдение их всех, да не наломайте там дров, как с тем французом. Не забывайте также о таинственном русском следе. Но никаких решительных действий без согласования со мной. И строжайшая секретность. С этого момента никаких посторонних. Если об этой истории узнают газетчики... Ладно, жду вас вечером.

### III

На следующий день у Вангера не было лекций. Такие дни, называемые «творческими», выпадали раз или два в месяц. Как правило, он проводил их в библиотеках, архивах или музеях. И на этот раз, не заезжая в университет, он направился в центральную городскую библиотеку, где имел абонемент с правом пользования научным фондом. Ему была недоступна лишь та его часть, куда требовалось специальное разрешение по линии НСДАП.

Первое, что он сделал, войдя в центральный зал, это прошел к длинному шкафу каталога с многочисленными ящичками и разыскал те из них, где имена авторов начинались на букву «S». Поскольку алфавитный порядок начиная с третьей буквы соблюдался не всегда, ему пришлось довольно долго провозиться, перелистывая картонные карточки. Он нашел целую кучу Шнайдеров, но у них оказались другие, немецкие имена. Уже почти потеряв надежду, он вдруг наткнулся на Уильяма Шнайдера, автора брошюры о Берлинской олимпиаде тридцать шестого года. На карточке было еще два имени. Речь шла о сборнике в 112 страниц, составленном из работ трех журналистов – итальянского, французского и американского, – посвященных Играм. Выписав данные книги, Вангер заказал ее в читальном зале, не очень надеясь, что она окажется в наличии.

Но книжка нашлась. Судя по записям в индивидуальной карте, последний раз ее брали еще до войны.

Устроившись, как обычно, в дальнем конце зала подальше от посторонних глаз, профессор принялся ее изучать.

Мягкая обложка с изображением олимпийских колец, свастики и вездесущего имперского орла на фоне черно-белой фотографии, запечатлевшей Гитлера. Он стоит в своей ложе посреди ликующей трибуны стадиона. На нем партийная униформа: рубаша, бриджи с широким поясным ремнем, узкий португальский ремень через плечо, галстук и фуражка. Левая рука схватилась за поясной ремень возле пряжки, правая вытянута вперед в нацистском приветствии.

Из короткой справки об авторах профессор узнал, что Уильям Шнайдер – американский, а не британский, как посчитал он ошибочно, журналист, представлявший «Чикаго трибюн», Он долгое время проработал в Германии, а с лета тридцать четвертого аккредитован в рейхе на постоянной основе. «Что ж, – подумал Вангер, – похоже, все сходится. Этот журналист и тот Шнайдер с обложки „Истории взлета и падения“ очень могут быть одним и тем же человеком. Во всяком случае, кто-то хочет создать это впечатление».

Он полистал книгу, разглядывая фотографии, затем стал бегло просматривать тексты. Сразу бросалась в глаза сдержанность, с которой автор из США описывал события, происходившие тогда на спортивных аренах Берлина, особенно в сравнении с описаниями француза и итальянца. В его тексте имя фюрера почти не упоминалось. Да и подборка фотографий была посвящена в основном спортсменам, а не помпезным фотозарисовкам в духе Лени Рифеншталь.

Вот четырехкратный чемпион этих Игр Джесси Оуэнс – студент из университета штата Огайо. Пожалуй, главный герой Олимпиады. Мало того, что американец, так еще и негр. А вот Корнелиус Джонсон, Дэйв Ольбриттон и Делос Турбер – победители в прыжках в высоту. Снова американцы, двое из которых негры. А здесь Гитлер поздравляет в своей ложе Ганса Вёльке и Герхарда Штока, завоевавших золото и бронзу в толкании ядра в первый день соревнований. Это немцы. Приняв их и Тилли Флейшнер, победившую в тот же день в метании копья, Гитлер, вероятно, предполагал, что и дальше медали будут доставаться исключительно арийцам. И то, что кроме Оуэнса еще восемь американских негров завоевали золото, явилось для него большой и неприятной неожиданностью. Он демонстративно покидал в такие

моменты свою ложу и не участвовал в награждениях, чем поставил в весьма неловкое положение членов немецкого Олимпийского комитета. Несмотря на победу Германии в неофициальном командном соревновании, он заявил после Игр, что они были нечестными и что впредь негров не следует пускать на Олимпиады.

На одной из фотографий было запечатлено прохождение французской национальной команды в день открытия Игр мимо трибуны с германским руководством. Они тогда подняли руки в римско-нацистском приветствии, желая потрафить немецкой публике и ее фюреру. Был гром аплодисментов. Гитлеру, на которого в этот момент устремилось несколько кинокамер, пришлось встать и приветствовать проходящих французов так же, как он приветствовал команду Германии. Один раз этот момент промелькнул в официальной кинохронике, а потом был вырезан из нее навсегда. В планы Гитлера не входило братание его подданных с теми, кому еще в «Моей борьбе» была совершенно четко отведена роль одного из главных будущих врагов.

Вангер хорошо помнил то лето. Они приехали тогда в Берлин всей семьей. По случаю XI Олимпиады столица рейха была пышно украшена. По вечерам на площади у Бранденбургских ворот в чашах, вознесенных на высокие столбы-пилонны с канелюрами на белых гранях, ярко пылали факелы. На центральных улицах бесчисленные красные полотнища со свастикой, вовсе не казавшейся тогда большинству людей на земле зловещим черным пауком. Четырнадцатилетней Эрне тоже купили маленький флажок. Она гордо им размахивала целый день, не выпуская из рук, пока где-то не потеряла.

Каким-то чудом профессору удалось тогда получить приглашение на Павлиний остров. Помог знакомый австриец – гость Олимпиады, и семья Вангеров оказалась в сказке. По случаю завершения Игр Геббельс устроил для иностранцев феерический ночной фестиваль на одном из романтических островов Хафеля. Это был карнавал музыки и света, в котором приняли участие лучшие театры и оркестры Германии. Волшебные смычки Йоста, Рамборна, Вольфа, Викке и других дирижеров соревновались друг с другом в искусстве, и вальсы Штрауса, перемежаясь с музыкой Гайдна, Бетховена, Моцарта и Генделя, плыли над сверкающими от огней фейерверка водами ночной реки.

Во всем тогда ощущалась атмосфера праздника. Даже антисемитская пропаганда была временно запрещена. Третий рейх прожил всего три с половиной года, а как многое изменилось. Какое сплочение нации... Перевороты и кровавые побоища на улицах, еще несколько лет назад повергавшие в трепет обывателей, остались кошмарным воспоминанием. Жесткой рукой были укрошены штурмовики, сделавшиеся теперь совсем тихими и культурными. Давно канул в Лету Фрейкорпс со всякими там бригадами вроде головорезов Эрхарда. Исчезли коммунисты, мечтавшие только о том, как бы окончательно развалить страну. Повсюду теперь молодые здоровые лица с задором в глазах.

Вот улыбающиеся эсэсовцы из оцепления наблюдают, как маленькие дети, едва научившиеся связно говорить, старательно тянут свои пухленькие ручки, приветствуя фюрера или кого-то из вождей. Пища нестройными голосками «Хайль!», они путают левую руку с правой, а то вытягивают и обе сразу, жмурясь от солнца и приводя в полное умиление почтенную публику. Вот полицейский любезно рассказывает приезжему иностранцу о достопримечательностях Берлина. Подростки из Гитлерюгенда развешивают гирлянды флажков на стенах, а их сверстницы из Лиги немецких девушек с веселым смехом помогают высаживать цветы на клумбах и мыть витрины фешенебельных магазинов на Курфюрстендамм. Те самые, что еще недавно сверкали горами битого стекла на тротуарах.

А прямые, как стрела, автобаны! А роскошные лайнеры флотилии «Сила через радость», увозящие школьников и студентов к экзотическим островам! А тысячи детских спортивно-оздоровительных лагерей, где было совершенно неважно, сын ты стального магната или посудомойки!

Кто мог предположить тогда, что всего лишь через три года начнется война? А спустя еще год не только факелы на колоннах, даже вечерние окна погаснут в тысячах городов Европы. Их заменят блуждающие по небу лучи зенитных прожекторов и пожары. И следующие Олимпийские игры, сразу под номером XIV, пройдут только через двенадцать лет.

Профессор сдал книгу и вышел на улицу. Стоял теплый весенний день, хотя на перекидном календаре на рабочем столе в его кабинете значилось только семнадцатое февраля. В городе снега уже не было. Здесь, в Южной Германии, в отличие от Северной Померании – его родины – весна начинается совсем рано. В другое время ее приход радовал. Любители лыж на выходные устремлялись в горы. К их числу когда-то принадлежали и Вангеры. Во всяком случае, сам профессор с Мартином всегда раньше старались не упустить погожие дни, чтобы прокатиться по солнечным склонам Баварских Альп.

Но в этот раз он никуда не собирался. Его сын Мартин был на фронте, дочь Эрна все свободное от учебы время проводила, помогая матери, работавшей в Немецком Красном Кресте. В ушах еще звучал резкий голос Геббельса, твердившего об отмщении и тотальной войне. Третьего февраля был объявлен траур. Трехдневный, как в тридцать шестом по убиенному Вильгельму Густлову, но тогда это был фарс, наигранное горе, срежиссированное имперским шефом пропаганды, а сейчас – панихида по целой армии. Шестой армии, рванувшейся было к победе и славе на восток и оставшейся там почти целиком, без победы и без славы. Ко всему этому можно добавить ужас ночных бомбардировок. По наращиванию их интенсивности было хорошо заметно, как все более беспомощными становились хваленые люфтваффе и как набирали силу ВВС англо-американцев.

«На что они рассчитывают? – в который уже раз задавал Вангер себе вопрос. – На какое-то новое оружие? Но оно скорее появится у противника, а не у нас. Может быть, они надеются, что последний миллион мужчин, который удастся поставить под ружье, сможет переломить ситуацию? Но в одной только России в ответ выставят десять миллионов...»

Вечером, когда фрау Вангер была еще на работе, вернулась из университета Эрна. Она принесла свежий номер «Германского исторического вестника», полученный ею на почте по просьбе отца, и вынутую из почтового ящика газету «Дер дойче эрциер».

– Ты не можешь себе представить, что было у нас сегодня! – возбужденно затараторила она, скинув в прихожей легкое пальто и проходя с отцом в гостиную. По пути она сняла небольшую фетровую шляпку с сиреневой лентой на тулье, вытащила из волос пару заколок и, тряхнув головой, раскидала по плечам длинные волнистые локоны. – К нам приехал гауляйтер. Не тот, которого прошлым летом разбил паралич, а Гислер. Ну и мерзкий же, скажу тебе, тип!

Эрна плюхнулась в мягкое кресло и отдышалась.

В стране, где губная помада и тушь для ресниц находились едва ли не под запретом, а для поддержания цветущего вида молодым женщинам рекомендовались метательное копье или лыжный трамплин, эта двадцатилетняя девушка находилась в явно выигрышном положении. Со стороны могло показаться, что она все же пользуется косметикой, настолько выразительными были ее всегда чуть влажные глаза, красивые полные губы и детский румянец. На фоне большинства блеклых нордических подруг с соломенными волосами и выцветшими ресницами она выглядела ярким исключением, южным цветком, попавшим в оранжерею к северным эдельвейсам.

– Но-но, ты полегче со своими формулировками, – укорил ее профессор, – Любите вы с ходу приклеивать характеристики к людям, которые намного старше вас.

– Да? Жаль, что тебя там не было. – Эрна закинула ногу на ногу и, положив руки на подлокотники, изобразила на лице обиду. – Посмотрела бы я, какую ты сам дал характеристику этому распоясавшемуся грубияну.

Вангер тоже опустился в кресло и, надев очки, стал просматривать «Дер дойче эрциер» – официальный печатный орган работников образования.

– Так что он там с вами делал, этот Гислер? – спросил он рассеянно.

– Всячески нас оскорблял и унижал! – выпалила дочь. – Между прочим, и твоим коллегам досталось. Ну ничего, мы его вытолкали за дверь вместе со всеми охранниками. Будет знать, как хамить и унижать людей!

Профессор, быстро сняв очки, посмотрел на дочь.

– Что-что-что? Как это «вытолкали за дверь»? Кого вытолкали?

Из последующего затем сбивчивого рассказа он узнал о событиях этого дня. В действительности же, которая, впрочем, с поправкой на некоторую импульсивность Повествования почти соответствовала изложению Эрны, в университете произошло следующее.

Часов в одиннадцать старшекурсников нескольких факультетов собрали в актовом зале, отменив положенные на этот час занятия. Минут тридцать ожидали большое начальство и наконец дождались. В сопровождении нескольких не то охранников, не то секретарей в зал вошел упитанный человек в партийной униформе с парой золотых изогнутых дубовых листьев на красных петлицах. Остановившись на мгновение в дверях, он молча вскинул правую руку, резко опустил ее и направился к кафедре, держа в левой руке красную папку. Он был коротко стрижен, с почти выбритым затылком и висками, шел, несколько наклонив вперед бычью шею, в которую глубоко врезался ворот коричневой рубахи. Весь вид партийного руководителя Мюнхена и Верхней Баварии предвещал только неприятности. И они сразу же начались

Взойдя на подиум украшенной имперским орлом кафедры, Гислер уперся в нее руками и уставился тяжелым взглядом в зал Его люди и пара человек из ректората уселись за стоявший рядом длинный стол. Наступила пауза, которую иначе как тягостной назвать было нельзя. Наконец, достав из своей папки несколько листов бумаги, гауляйтер поднял их над головой.

– Кто-нибудь из вас догадывается, что это такое? – чуть ли не прорычал он, поводя глазами. – Только не нужно строить из себя пай-мальчиков и пай-девочек! Мол, ничего не знаем, не слышали, не видели. Я не хочу читать здесь всю ту грязь, что нацарапана на этих бумажках. Здесь нет ни слова правды и ни единой путной мысли. В то время как лучшая часть немецкого народа сражается с врагами на фронтах и, напрягая все силы, трудится во имя победы в тылу, нашлись мерзавцы, пытающиеся опорочить нашу борьбу, осмелившиеся усомниться в нашей победе. Эти отщепенцы посягнули на фюрера! – взвизгнул Гислер.

Он театрально швырнул листки на пол и, переведя дух, продолжил свою речь. Она была достаточно сумбурна, с многозначительными, на взгляд оратора, паузами и частыми перескоками с одной темы на другую. Досталось всем. Преподавателям за то, что у них под носом студенты вместо того, чтобы учиться, шушукаются по углам, пересказывая содержание этих «вонючих писем» так называемой «Белой розы» (при упоминании о «Белой розе» его лицо исказилось гримасой отвращения). Студентам за то, что вместо того, чтобы быть бдительными, они своим интересом к листовкам только подзуживают изменников к дальнейшим действиям. Их родителям за плохое воспитание в своих детях патриотических чувств. Местному руководству национал-социалистского союза студентов Германии за близорукость... И так далее и так далее. Прошелся он даже по женской молодежной организации «Вера и красота»<sup>5</sup>, но к тому моменту смысл его слов уже мало кто воспринимал.

Во время своей речи Гислер энергично жестикулировал. Его левая рука с широкой красной повязкой, расшитой гирляндой золотых дубовых листьев, грозно летала над кафедрой, в то время как кулак правой стучал по ее крышке. Некоторая несвязность изложения и развязный тон еще с первых минут заронили в слушателях подозрение в трезвости гауляйтера.

---

<sup>5</sup> Национал-социалистская организация для молодых женщин в возрасте от 18 до 24 лет

Аудитория сидела, вжав головы в плечи и опустив глаза. Все чувствовали себя виновными не только в существовании листовок, но и в военных неудачах последних месяцев и недель. Казалось, что тень Эль-Аламейна и драма Сталинграда, похоронные марши по которому отзвучали по всей Германии менее двух недель назад, тоже легли тяжелой виной на их плечи.

Что касается Пауля Гислера, то его нервозность была вполне объяснима. Уже несколько месяцев гестапо перечитывало эти самые прокламации. Они знали их содержание наизусть. Знали, что письма рассылаются в почтовых конвертах во все концы страны, включая Австрию, и что центр заговора, несомненно, в Мюнхене – на родине национал-социализма. Именно здесь появились первые листовки. Их обнаруживали в будках телефонов-автоматов вложенными между страниц телефонных справочников, а жители Мюнхена вынимали их из своих почтовых ящиков. Но главное, все это зародилось и вызрело именно здесь, неподалеку от священной для каждого немца аркады полководцев Фельдхеррхалле, у подножия которой пролилась кровь первых нацистских мучеников.

Последнее обстоятельство было как раз наиболее неприятным. При этом косвенные факты указывали именно на студенческую организацию. Более того, зараза, похоже, распозла-лась. Недавно появились серьезные основания подозревать уже и Гамбургский университет в причастности к деятельности «Белой розы». И, несмотря на все старания, никого не удавалось схватить за руку. А тут еще на стенах домов стали появляться надписи. Профессор Вангер как-то лично наблюдал картину, как полицейские, размахивая руками, словно регулировщики на перекрестке, призывали прохожих не задерживаться, скорее проходить мимо стены, с которой несколько рабочих соскабливали большие белые буквы. До того как надпись загородили фанерными щитами, он успел прочитать: «Долой Гитлера!»

– Вы думаете, почему я пришел именно к вам? – продолжал гауляйтер. – Да потому что кто, как не вы, освобожденные от фронта маменькины сынки, способны на эту низкую измену! Ну ничего, я найду вам занятие, более полезное для нашей борьбы, чем протирание штанов. Вы у меня научитесь орудовать лопатой и киркой. А иные и пороху понюхают. Это я вам обещаю!

Во время очередной паузы кто-то из девушек нервно хихикнул. На несколько секунд воцарилась гнетущая тишина. Глаза Гислера прищурились, а лицо приобрело откровенно скабрзное выражение.

– А вам, фройляйн, я тоже подыщу работенку по силам. – Выдержав паузу, он обвел ряды студентов взглядом, задерживаясь на редких женских лицах. – Вы, я имею в виду всех студенток, станете рожать по ребенку в год для нужд фатерлянда и фюрера. – Он окончательно пришел в восторг от своей идеи. – А кто из вас не сможет в силу каких-то причин найти себе партнера, ну, там, рожей не вышла, так я приставлю своих людей. Ха! Ха! Ха!

При этих словах он кивнул в сторону стола с сидевшими там ээсовцами и функционерами гауляйтунга. Не успели некоторые из них угодливо осклабиться, как кто-то из задних рядов вдруг выкрикнул: «Да он просто пьян!» Аудитория загудела, потом поднялся шум. Через несколько секунд в возмущенных выкриках трех сотен голосов полностью потонули слова пытающихся призвать к порядку преподавателей. Гислер некоторое время смотрел на происходящее с ухмылкой на лице, затем собрал свою красную папку и спокойно направился к выходу. Следом, подобрав с пола листовки, вышел его эскорт.

Студенты повскакали с мест и бросились к дверям. Несколько десятков человек выбежали в коридор и что-то кричали вслед удаляющемуся Гислеру. Но ни он сам и никто из его сопровождения даже не обернулись.

Но и после ухода гостей университет продолжал бурлить. Много лекций и занятий в тот день было сорвано. Говорят даже, что ближе к вечеру большая группа студентов вышла на улицу и устроила что-то вроде демонстрации протеста. Впрочем, однажды такое уже было, когда несколько десятков человек выступили в защиту профессора фон Рентелена, отстраненного от работы и посаженного под домашний арест. Рентелен как никто умел с помощью тон-

кой иронии или исторических сравнений выразить на своих лекциях негативное отношение к режиму. Но выразить так, что предъявить конкретное обвинение было очень сложно. До поры.

Выслушав дочь, Вангер долго смотрел на нее, не произнося ни слова. Гислер был прав, сомневаясь в благонадежности мюнхенского студенчества. Где, как не в университете, его Эрна могла пропитаться этим духом пассивного, насмешливого протеста? Воспитанница Юнгмедель, а позже Лиги немецких девушек, никогда не слышавшая дома открытой критики в адрес правительства, за исключением разве что бытового ворчания касательно вопросов образования, она вдруг стала иметь такие суждения, что Вангер, втайне отмечая их справедливость и точность, все чаще приходил в беспокойство.

Однажды в своем почтовом ящике он обнаружил запечатанный конверт без марки и адреса. Вскрыв его, он стал читать отпечатанный на машинке и скопированный на гектографе текст странного содержания. Вначале это было рассуждение о государстве, демократии и диктатуре, предваряемое латинским выражением: «*Salus publica suprema lex*»<sup>6</sup>. Но дальше тон письма изменился. Анонимный автор призывал к сопротивлению:

*«...Если у человека нет больше сил требовать свои права, то он неизбежно должен погибнуть. Мы заслуживаем того, чтобы быть развеянными по всему свету, как пыль на ветру, если в этот роковой час не соберемся с силами и наконец-то не найдем мужества, которого нам так не хватало до сих пор. Не скрывайте вашу трусость под личиной благоразумия! Ведь с каждым днем, пока вы медлите, пока вы не противостояте этому исчадию ада, растет ваша вина, становясь, подобно параболе, все выше и выше...*

*...Саботаж на оборонных предприятиях, саботаж на всех собраниях, митингах, торжествах, во всех организациях, которым положили начало национал-социалисты...*

*Саботаж во всех областях науки и умственного труда, работающих на продолжение этой войны, повсюду: в университетах, институтах, лабораториях, исследовательских заведениях, технических бюро. Саботаж всех мероприятий культурного характера, которые могли бы возвысить фашистов в глазах народа. Саботаж во всех отраслях изобразительного искусства...*

*Не жертвуйте ни одного пфеннига во время уличных сборов, даже если они проводятся под прикрытием благотворительных целей – это лишь прикрытие... Не сдавайте ничего во время сбора металлолома и пряжи! Пытайтесь убедить знакомых, даже среди низших слоев населения, в бессмысленности продолжения, в безысходности этой войны; в неизбежном духовном и экономическом поражении, в разрушении всех нравственных и религиозных ценностей национал-социализмом! Подтолкните их к пассивному сопротивлению!»*

В заключение были приведены выдержки из Аристотеля («О политике») и призыв размножить этот листок и передать дальше.

Это было третье письмо «Белой розы». Все указывало на то, что его авторы обременены определенным гуманитарным знанием. Они либо студенты, либо преподаватели, либо работники культуры. Вангер тогда долго сидел в растерянности. Как лояльный режиму человек, он обязан был немедленно донести о прокламации. Но сама мысль о доносе, даже таком, когда никто не должен был пострадать, была неприятна. Несколько последующих дней он вглядывался в лица студентов и своих коллег по университету, хотя совершенно не представлял себе, какая черта поведения могла бы выдать заговорщика. Потом пошли слухи о существовании некой тайной организации, призывающей к борьбе с нацистским правительством. И, наконец, эти надписи на стенах или рисунок перечеркнутой свастики.

– Эрна, – стряхнул он с себя оцепенение, – ты видела эти письма? Я имею в виду...

<sup>6</sup> Благо народа – высший закон (лат.).

– Я знаю, о чем ты говоришь, папа. Конечно, я их видела. И не только видела, но и читала. – Она посмотрела прямо в глаза отцу. – «Мы не станем молчать. Мы – ваша нечистая совесть. „Белая роза“ не оставит ваши души в покое», – продекламировала она запомнившийся отрывок.

– Боже мой, Эрна, уж не хочешь ли ты сказать...

– Успокойся, папа. Я не имею никакого отношения к этим людям. А их листовки у нас не читал только ленивый. Однажды одна из них была приколотая к доске объявлений медицинского факультета и провисела там больше часа, пока кто-то из сознательных не сорвал ее и не отнес ректору. – Она встала, подошла к отцу и сзади обвила его руками. – Успокойся, я веду себя тихо, как мышка.

– Ну да, знаю я тебя, – проворчал, смягчившись, профессор, проводя ласково рукой по волосам дочери. – Небось тоже топала там ногами и первая выскочила в коридор за гауляйтером?

На следующее утро, в четверг восемнадцатого февраля, профессор отправился в университет. В одиннадцать часов у него была лекция для студентов юридического и исторического факультетов. Он вышел из своего дома на Брудерштрассе, прошел один квартал до Принцрегентенштрассе и сел в автобус. Всю дорогу его не оставляла мысль о шестом томе «Истории взлета и падения». Нужно разыскать Эриха и выяснить, где именно он нашел эти книги. Вероятно, он просто не заметил шестую, и она еще лежит там. Это не было навязчивым желанием заглянуть в будущее. Он по-прежнему не мог поверить в то, что стал обладателем книги, которая еще только будет издана после войны, но каким-то чудом уже попавшей в его руки. Просто книга постепенно обретала над ним власть, хотя он еще не отдавал себе в этом отчета.

Автобус проехал по Фондертаннштрассе и свернул направо на Людвигштрассе. Когда показался фасад Баварской государственной библиотеки, Вангер подумал, что неплохо было бы поговорить обо всем этом с его хорошим знакомым профессором Фрайзенбургом, который здесь работал. До войны тот несколько лет жил в Лондоне и в совершенстве владел английским. Но что-то подсказывало Вангеру не посвящать никого в тайну пяти темно-синих томов, спрятанных у него в кабинете среди десяти тысяч других книг, и уж тем более не говорить никому о шестом томе, в существовании которого он уже не сомневался.

В десять часов Вангер прохаживался в атриуме – большом внутреннем дворе университета, – поджидая коллегу. Трое студентов что-то обсуждали, стоя неподалеку у одной из стен, со всех сторон окружавших замкнутый квадрат двора. Больше никого не было. Неожиданно внимание профессора привлекли порхающие на ветру листки бумаги. Они падали сверху. Он поднял голову и увидел, что кто-то стоит за балюстрадой третьего этажа и бросает листки вниз по одному, с таким расчетом, чтобы они разлетались в разные стороны. Один из листов упал ему прямо под ноги.

Он поднял его и сразу понял, что держит в руках очередное послание таинственной организации. На этот раз сверху было написано: «Листок сопротивления».

*«Подавленными и сломленными созерцаем мы гибель наших людей в Сталинграде. Триста тридцать тысяч немецких солдат безответственно и бессмысленно были отданы смерти... Фюрер, мы благодарим вас!..»*

Профессор снова посмотрел вверх. Последние три листка медленно опускались на землю. На балюстраде уже никого не было. «Безумцы, что они делают!» – подумал Вангер. Он огляделся и незаметно сунул прокламацию в карман пальто.

Минут через сорок, когда, раздевшись у себя в кабинете, Вангер шел на лекцию, то заметил на подоконнике еще одну листовку. Видел он их и спускаясь по лестнице – они лежали прямо на ступенях.

Читая затем одну из интереснейших своих лекций о гражданской войне Первого триумvirата, Вангер постоянно ловил себя на мыслях о другом. «Зачем они сделали это сразу после скандального посещения университета гауляйтером? Это же прямой вызов».

– Итак, одиннадцатого января сорок девятого года до христианской эры со словами «Жребий брошен!» Цезарь переходит реку Рубикон, открыто нарушив тем самым приказ сената. В его распоряжении было восемь легионов и вспомогательные войска общей численностью 60 тысяч человек. Это была лучшая армия в мире...

Вангер подошел к окну и посмотрел вниз. Время лекции уже близилось к концу, а он дошел только до Рубикона, совсем забыв, что курс-то сокращен. Студентов теперь часто отрывали от занятий, отправляя на несколько месяцев в лагеря Имперской трудовой службы, на заводы и даже на фронт в студенческие санитарные роты. Гуманитарные дисциплины при этом урезались, разумеется за исключением таких курсов, как «Народ и раса», «Социальные сословия» и им подобных.

Окно выходило в тот самый внутренний двор университета, куда бросили листовки. Нужно поторопиться с изложением, подумал Вангер.

– У Помпея Великого и сената было два легиона в Италии, семь в Испании и еще восемь спешно набирались...

В это время он увидел, как два человека в серых плащах остановили какого-то студента. Тот открыл свой портфель и показал им его содержимое. После этого один из этих двоих стал бесцеремонно проверять внутренние карманы ошарашенного паренька.

– В провинциях имелись и другие войска, но поскольку силы сената были изолированы... – Профессор прошелся вдоль первого ряда слушателей и подошел к двери. – Цезарь двинул армию на Рим, заставив Помпея... – С этими словами он вдруг открыл двери и увидел в коридоре у окна напротив пару точно таких же типов в серых плащах и узкополых фетровых шляпах. Они смотрели прямо на него. Вангер осекся на полуслове и растерялся.

– Э... вы не подскажете, который час? У меня что-то с часами, – сказал он.

Вопрос выглядел довольно странно. У него в аудитории сидело больше ста слушателей, у доброй половины из которых наверняка были часы.

– Без четверти час, – спокойно ответил один, даже не вынув рук из карманов.

Профессор взглянул на запястье своей левой руки, поблагодарил и закрыл дверь. Продолжая повествование о битвах римлян друг с другом, он снова подошел к окну. Там обыскивали очередного молодого человека. Вангер повернулся и посмотрел на десятки обращенных к нему или склоненных над столами лиц. «У некоторых из них наверняка припрятаны эти листовки, – подумал он, – ведь они были разбросаны по всему университету». Он еще раз взглянул на часы. До конца лекции оставалось десять минут.

«Что же делать? – лихорадочно думал Вангер, механически рассказывая об осаде войсками Цезаря Массилии и испанской Илерды, – открыто не скажешь. Все они воспитанники Гитлерюгенда, и большинство присутствующих еще искренне верят в своего фюрера и высшую справедливость, гарантом которой он служит. Есть здесь и откровенные нацисты. Вот хоть этот, в первом ряду. Кажется, его зовут Карл Шнаудер. Да, верно, он староста курса. Его отец – какой-то функционер в администрации крайсляйтера. Позади него Берта Фогельзангер, гаупт-медельфюрерина из БДМ – Лиги немецких девушек. Эта несколько глуповатая девица с исторического факультета всегда носит на левой стороне своего жакета полагающуюся ее званию нашивку в виде черного фигурного щита с золотистым орлом и маленькой черной свастикой.

А вот в шестом ряду ближе к краю сидит Зепп Шапицер, Этот парень совсем другого мировоззрения. Его даже арестовывали за участие в акции в поддержку профессора фон Рентелена. Но как ему сообщить?»

– Йозеф, – обратился профессор к темноволосому худому долговязому парню из шестого ряда, – да-да, вы. – Вангер указал на Шапицера рукой. – У вас, кажется, достаточный рост. Вы не можете мне поправить эту штору? Подойдите сюда.

Студент с готовностью поднялся со своего места и стал выбираться в боковой проход.

– А вам, господа, я тем временем хочу задать вопрос: почему, как вы думаете, когда Помпей, покинув Рим, бежал в Эпир, Цезарь вместо того, чтобы преследовать его, вдруг отправляется в Испанию и ведет свою армию через Пиренеи?

Вангеру необходимо было занять аудиторию и дать себе паузу, чтобы обмолвиться несколькими словами с Шапицером. Студент тем временем влез на подоконник и пододвинул одну из штор, чтобы прикрыть от яркого солнечного света кафедру. Затем он спрыгнул вниз, и в этот момент профессор незаметно придержал его за рукав.

– Посмотри во двор, – шепнул он ему на ухо. – Видишь тех двоих?

Студент посмотрел вниз и затем непонимающе взглянул на Вангера.

– Двое таких же ждут за нашей дверью.

В это время внизу начался очередной досмотр целой группы проходивших через двор юношей и девушек. Йозеф Шапицер снова взглянул на профессора и едва заметно кивнул.

– Ну, так как? Зачем Юлию Цезарю вдруг понадобилось осаждать Илерду, если с подчинением Испании он одновременно терял Африку?

Вангер наблюдал, как вернувшийся на место Шапицер шепчется со своими соседями. По рядам пробежала едва уловимая цепная реакция. Обходя одних стороной, информация передавалась тем, кому нужно.

– Впрочем, ваши версии мы выслушаем в следующий раз, после чего нас ждет великая битва при Фарсале и Египет. На сегодня это все

Аудитория зашумела, и два ручья студентов, стекая по боковым проходам, потянулись к выходу. «Интересно, почему они не устроили обыск прямо здесь? – подумал Вангер, присев на подоконник. – Впрочем, в пустом широком коридоре, где нет столов и скамеек, каждый человек гораздо более на виду».

Когда студенты вышли в коридор, они вдруг обнаружили, что он перекрыт с обеих сторон. Всех попросили построиться в два ряда вдоль стены, положить портфели и все, что было в руках, на пол у своих ног и стоять неподвижно. Несколько человек внимательно следили за опешившими людьми, в то время как двое или трое гестаповцев проверяли их сумки и карманы. Досмотренных отпускали.

Одновременно с этим два человека вошли в пустую аудиторию. Не обращая внимания на присевшего на подоконнике Вангера, они стали обходить ряды столов, заглядывая под них и под лавки. Каждая скомканная бумажка немедленно поднималась, разворачивалась и снова бросалась на пол. Наконец они нашли то, что искали. Под одним из столов первого ряда валялось сразу несколько скомканных листовок. Их тщательно разглядели, и один из гестаповцев обратился к профессору:

– Кто здесь сидел?

Вангер пожал было плечами, но вдруг вспомнил, что как раз на этом месте сидел Карл Шнаудер, сын нацистского функционера. Не зря листовки попали именно сюда, подумал он.

– Если не ошибаюсь, здесь сидел Шнаудер. Карл Шнаудер. Он всегда сидит в первом ряду.

Один из гестаповцев записал названные имя и фамилию в блокнот и поинтересовался, как зовут самого профессора. Другой в это время, держа в руках найденные листовки, подошел к Вангеру и испытующе оглядел его.

– Мне вывернуть карманы? – спросил тот, вставая с подоконника.

– А откуда вы знаете, что мы ищем? – Агент государственной тайной полиции, тот, что вел записи в блокнот, вдруг быстро подошел к Вангеру и уставился ему прямо в глаза.

Профессор растерялся. Посмотрев в холодно-равнодушные зрачки гестаповца, он отчетливо понял – для них нет никакой разницы между студентом-первокурсником и профессором, обладателем докторантуры. Его запросто могут сковать наручниками и провести при всех к выходу. И никто не посмеет даже спросить, что случилось.

– Вчера здесь был гауляйтер, – как бы оправдываясь, пробормотал Вангер, – он рассказывал о каких-то прокламациях. Вероятно, об этих.

Профессор взглядом показал на листовки.

– О каких-то? Вы знакомы с Гансом Шоллем, студентом медицинского факультета? – Это уже походило на допрос.

– С Шоллем?... Если он ходил на мои лекции...

– А с его сестрой Софи Шолль?

О Софи Шолль профессор знал от своей дочери. Они учились вместе на факультете биологии, но на разных курсах. Эрна, хоть и была младше, поступила в университет на два года раньше Софи, у которой были какие-то проблемы с нелюбимыми режиму родственниками. Дочь рассказывала ему об этой девушке как о талантливой художнице и прекрасном человеке. Вангер несколько раз видел Софи и сейчас явственно представил ее лицо: короткая, сзади совсем мальчишеская стрижка с непомерно пышной челкой, широкий, немного приплюснутый нос, тонкие губы и пронизательный, часто задумчивый взгляд. Эта длинная челка темных волос, спадающая на глаза... Уж не она ли мелькнула сегодня над перилами балюстрады на третьем этаже? Не может быть!..

Он молчал, пораженный своей догадкой. Прошлым летом Эрна отработывала трудовую повинность в Ульме на металлургическом заводе В их отряде была и Софи. Уж не связаны ли они чем-то большим?

– Так вы ее знаете?

– Я пытаюсь вспомнить. Вероятно, знаю. Во всяком случае я слышал это имя.

– Что вы читаете? – спросил гестаповец с блокнотом в руке. – Я имею в виду не дома перед сном, а ваши лекции. – Он осмотрел стены аудитории, словно пытаясь определить, что здесь можно преподавать.

– Историю Рима и иногда, подменяя других, Римское право.

– Вы знаете Курга Хубера?

– Да, разумеется. Это один из наших профессоров. Он преподает философию и...

– Это нам известно. Что вы можете сказать о нем как о немце и гражданине?

Вангер знал, что Хубер был страстным собирателем народных песен и фольклора. Он объездил в их поисках не только всю Баварию, но и Балканы, Южную Францию, Испанию и другие места. Он преподавал в Мюнхенском университете уже больше двадцати лет, получив докторантуру в семнадцатом году в двадцатичетырехлетнем возрасте. Они не были друзьями, но уважали друг друга. Хубер неоднократно хвалил Вангеру Эрну, которая посещала лекции по философии факультативно, за успехи по его предмету.

– Я не могу сказать о нем ничего плохого.

«А хорошее вас не интересует», – подумал он про себя.

В это время дверь в аудиторию отворилась и появившийся в проеме человек сказал:

– Мы закончили, оберштурмфюрер.

– Думаю, мы еще с вами увидимся, – произнес тот, кого назвали оберштурмфюрером, и все трое вышли в коридор, оставив дверь распахнутой.

Вангер присел на подоконник, достал носовой платок и вытер вспотевший лоб.

\* \* \*

– Мы его потеряли.

– Кого его?

– Зонд.

Карел стоял в дверях кабинета в синем рабочем халате, без галстука, со взъерошенной шевелюрой. Септимус показал пальцем на стул

– Что происходит, Карел? То вы теряете объекты, а теперь уже и до зондов дошло.

Огромный карандаш президента, хорошо известный всей академии, стал грозно постукивать по столу.

– Я предупреждал, что такое может случиться, – начал заранее заготовленные объяснения инженер по перемещениям. – Вы же знаете, что нам урезали энергию до опасного минимума, при котором наступает нестабильность. Я просил дать возможность нормально поработать еще хотя бы неделю. Потом мы готовы были отключиться, но...

Септимус замахал толстыми ладошками.

– Оправдываться будете после, а сейчас коротко: чем это нам грозит?

– Эта ситуация, господин президент, еще мало изучена, хотя зонды теряли и раньше. – Карел страдальчески посмотрел на Септимуса. – Многое зависит от того, в каком режиме он работал в момент обрыва связи. В нашем случае это был как раз режим активного сканирования объекта.

– Какого объекта?

– Некогого Эриха Белова.

– Ну так и говорите, не «объекта», а «человека». Что за манера! Какое отношение он имеет к нам, точнее, к этим чертовым книгам?

Карел пожал плечами.

– Пока неизвестно. Он пришел домой к профессору Вангеру, причем, заметьте, поздно вечером. Почти ночью. Ну мы и решили навести справки.

– Навели?

– Он оказался русским.

– Вот как? – Карандаш замер в толстых пальцах Септимуса. – Что еще успели узнать?

– Немного. Из эмигрантов. Бывший пленный, еще Первой мировой. Остался в Германии.

Во времена Веймарской республики получил гражданство. Стал известным журналистом. При нацистах лишился всего и попал в Дахау. Когда был в лагере...

– Так, стоп, стоп. Не спешите, Карел. Про Веймарскую республику я что-то слышал, а вот Дахау... Напомните-ка, что это за место такое.

– Это концентрационный лагерь возле одноименного городка под Мюнхеном.

Инженер положил на стол руки, намереваясь включить изображение, но Септимус его остановил.

– К черту карты и всякие там планы. Дальше.

– Это все, что мы успели. Зонд оборвался.

– Ну так восстановите связь. Я переговорю с энергетиками.

Карел потупил взгляд.

– В том-то и дело, что это очень непросто. Его еще надо найти. С зондом не просто потеряна связь, понимаете, он оборвался. Другими словами, сместился во времени, и где находится теперь, мы не знаем. Но уже ищем, – поспешил добавить инженер.

– Да-а-а, с вами не соскучишься.

Септимус бросил карандаш и выбрался из кресла. Переваливаясь, словно утка, он стал прохаживаться вдоль стола. Такое бывало редко и могло означать две вещи: либо возбуждение от неожиданной удачи, либо... В данном случае речь могла идти только о втором «либо».

– Может быть, просто подготовить другой зонд и не мучиться с поисками? А?

– Уже готовим, господин президент.

– А этот? Что, так и будет валяться неизвестно где, пока его ржа не съест?

– Валяться он не будет. Он не железяка какая-нибудь, чтобы валяться. Это электронная конструкция на основе холодной плазмы, не видимая глазом и не осязаемая другими органами чувств.

– Да знаю, знаю. Ну тогда и черт с ним! Или вы что-то недоговариваете? А, Карел? Давайте-ка начистоту. Я не в курсе всех этих ваших штук. У меня академия на горбу. Триста отделов!

При этих словах Септимус похлопал себя по загривку. Инженер понимающе и даже сочувствующе кивнул, собрался с мыслями и начал:

– Утерянный зонд обладает некоторым запасом внутренней энергии для автономных действий. Он скоро разрядится, и на этом его существование прекратится. Как я уже сказал, зонд, как правило, невидим...

– Как правило?

– Ну... с его помощью можно создавать голографические изображения, но только по приказу оператора. Мы прибегаем к этому крайне редко, особенно после того, как парламентский комитет по науке провел известный вам закон.

– Продолжайте.

– Так вот. Он разрядится недели через две, а может, и раньше. Все зависит от затрат на производимые им действия. А что он там делал или будет делать, если сместился в будущее по отношению к сорок третьему году, мы пока не знаем.

– Ладно, что вы успели наработать по профессору?

– Немного, но все же... – Карел достал свой блокнот. – Во-первых, по-английски он читает со словарем по две-три страницы за вечер, в полном одиночестве, запершись в своем кабинете. Это уже хорошо.

– То есть имеется надежда, что никто, кроме самого Вангера и, возможно, этого русского, о книге пока не знает?

– Совершенно верно. Хорошо также, что читает он медленно. Книга очень большая, а профессор понимает, что стоит ему о ней заикнуться, как он тут же лишится доступа к такой потрясающей информации. Вы, господин президент, сокрушались, что книга попала не к мельнику или там к слесарю, а к историку, но позвольте заметить, что именно историк не захочет с ней расстаться, пока сам не прочтает от корки до корки. А Вангер сможет сделать это очень не скоро. Так что у нас есть фора

– Ну а во-вторых?

– Во-вторых?

– Вы сказали «во-первых».

– Ах да. А во-вторых, он должен понимать, что если об этой книге станет известно властям, то над всеми, кто соприкасался с ее пророчествами, – а они в конечном счете связаны с падением Третьего рейха, – нависнет смертельная угроза. И над их родственниками тоже. Согласитесь, знать наперед будущее государства и его главных лиц...

– Понятно, понятно. Значит, считаете, что в нашем случае историк лучше пекаря?

– Безусловно.

## IV

«Сколько же человек они сегодня арестовали?» – думал профессор, возвращаясь в тот вечер домой. В слухах, заполнивших аудитории, лаборатории, кабинеты преподавателей, коридоры и рекреации, назывались самые разные фамилии. Но первой среди них была фамилия брата и сестры Шолль. Говорили, что именно они разбрасывали повсюду листовки с призывом к мятежу и были пойманы на месте преступления. Их заметил кто-то из служащих университета. Называлось имя некоего Якоба Шмидта, учебного мастера и члена партии, который и позвонил в гестапо.

Сразу же собрался актив местного национал-социалистского студенческого союза. Был организован немедленный поиск разбросанных прокламаций и сдача их сотрудникам гестапо. Собрался и университетский актив национал-социалистского союза доцентов Германии, к которому принадлежали все без исключения преподаватели высших учебных заведений Там тоже что-то организовали. Спешно поднимали личные дела задержанных студентов, писали характеристики, направили своего представителя в управление тайной полиции. К счастью, профессор Вангер, который, разумеется, тоже был членом союза, во всем этом не участвовал.

Свой экземпляр прокламации Вангер спрятал в кабинете, засунув в щель между выдвинутым ящиком письменного, стола и боковой стенкой тумбы. Он опасался обыска при выходе. По разговорам сослуживцев он знал, что у центрального входа постоянно находилось несколько легковых машин, в которые время от времени кого-то сажали и увозили. Сначала он собирался уничтожить листовку. Прочитать ее где-нибудь в туалете и, изорвав на мелкие клочки, выбросить в унитаз. Но потом решил сохранить ее и принести домой, когда все уляжется.

Вечером Вангер шел, всматриваясь украдкой в лица редких прохожих, но не замечал в них ничего необычного. Ему казалось, что произошедшее сегодня в университете было столь неслыханным для Германии событием, что о нем все уже должны были знать и говорить.

Проходя мимо двух полицейских, он специально замедлил шаг, стараясь подслушать их разговор. Уже немолодой вахтмайстер, вероятно, рассказал что-то смешное своему напарнику, и они оба смеялись, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Зачем же они это сделали? – думал профессор. Они что, не понимают, в какой стране живут? Кого в Третьем рейхе они могли призвать к сопротивлению? Лишь горстку таких же сумасшедших. Да и стиль их прокламаций, судя по той, что была брошена в его почтовый ящик, слишком мудреный. Аристотеля зачем-то вспомнили. Если человек еще не понял, что живет в государстве абсолютной диктатуры, или если его это устраивает, то никакой Аристотель, рассуждавший более двух тысячелетий назад о политике, не сможет поколебать его отношение к современной действительности. Но самое главное в том, что, как считал Вангер, подавляющее большинство немцев прекрасно все понимали. Их вовсе не радовали нынешнее состояние дел в стране и ход войны. Они со страхом смотрели в будущее и уже не строили планов на случай победы и возвращения сыновей с фронтов живыми и невредимыми. Но они искренне считали себя обязанными трудиться во имя Германии, сражаться во имя Германии, терпеть все невзгоды и доносить на тех, кто высказывал малейшее сомнение в справедливости той борьбы, которую вела Германия. А имя фюрера для них давно слилось воедино с понятием «Германия».

Профессор вдруг отчетливо вспомнил картину художника Фридриха фон Каульбаха – «Германия – август 1914». В то лето в 14-м году репродукции этой картины были повсюду. Она произвела на него, тогда 26-летнего школьного учителя истории, огромное впечатление. Прекрасная женщина с развевающимися по ветру длинными распущенными волосами соломенного цвета. Плающий гневом взор, На ней доспехи и длинная черная юбка. На голове корона Гогенцоллернов, в правой руке длинный тевтонский меч, на левом предплечье большой золотой щит с черным прусским орлом. Позади нее черные тучи и багровый закат.

Такой представлялась тогда немцам оскорбленная Германия. Сколько их тогда, в июле 14-го, не скрывая слез радости, слушали на городских площадях указ императора об объявлении мобилизации, означавший войну.

Потом, спустя пять лет, была другая Германия. Вангер не знал имени художника. Он помнил только открытку с изображением привязанной к столбу обнаженной женщины с золотыми локонами. Ее голова и плечи от невыносимого стыда опущены вниз. У ее ног на земле все та же корона Гогенцоллернов, меч и доспехи. А рядом рыщут три шакала, олицетворявшие, очевидно, три главные страны Антанты. Это уже 19-й год. И что особенно поразило Вангера в этой открытке – это примитивность рисунка. Он был точен по существу, но выполнен в открыточно-лубочной манере. И, как ни странно, это несколько не раздражало. Поверженная и униженная Германия и должна выглядеть именно так. Не парадное, насыщенное трагизмом полотно, а рисунок простого немца. Выраженная в крике его души боль всей нации.

Профессор снова и снова вспоминал те годы. Многие тогда упивались всеобщим унижением. Они, как древние варвары, расцарапывали ногтями свои раны, как элины, посыпали головы пеплом, как побежденные в бою римляне, покорно шли под позорным ярмом из трех копий, как бы говоря при этом: «Смотрите на нас и осознавайте, за что мы отомстим, когда Германия снова наденет доспехи и возьмет в руки меч».

Вангер остановился и, глядя на разрушенный месяц назад участок улицы, задумался.

Как они пришли к тому, против чего сейчас выступила эта горстка студентов? Ведь кроме «Стального шлема», Фрейкорпса, штурмовиков, нацистов и коммунистов, было так много либеральных и христианских организаций и партий. Взять хотя бы «Младогерманский орден», идеям которого в те годы Вангер очень симпатизировал. Он, конечно, понимал некоторую утопичность взглядов Марауна, создателя и бессменного гроссмейстера ордена, который вознамерился построить государство без партий и политиков. Более того, из братьев и сестер своего ордена тот собирался вырастить новый немецкий народ. Тем не менее у Марауна было много единомышленников по всей стране. Он издавал газеты, в которых печатались его манифесты и программы. Он привлек в ряды братьев многих представителей студенческой молодежи и интеллигенции. Он постоянно утверждал, что его орден не имеет ничего общего с партией и не борется за власть. Но народ выбрал как раз тех, кто боролся. И получил Гитлера, СС и концлагеря. При этом он, народ, мгновенно лишился рейхсрата, выборных представителей и всех партий, кроме одной. И несколько не горевал. А когда многие поняли, что Гитлер – это не только диктатура и порядок, но еще и война со всем миром, было уже поздно. И Артуру Марауну еще повезло. Хоть его «Младогерманский орден» был разогнан, но сам он чудом уцелел: в 34-м его вызволило из застенков гестапо личное заступничество Гинденбурга. Он, боевой офицер Великой войны, кавалер Железного креста обоих классов и Рыцарского креста Дома Гогенцоллернов, жил теперь с отбитыми почками и наполовину потерянным в застенках гестапо зрением под постоянным надзором полиции, пописывал безобидные статейки в виде басен с персонажами из животного мира и наблюдал новый немецкий народ, выращенный, правда, другим селекционером.

И вот теперь эти несчастные студенты. Откуда они взялись именно сейчас, когда все давно стерилизовано? Сотни тысяч отправлены в лагеря, а другие сотни тысяч (или миллионы) запретили себе даже думать о сопротивлении. Нет, эти зерна упали на иссушенную зноем землю.

Бодался теленок с дубом...

Придя домой, Вангер намеревался сразу же после ужина лечь спать. Но, жуя котлету и глотая горячий кофе, профессор все более угнетался навязчивой мыслью – добром все это не кончится. Здесь, в городе, в котором зародился немецкий национал-социализм, они не оставят это дело без последствий.

Неожиданно он перестал жевать, поглощенный пришедшей мыслью. Шнайдер! Судя по началу своей книги и ее объему, он пишет достаточно подробно. Книга насыщена множеством гораздо менее значительных фактов, и студенческий мятеж в Мюнхене, а власти квалифицируют это именно как мятеж, не должен был ускользнуть от внимания новоявленного Гиббона. Если, конечно, эта его книга не мистификация, в чем профессор Вангер был снова почти уверен.

Он отложил вилку, вытер губы салфеткой и прошел в кабинет. Там он отыскал на одной из верхних полок «Миф XX века» Альфреда Розенберга и снял вместе с ним десяток книг из первого ряда, втайне надеясь не обнаружить позади них пять темно-синих корешков. Но нет, они были на месте. Все пять.

Он вынул их, уселся в кресло возле окна и в который уже раз стал просматривать оглавление.

Где же это может быть, думал он, пытаюсь отыскать подходящую главу. Неужели в шестом томе, которого у него не было?.. Вдруг ему пришла мысль поискать фамилию Гислера в именном указателе. Как же он сразу не догадался!

Профессор раскрыл пятую книгу и... нашел. Упоминание о Пауле Гислере было всего лишь на одной странице в той самой главе о покушениях на Гитлера. Он лихорадочно отыскал ее и стал скользить взглядом по трудночитаемым строчкам в поисках нужного имени.

«Вот оно! Так, что тут?.. Ага, начнем отсюда, чуть выше... В феврале 1943 года гауляйтер Баварии Пауль Гислер... так... письма... так... созвал студентов и объявил им... так...» Профессор не верил своим глазам. Он читал сейчас о том, чему была свидетелем буквально вчера его дочь. Перемещая палец все ниже по строчкам, он наткнулся на имена Ганса и Софи Шолль. «...расправа была скорой и необычайно жестокой... Профессор Хубер и еще несколько студентов были казнены через несколько дней».

Вангера прошиб пот. Он опустил книгу на колени и уставился остекленевшим взглядом в пол. Во-первых, подтверждались его самые худшие опасения, а во-вторых... Но этого не может быть! Он либо спит, либо сошел с ума. Рассудок материалиста Готфрида Вангера не мог прийти в согласие с тем, чего просто не могло быть. Как в этих чертовых книгах оказалась информация о еще не произошедших событиях?

Он встал и начал в растерянности ходить по квартире. «Ладно, в этом сейчас не разобраться, – думал он, пытаюсь сосредоточиться, – сейчас важнее другое: брата и сестру Шолль, Хубера и еще нескольких человек казнят! Вот что ужасно. Еще нескольких... Но кого именно?»

Вангер снова схватил книгу и долго что-то бормотал про себя, то забегаая вперед по тексту, то возвращаясь назад. Но вскоре он убедился, что интересующим его событиям была отведена только одна страница. И до нее и после речь шла о разных заговорах против Гитлера (как же много их было и еще будет!), но о студентах, гауляйтере Гислере и Мюнхенском университете больше не упоминалось. Из окончательно переведенного им отрывка он узнал, что девятнадцатого февраля, то есть завтра, а не сегодня, Ганса и Софи арестовали. Какой-то рабочий с соседней стройки увидел, как они разбрасывали листовки с балкона университета, и донес. Во время следствия их пытали так, что на суд Софи пришла на костылях со сломанной ногой. Судебное заседание проводил Фрейслер. Никаких подробностей больше не было. Но и этого казалось более чем достаточно.

Когда он успокоился, выписал перевод в тетрадь и стал анализировать, то заметил, что, кроме путаницы с датой, ведь Шоллей схватили сегодня, восемнадцатого, а не завтра, девятнадцатого февраля, есть и другое сомнительное место. Никакой стройки, с которой могли бы увидеть, как бросают листовки с университетского балкона, да еще во внутреннем дворе, поблизости не было. Говорили о Якобе Шмидте, работавшем в самом университете. Это он вызвал гестапо. Впрочем, они могли и в другом месте их разбрасывать, и кто-то еще запросто мог на

них донести. Он ведь сегодня далеко не все видел и знает. Но вот с датой у Шнайдера явная нестыковка.

Что же получается? Ганса и Софи Шоль, а также профессора Хубера казнят. В этом нет сомнения, если верить этой дьявольской книге. А оснований не верить ей оставалось все меньше. Все, что он успел перевести за эти три дня, соответствовало действительности. Он вполне допускал наличие неточностей и опечаток. Он понимал, что книга в какой-то мере могла быть тенденциозной и грешить чрезмерным усилением нужных автору акцентов. Но такая информация, как казнь реальных людей, не могла быть ошибкой. Слишком она серьезна и непростительна для солидного историка.

\* \* \*

I had a dream that was not all a dream.  
[*Мне снился сон – не все в нем было сном.*  
(*Байрон Дж. Г. Темнота*) (англ.) ]

В ту ночь ему приснился странный сон.

В этом сне он осознавал себя римским квиритом Авлом Элианием, патрицием и сенатором. Он стоял в числе многих, таких же как он сам, в целле храма Беллоны, что на Марсовом поле. Их согнали сюда силой по приказу Суллы – первого из граждан, кто осмелился двинуть на Рим легионы против воли сената.

Они все были напуганы. Их вытолкали из домов на улицу и привели сюда под конвоем на виду у плебеев, вольноотпущенников и рабов. На некоторых висели сенаторские, наспех надетые тоги, на большинстве – домашняя одежда, никак не подходившая для этого места.

Окружавшая Элиания толпа волновалась. Он видел вокруг себя нечеткие тени людей и слышал их ропот, доносившийся словно из глубокого каменного туннеля. Изображение было резким только в центре, но размыто по краям, как будто он смотрел на все происходящее через большую вогнутую линзу. Его глаза еще не привыкли к внутреннему полумраку, а когда он направлял взгляд в сторону вестибюля, его снова ослеплял яркий свет неба, бьющий меж размытых очертаний колонн.

Элианий явственно ощутил необычность происходящего с ним. С одной стороны, он вроде бы бывал здесь много раз, с другой же – видел эти колонны, эти ионические капители, эти надписи, блестящие тусклым золотом с высоты фризов, впервые. «*In Bellonae hortis nascuntur semina mortis*»<sup>7</sup>, – прочел он в одном месте.

Внезапно что-то переменялось, и сразу все стали поспешно расступаться. Гремя по выщербленным плитам пола подбитыми железом калигами, в храм начали входить солдаты. Они шли двумя колоннами, без щитов и несли в руках обнаженные мечи. Многие заметили на мечах кровь. Она капала с опущенных клинков на каменный пол густыми черными каплями.

Солдаты прошли сквозь толпу, бесцеремонно отталкивая тех, кто стоял на пути, и встали позади сенаторов. В шлеме с пышным черным гребнем появился император, Сопровождавшие его Красс, Помпей и два военных префекта остановились у входа. Сулла – недавний победитель Мария – прошел в центр круга и остановился. Никто не крикнул «Виват император!» или «Слава освободителю отечества!». Да он этого и не ждал.

– Во что вы превратили Рим? Вы, скопище баранов!

Он стал медленно поворачиваться вокруг, обводя взглядом тех, кто до недавнего времени вершил здесь суд и закон.

---

<sup>7</sup> В садах Беллоны растут семена смерти (лат.).

– Я вас спрашиваю! – Сулла простер руку в направлении первых рядов. – Вы превратили Рим в зловонную сточную канаву. В трубу с нечистотами. Я нашел здесь не центр мира, а разлагающийся труп, поедаемый червями восточных пороков. Плебеи уже правят империей! Скоро рабы начнут избирать своих трибунов и наделять их правом вето – самым мерзким изобретением вашей грязной демократии!

В это время все услышали крики. Предсмертные крики сотен, а может быть, тысяч людей. Они доносились снаружи. Лысые головы отцов народа завертелись в испуге. Поднялся шум, и Сулла прервал свои оскорбления. Он сложил на груди руки и с молчаливым презрением наблюдал за реакцией присутствующих. Но Элианий, в отличие от многих, знал, что происходит. Более того, он знал, какие слова сейчас будут произнесены.

– Чего вы всполошились? – спокойно спросил Сулла. – Там получает по заслугам горстка негодяев. Я попросил бы никого не отвлекаться, покуда не пришла его очередь.

Да, по своей сути это были те самые слова. Ропот стал перерастать в шум.

– Они уже убили Витрония, – негромко сказал кто-то рядом. – Я видел его голову. Она валяется там, между колонн амфипростиля.

Элианий обернулся и посмотрел на говорившего. Это был хорошо знакомый ему толстяк и гурман Сервилий Карна, умеренный популярь, чья роскошная вилла заслуженно считалась одним из украшений Эсквилинского холма. Его жирное лицо, как всегда, было основательно припудрено, чтобы скрыть пятна экземы.

– Они убили и Марка Порция, и его жену, и известного всем Поликлета – их вольноотпущенника... – вторил ему другой.

– Молчать и слушать императора! – крикнул военный префект.

Сулла продолжил:

– Я пришел сюда не для того, чтобы прощать, и обещаю – каждый получит по заслугам. Одних я щедро награжу, другие пожалеют, что боги даровали им жизнь.

Снаружи по-прежнему доносился вопль огромной толпы. Но он не походил на рев трибун во время ристалища. Это был предсмертный вопль, захлебывающийся кровью и бессильной яростью.

Два раба внесли и поставили в центре целлы кресло. Сулла, отстегнув плащ и сняв с головы шлем, сел.

– Ну ничего. Я вычищу эту конюшню, – продолжил он уже сидя, в то время как слушавшие его, в большинстве своем лысые старцы, продолжали стоять, – но сделаю это не лопатой, а мечом. И для этого вы сначала узаконите пребывание трех моих легионов в черте города. Еще десять станут вокруг Рима лагерями. Всего же в Италии я расселю двести тысяч моих ветеранов из двадцати трех легионов. Города выделяют земли и деньги. Одновременно с этим мы вместе с вами займемся восстановлением древних законов. Сенат и патриции снова станут править, а плебс и эквиты навсегда забудут, что такое политика. Мы сотрем из памяти народа имена Гракхов. Если потребуется, я отброшу римскую демократию на двести, триста лет назад. Но одновременно я двину республику вперед. Население всех провинций должно получить гражданство. Мы должны стереть, наконец, различия между племенами. Сами названия племен, их языки и дурацкие традиции должны навсегда исчезнуть. Никаких этрусков, умбров, сабинов и апулийцев. Никаких белингов, герников, марруцинов и пелингов. И даже никаких латинов. Только италийцы и только латинский язык! Всю восточную заразу вон! Я очищу холм Яникул от их храмов и вышвырну на болота все статуи богов, не допущенных в римский Пантеон. Один народ, один язык, одни боги! Это говорю вам я – Люций Корнелий Сулла!

Он встал и поднял правую руку вверх.

– Именем сената и народа Рима!

– Ave imperator! <sup>8</sup> – раздался нестройный хор голосов, и несколько десятков рук также поднялись вверх в знак приветствия.

Элианий тоже поднял руку и, глядя на других, восславил императора.

– Фюрер впервые применил этот жест в двадцать шестом в Веймаре, – услышал он чей-то шепот. – Четырнадцатого июля он приветствовал так своих единомышленников.

«Что за чушь! В римском календаре еще нет месяца июля. Он появится позднее», – подумал Элианий и прислушался. Крики снаружи стихли.

– А теперь, – Сулла надел шлем и застегнул на плече пряжку накинутаго рабом плаща, – пойдёмте посмотрим, что вас так отвлекало во время нашей короткой беседы.

Он направился к выходу, и солдаты, окружавшие сенаторов, стали теснить их следом. Тех, кто не желал идти, грубо толкали вперед.

Они вышли на заполненную народом площадь и двинулись к расположенному рядом цирку Фламиния. Публика приветствовала императора и с удивлением (а многие и со злорадством) наблюдала, как следом за ним плетутся обескураженные, одетые кто во что горазд отцы государства, конвоируемые легионерами.

То, что увидели сенаторы на арене цирка, повергло их в ужас. Не горстка негодяев, как говорил Сулла, а бесчисленные трупы заполняли все ее пространство. Это были те самые пленные самниты, которых провели вчера в колонне триумфатора от Марсова поля до Капитолия и которым он обещал жизнь. Элианий знал, что число их должно равняться шести тысячам. И действительно, шесть тысяч тел, руки которых были связаны за спиной, лежали здесь изрубленные мечами и пронзенные стрелами.

Привыкшие к погребальным гладиаторским схваткам и виду пролитой на песок арены крови, патриции отворачивались, не в силах вынести открывшегося перед ними зрелища. Согнанные в цирк рабы нагромождали тела друг на друга, чтобы освободить узкие проходы. Скользкими от крови руками они брали отрубленные головы и бросали их на эти кучи. Их ноги в сандалиях разъезжались в жидкой хлюпающей смеси песка с кровью, мозгом и вывалившимися внутренностями. Они часто падали на колени, не в силах удержаться в этой жиже. По образовавшимся проходам медленно бродили перепачканные кровью казненных солдаты и протыкали копьями тех, кто подавал еще признаки жизни. Сплошная шеренга таких же солдат стояла вдоль нижних рядов трибун, выше располагались лучники.

Элианию стало плохо. Он ощущал запах и, казалось, видел поднимающийся над огромной ареной розовый пар. Он увидел также, как по одному из проходов между телами шел человек в странной одежде и по-немецки (именно по-немецки) восклицал:

– О божественное деяние!

– Смотрите, смотрите, – спокойно говорил Сулла сенаторам, подавая знак солдатам подтолкнуть их ближе к грудам трупов. – Это легкая смерть, потому что это всего лишь самниты, возомнившие себя хозяевами Италии.

В это время к нему подошел центурион и подал свиток. Сулла скользнул глазами по пергаменту.

– Читай!

Центурион снова взял свиток и стал медленно называть имена.

– Антоний Реммий, Квинт Сестий Канидий, Гней Кальвин Скавр...

Сенаторы попятились. Это были их имена! Сулла сам отыскивал взглядом названного и указывал на него рукой. Ему помогал его верный соратник патриций Катилина, сновавший между сенаторами и хорошо знавший многих в лицо. Солдаты тут же хватали указанного и волокли его к небольшому освобожденному от тел участку арены, представлявшему собой красное болотце глубиной по щиколотку. По пути они срывали с несчастного тогу с пурпурной

---

<sup>8</sup> Слава императору! (лат.).

полосой или другую одежду. Разбрызгивая ногами жижу, они швыряли человека на колени и умерщвляли мечами в несколько ударов.

Некоторых не оказывалось среди присутствующих. Тогда центурион делал знак, и четыре-пять всадников из стоявшей поодаль конной турмы отделялись от строя и, взяв адрес приговоренного, отправлялись к нему домой. Ни крики о невиновности, ни мольбы о пощаде, ни проклятия, ничто даже на секунду не замедлило расправы.

Последним из названных оказался Сервилий Карна. Когда его жирное дряблое тело, лишенное одежды, волокли к двадцати убитым предшественникам, он зашелся хрипом в астматическом приступе и только дергал толстыми ногами. Сулла сам пошел к поставленному на четвереньки популяру и, не обращая внимания на заливавшую его калиги кровавую жижу, приблизился к нему вплотную. Солдаты отошли в сторону. Карна поднял голову. Элианий издали увидел его мутный взор и услышал булькающий свист, вырывающийся из его горла.

«На кого похож этот Карна? – неожиданно подумал Элианий. – Определенно я знаю еще одного человека с таким лицом».

– Ну что, пес, – доставая меч, сказал Сулла, – когда ты жрал нынче утром павлиньи языки под тосканским соусом, ты знал, что это последнее твое чревоугодие?

Карна, хрипя и покачиваясь, несколько секунд смотрел на своего врага, после чего его голова бессильно повисла. Сулла взмахнул мечом и с хрустом перерубил шейные позвонки ненавистного марианца. Голова повисла на жилах, почти касаясь земли, но сенатор продолжал стоять на четвереньках, и только когда Сулла брезгливо толкнул его сапогом, грузное тело с хлопом повалилось в кровавое месиво.

В этот момент Элианий почувствовал, что кто-то взял его за плечо. Он решил, что пришел его час и...

...профессор Вангер проснулся.

– Готфрид, что с тобой? – спрашивала его сонная жена, толкая в плечо. Она повернулась и зажгла со своей стороны лампу.

– Фу ты... ч-черт, – тяжело дыша, он приходил в себя. – Сон... Значит, это был сон...

Постепенно осозная, что все увиденное было сном, он лежал, продолжая глубоко дышать, и, стряхивая с себя страшное видение, наслаждался возвращением в реальность.

– Куда ты пошел? – спросила жена, увидев, что он выбирается из кровати.

– Попью чаю. Спи. – Он набросил халат и прошел на кухню.

Потом, уже сидя за столом и швыряя горячим напитком, профессор удивлялся, что странный сон не улетучивался, как обычно, быстро погружаясь в непроницаемый туман забвения. Все его детали были почти такими же четкими и спустя пятнадцать минут. Более того, казалось, он вспоминал и то, чего вроде бы не видел. Например, он четко представлял себе планировку храма Беллоны и окрестных улиц, помнил лица сенаторов и те их имена, которые даже не произносились в этом кошмаре.

А Сулла! Он запомнил, что у него слева на шее под самым подбородком было большое родимое пятно. Иссушенная когда-то африканским солнцем и ветром кожа его худощавого лица туго обтягивала скулы. Под выгоревшими бровями глубоко во впадинах сидели водянистые глаза. Откуда в сознании профессора мог возникнуть такой четкий образ человека, от которого через тысячелетия сохранилось лишь несколько скульптурных портретов?

Допивая чай, Вангер вспомнил Сервилия Карну. Да, именно так звали того толстяка. Он покопался в своей памяти, но не мог припомнить никого из той эпохи с таким именем. Вдруг он поднялся и быстро прошел в свой кабинет. На полке возле кресла стояла одна из его настольных книг: большой словарь-справочник античности. Он взял ее и стал искать. И нашел!

Вот он, Публий Сервилий Карна. Примерно 145 года рождения до Р.Х., сенатор. Участник африканских походов Гая Мария. Позже разбогател на махинациях со строительными под-

рядами. Неоднократно попадал под следственную комиссию сената по обвинению во взятках, но всякий раз откупался крупными пожертвованиями в городскую казну. Погиб во время сулланских проскрипций в 82 году до Рождества Христова.

Всего несколько строк.

Немудрено, что профессор ничего не помнил об этом человеке. Но как же тогда он оказался в его сне? И по возрасту (за шестьдесят) полное совпадение со справочником. Вероятно, он все же читал эту биографическую справку и она засела в том полушарии его мозга, куда имели доступ только таинственные механизмы продуцирования кошмарных снов.

Но самым удивительным ощущением, оставшимся от этого ночного видения, была все еще звучащая в голове у профессора характерная по своей фонетике латинская речь. Он говорил и слушал там, в этом сне, явно не по-немецки. Он знал, конечно, довольно много древних выражений на латыни, если поднатужиться, мог припомнить сотни три слов, но очень слабо владел навыками составления фраз. И все-таки там он свободно говорил именно на «золотой» латыни первого века *ante aeram nostram*<sup>9</sup>. Или это только иллюзия?

---

<sup>9</sup> До нашей эры (лат.).

## V

Мартин родился летом 1916 года. В тот день, двадцать второго июня, Альпийский корпус горной дивизии Баварской гвардии пошел в атаку на форт Сувиль, преграждавший дорогу на Верден.

Вангер с женой Элли, урожденной Элеонорой Августой Вебер, жили тогда в Киле. Он преподавал в школе, она работала в Немецком Красном Кресте. Сырой балтийский климат, особенно весной, резко ухудшал самочувствие Элеоноры, страдавшей частыми пневмониями, и врачи настоятельно рекомендовали им переселиться куда-нибудь на юг. Лучше в Швейцарию. Через год они перебираются в Ульм, а поздней осенью 18-го в Мюнхен.

Сто пятьдесят километров, которые им предстояло преодолеть по железной дороге между Ульмом и Мюнхеном, потребовали трех суток. Станции были заполнены возвращающимися войсками. Не хватало вагонов и паровозов. Двухлетний Мартин долго помнил потом хмурые, заросшие лица людей в грязных шинелях. Помнил, как мать испуганно прижимала его к себе, когда неподалеку вспыхивала пьяная драка или стихийный митинг.

Это были дни бурных событий. В Берлине объявили республику, в Баварии власть захватили коммунисты. Правая оппозиция начала подготовку к вооруженному свержению правительства Эйснера. Созданное Зеботтендорфом баварское отделение «Германского ордена», переименованное в «Общество Туле», стало центром мюнхенской контрреволюции. Двадцать первого февраля 19-го года бывшим членом ордена убит Эйснер. Шестого апреля провозглашается Баварская Советская республика, и власть оказывается в руках русских эмигрантов, таких как Аксельрод и Левин. На улицах города бесчинствует Красная Армия. Закрыты школы, банки, газеты.

Но к Мюнхену уже движутся бригады Фрейкорпса. В ответ красные усиливают террор внутри города. Его пиком становится расстрел тридцатого апреля десяти «белых шпионов», названных так большевистским комендантом Эгельхофером. Семеро из казненных оказались титулованными аристократами во главе с принцем Густавом фон Торни-Таксисом – родственником некоторых королевских семей Европы. На улицах Мюнхена начинается гражданская война, и только успешный штурм города «Свободными корпусами» прекращает кровопролитие.

Вангерам удалось благополучно пережить все эти бури. Потом они несколько раз переезжали с места на место, пока в 21-м году окончательно не закрепились в довольно просторной квартире на Брудерштрассе. Готфрид Вангер к тому времени уже преподавал в университете. Через год у них родилась Эрна.

«Мой маленький попрыгунчик» – так называл дочку Готфрид Вангер, ставший незадолго до этого профессором истории. Мартин всей душой полюбил черноглазую сестренку и часами возился с ней на полу в гостиной или в кабинете отца. Когда она подросла настолько, что с ней можно было гулять без коляски, он с удовольствием брал ее с собой во двор и заботливо оберегал от собак и детей постарше.

Когда сыну было лет восемь, отец впервые взял его в горы. Он купил ему настоящие горные лыжи с ботинками и маленький рюкзачок. В первый же день Мартин больно расшибся о дерево, но через неделю снова упросил отца поехать. Несмотря на то что до первых горных склонов близ Партенкирхена им предстояло преодолевать поездом больше ста километров, он никогда не проявлял нетерпения. С детским интересом и вниманием он разглядывал в окно красоты Южной Баварии, Штарнбергское озеро, попадавшиеся на пути фермы и старые замки. Скоро Мартин так увлекся горами, что стал относиться к ним не как к отдыху, а как к чему-то большему, может быть, главному в жизни.

В четырнадцатилетнем возрасте он вступил в Велико-германский молодежный союз и каждое лето проводил каникулы в лагерях и походах. Иногда их отряд уходил на целый месяц, а несколько раз они уезжали довольно далеко от дома: в Вестфалию, Австрию и даже в Италию.

Годам к пятнадцати Мартин был чемпионом школы и района по лыжному спорту в юношеской группе. Участвовал во всех местных соревнованиях и даже несколько раз ездил в Австрию: в Инсбрук, Грац и Зальцбург. В те же дни, когда горы и снег были для него недостижимы, он катался на велосипеде, тренируя ноги, и здесь тоже добился определенных успехов, принимая участия в гонках.

В эти годы у Мартина уже ясно сформировалась его юношеская мечта: он решил, что непременно станет путешественником. С этой целью вместе со своим дворовым другом Вальтером он стал усиленно заниматься английским языком. Читал о покорителях полюсов, о раскопках засыпанных пеплом городов, об искателях сокровищ и авантюристах. Часто, уже лежа в кровати, он вдруг опускал на грудь томик Джека Лондона и, закрыв глаза, видел себя в белой пустыне, на берегу золотоносной реки или на борту раскачиваемого штормом китобойного судна.

Во дворе среди сверстников он не был заводилой, но всегда имел свое мнение и готов был отстаивать его даже в драке. В начале 30-х Мартин вступил в Гитлерюгенд, а летом 33-го Бальдур фон Ширах распустил Великогерманский молодежный союз. К тому времени взгляды юного Вангера в полной мере соответствовали тем требованиям, которые предъявляли к молодежи национал-социалистские лидеры.

Еще в десятилетнем возрасте Мартин остро переживал, что его отец не был на войне и не имел Железного креста, даже второго класса. Внутренне он стыдился этого факта, но тщательно скрывал свой стыд от сверстников. Когда он видел на замасленной куртке соседского пьянчуги Крамера грязную ленточку «второклассника», то старался скорее отвести взор. А чего стоил крест первого класса на старом кителе папаши Винца, отца четырех сорванцов из соседнего двора! Выпуклый, залитый блестящей черной эмалью, он был не пристегнут булавкой, а привинчен с помощью большой плоской гайки, плотно вжавшись от этого в сукно. Да что говорить! Даже выживший из ума старикашка Пройт, над которым подтрунивали все местные шалопаи, и тот надевал по выходным свой длинный старомодный сюртук с продетой на старопрусский манер во вторую сверху пуговичную петлицу лентой с крестом второго класса. Его лента была не черной с белыми полосками, а наоборот – белой с черными, словно негатив. Такой, весьма редкой, не боевой версией награждали врачей, инженеров и всех тех, кто сам не участвовал в сражениях, но помогал армии, работая в прифронтовой полосе. Когда же по улице шествовал какой-нибудь отряд фронтовиков, например из «Стального шлема», Мартин с восхищением рассматривал на кителях ветеранов всевозможные кресты и медали всех королевств, герцогств и княжеств Второго рейха.

– Папа, почему ты не пошел на войну? – спросил он однажды отца. И Вангер почувствовал, что вопрос был задан с какой-то особой серьезностью.

– Видишь ли, сынок, и во время войны продолжали работать школы, и детей нужно было учить.

– Отец послал прошение о зачислении его в армию, но император посчитал, что будет больше пользы, если он продолжит работать в школе, – подключилась к разговору мать.

Мартин понимающе кивнул и через минуту тихо произнес:

– И все-таки было бы лучше, если бы ты воевал.

В семнадцать лет он захотел вступить в штурмовой отряд, но тут его отец проявил неожиданную доселе твердость и запретил даже думать об этом. Сын подчинился.

После окончания школы Мартин Вангер шесть месяцев провел в одном из горных лагерей Имперской трудовой службы на строительстве пансионата, после чего поступил на медицинский факультет Мюнхенского университета. Он выбрал профессию врача без особого желания, просто посчитав, что это единственное, что может быть полезно в будущих дальних походах и горных восхождениях. Но учеба, эти скучные лекции, анатомический театр, над входом в который одно время висела скопированная из Сорбонны фраза: «*Nie est locus, ubi mors in vitam proficit*»<sup>10</sup>, латынь, химия и все остальное нисколько не возбуждали его интереса. Времени для поездок в Альпы почти не оставалось. Особенно жаль было терять раннюю весну.

Как-то в самом начале его учебы в университете произошёл случай, характеризующий упрямый характер Мартина Вангера.

Вместе со своим другом и однокашником Вальтером Бюреном, тоже увлекавшимся лыжами, он стоял в одном из университетских коридоров возле стенда с репертуаром городских театров – «Страдания Томаса», «Страна улыбок», «Портной Виббельт», – когда случайно услышал следующий разговор.

– Какое к черту серебро! Ты посмотри на цвет – обыкновенный альпак.

– А я тебе говорю, серебро. Это мастерская «Годет и сын», они не работали с альпаком.

– Разуй глаза, Эрнст, это крест второго класса! В войну их нашлепали почти шесть миллионов. Серебряные рамки делали только в первые месяцы или на заказ. Нет, больше двадцати марок это барахло не стоит.

Мартин обернулся и увидел возле окна троих парней. Один вертел на пальце замусоленную черную с белыми полосками ленточку, на которой болтался Железный крест второго класса.

– Почему это ты называешь Железный крест барахлом? – спросил он, резко подойдя к ним.

– А ты еще кто такой? – удивленно возрился на Мартина парень с крестом. – Тоже мне клистирная трубка! Ты, по-моему, шел в ту сторону? Вот и иди.

Все трое засмеялись. Мартин был в белом халате. Шутливое прозвище «клистирная трубка» от студентов других факультетов он уже слышал и не обижался. Как только не называют теперь немецких врачей, одно только «биологический солдат» чего стоит. Но сейчас...

– Нет, ты ответь! Боевая награда у тебя ценится по количеству истраченного на нее серебра?

– Да пошел ты! Кто это такой? – обратился парень с крестом к своим товарищам. Он выглядел долговязым и достаточно плотным. Было видно, что он уверен в своих силах и привык вести себя нагло.

– Я его знаю, Гейнц, это сын историка Вангера, – сказал тот, который продавал награду.

– Вот и вали отсюда! Не твоего папаши крест.

– Да его отец и не воевал.

– Тем более. Ха-ха!

Долговязый больше ничего не сказал, но насмешливое выражение, с которым он смотрел на Мартина, выводило того из себя. Да и те двое тоже ухмылялись. Нет, уйти просто так он уже не мог.

– Ты оскорбил память человека, который носил этот крест, – произнес Вангер тихо, – и должен при всех извиниться.

Возле них собралось еще несколько студентов. Все они были знакомыми долговязого Гейнца и с интересом ждали развязки Мартина кто-то тронул за рукав.

– Пойдем, Мартин, не связывайся, – услышал он голос Вальтера.

– Пускай сначала извинится, – стоял на своем Мартин.

---

<sup>10</sup> Вот место, где смерть служит жизни (лат.).

– Может, подеремся? – Долговязый схватил надоедливого медика за отворот белого халата. – Пошли в спортзал, там сейчас никого нет!

Мартин крепко сжал и довольно легко отвел руку долговязого в сторону. «А силенок-то у него не очень, – отметил он про себя, – рыхловат».

– Драться в спортзале неинтересно, – сказал он тихо, – я предлагаю дуэль.

С этими словами Мартин влепил долговязому звонкую пощечину. Тот отпрянул, удивленно глядя на обидчика. Такой реакции от «клистирной трубки» он никак не ожидал. Присутствующие сначала оторопели, но спустя секунду, осознав всю прелесть предстоящего развлечения, пришли в восторг.

– Вот это по-нашему! – воскликнул кто-то – Пускай тряхнут стариной.

Студенческие дуэли в ту пору снова потихоньку входили в моду. Пример подал Гейдельбергский университет еще в тридцать третьем году. Правда, там все было театрализовано так, что больше походило на спектакль, разыгранный для местной прессы. Присутствовал сам ректор, а после бескровного поединка состоялся банкет. Но в некоторых других университетах к старой традиции отнеслись более серьезно. Там произошли настоящие схватки, неумелые, но жестокие. Гиммлер, разрешивший дуэли в среде своих эсэсовцев, одобрил возрождение студенческих традиций: «Молодой человек должен иметь возможность отстоять свою честь с оружием в руках, кто бы ни был его обидчиком» Отношение же фюрера к такому хоть и традиционному, но, безусловно, устаревшему и даже нелепому в двадцатом веке способу выяснения отношений было отрицательным. Однако официальных запретов пока не последовало.

Владелец креста – его звали Эрнст – забрал награду из рук долговязого.

– Выбирай оружие, Гейнц – говорили со всех сторон. – Раз тебя вызвали, это твое право.

– Друзья, погодите, я сбегая в библиотеку за дуэльным уставом! – кричал рыжий худенький парнишка в короткой курточке и очках, стараясь привлечь внимание остальных.

– К черту устав! И так все ясно! Выбирай оружие, Гейнц!

– По правилам должно быть по два секунданта с каждой стороны, – не унимался рыжий, – при этом один из четверых – непременно медик, а один – богослов.

– Медиков у нас навалом, а вот где нынче сыскать богослова?

Вокруг них собралась уже целая толпа. Узнав, в чем дело, студенты подключались к общему гвалту. Вальтер несколько раз уговаривал Мартина не делать глупостей, но тот только молча смотрел на долговязого Гейнца и, казалось, был доволен своей выдумкой.

– У вас право выбрать тип клинка, – перешел он на «вы», обращаясь к своему врагу, – шпага, сабля или меч Я надеюсь, вы не опуститесь до учебной рапиры Выбирайте либо извиняйтесь при всех!

Гейнц внезапно вскипел и, ткнув пальцем в ближайших соседей, сказал:

– Вот мои секунданты. Я выбираю сабли. Пошли в Английский парк!

– Нет, так нельзя! – закричал рыжий. – Перед дуэлью противники должны провести ночь дома, сделать распоряжения и написать письма

На этот раз с ним согласились. Решено было встретиться завтра в семь часов утра в условленном месте огромного Английского парка, начинавшегося через два квартала от университета, сразу за Кенигенштрассе. Трое вызвались принести сабли своих отцов и братьев – одну про запас. Вальтеру Бюрену поручили позаботиться о перевязочных материалах и медикаментах, Эрнсту Грокнеру – тому, кто продавал Железный крест, – надлежало принести Библию и изображать студента-богослова. Всем прочим велели молчать о дуэли, чтобы утром на место события не сбежался весь университет.

– Мартин, ты хоть держал в руках саблю? – спрашивал Вальтер друга, когда они вышли на Людвигштрассе и направились к остановке автобуса. – Может, лучше отказаться? Ведь это не рапира. Пропустишь один удар, и все. Может, сообщить декану? По старым правилам на дуэли должен присутствовать декан.

– Не смей этого делать! Я должен проучить наглеца, и если он выбрал сабли, то сам об этом и пожалеет.

– Тогда поехали к Винсенту. У него есть кавалерийская сабля. Ты хоть потренируешься.

В шесть часов утра, что-то соврав родителям по поводу столь раннего ухода, Мартин вышел из дома.

Он уснул только под утро. Не то чтобы он сильно боялся за свою жизнь. Нет, внутренне он был готов к ужасной рубленой ране и даже к смерти. Больше всего он боялся стать посмешищем, сделать что-нибудь не так. Он понимал, что их дурацкая дуэль станет предметом широкого обсуждения и насмешек. Особенно если все кончится царапиной.

В его комнате на столе остался лежать запечатанный и неподписанный конверт. Если он вернется сегодня, то уничтожит его. Если же нет... Родители прочтут его последние слова: «Никто не смеет называть Железный крест барахлом».

«Наверное, следовало написать что-нибудь Мари и маме», – думал он, шагая по первым осенним листьям.

Несмотря на ранний час, народу в условленном месте было намного больше, чем вчера присутствовало при ссоре. Некоторые привели приятелей, а рыжий очкарик – даже двух подруг. Он притащил дуэльные уставы Геттингенского и Берлинского университетов и теперь зачитывал из них отрывки.

– Эй ты, умник, – обратился к нему Бюрен, – ты лучше скажи, это по правилам – тащить сюда девушек?

В это время Вальтер увидел показавшегося из-за деревьев Мартина. Он и второй секундант Винсент подбежали к своему товарищу.

– Знаешь, кто у этого Гейнца Шутцбара папаша? – спросил Вальтер, пожимая руку друга. – Какая-то шишка в полиции. Чуть ли не оберст!

– Плевать.

– А его дядя – группенфюрер штурмабтайлюнга.

– И снова плевать! – Мартин украдкой разглядывал собравшихся, ища своего противника. – А что, уже принято приглашать дам?

Винсент сделал успокаивающий жест и крикнул рыжему:

– Эй ты! Забирай своих баб и проваливай. При них поединок не состоится.

Его поддержало несколько голосов. Рыжий пошептался с девушками, и те, сделав обиженный вид, ушли за деревья.

Через несколько минут подошел Гейнец. Секунданты подвели соперников друг к другу и заставили пожать руки.

– Как насчет того, чтобы уладить дело миром? – спросил товарищ Гейнца,

– Если господин Шутцбар извинится при всех присутствующих, то я не против, – твердым голосом сказал Мартин.

– В чем же я должен, по-вашему, извиниться?

В голосе Гейнца не было вчерашней уверенности. Увидев висевшие на ветке три тяжелых сабли, внутренне он был готов десять раз попросить прощения у этого зануды, да еще напоить его пивом. Но это означало не только стать предметом студенческих пересудов и насмешек, но также низко пасть в глазах собственного дяди, штурмовика со стажем, героя Мюнхенского восстания. Нет, спастись перед «клистирной трубкой» он не мог. Мартин же еще по дороге сюда твердо решил не идти ни на какие уступки. Внутренне он даже не хотел, чтобы его враг принес извинения, хотя и не чувствовал к нему никакой личной неприязни. Поединок должен состояться. По-настоящему. Он не собирается быть участником фарса.

– Не будем терять времени, – Мартин посмотрел на секундантов противника, – несите оружие. Я хочу еще успеть на первую лекцию.

Увидев, что секунданты обнажают сабли и сравнивают длину клинков, стоявшая поодаль публика смолкла. Рыжий хотел было подойти к соперникам с каким-то очередным замечанием, но его отогнали.

– Мартин, – зашептал ему на ухо Бюрен, – по-моему, он готов извиниться. Ты зря торопишь события.

Но Мартин уже выбрал саблю с набалдашником в виде львиной головы. Такие носили офицеры сухопутных войск, когда того требовала форма одежды. Шутцбар взял саблю работника юстиции – с орлиной головой. Третья – унтер-офицерская, с простым гладким набалдашником – вернулась на ветку.

Мартин осмотрел свой клинок – ни единой зазубрины. Защитная дужка, похожая на перевернутый вопросительный знак, орнаментирована вязью из дубовых листьев. Рукоятка, обтянутая черной кожей, обмотана вдоль пазов витой позолоченной проволокой. Выступ на перекрестье с одной стороны гладкий, а с лицевой украшен имперским орлом. Судя по всему, никто и никогда не дрался этим оружием. Клинкам, которые носили теперь только в качестве украшения, как носят парадные аксельбанты, впервые предстояло проверить прочность их стали, а может, и отведать человеческой крови.

– Начнете по команде, – сказал Винсент, пошептавшись с остальными секундантами. – Если прозвучит команда «стоп», немедленно прекратите бой. Драка до первой крови, которая прольется на землю.

Секунданты отошли на несколько метров. Мартин Вангер стоял напротив своего противника. Тот совсем растерялся и совершенно не представлял, как все это будет выглядеть. Они услышали «Начинайте!», но продолжали стоять и смотреть друг на друга.

– Защищайтесь, Шутцбар, – наконец сказал Мартин и нарочито медленно, чтобы противник успел парировать его клинок, нанес первый удар.

Гейнц отбил удар и ошарашенно отскочил в сторону. Мартин стал наступать, Через несколько секунд он почувствовал, что входит в раж. Шутцбар, все время пятившийся назад, споткнулся и упал на заднее место. Он зажмурился, ожидая атаки, и прикрылся клинком.

– Тебе, может, еще руку подать, чтобы ты встал? – сказал Мартин, отступив на два шага.

Гейнц поднялся, и Мартин продолжил нападение. «Ну давай же, – кричал он противнику, – нападай и ты!» Гейнц, поняв наконец, что, пока публика не увидит кровь, от него не отстанут, вдруг бросился на Мартина с яростью обреченного гладиатора. Тот едва успел отвести несколько ударов. Их клинки засверкали в лучах солнца. Звон стал частым. Из-под ног разлеталась опавшая листва и клочья выбитой каблуками травы. Зрители восхищенно молчали, слабонервные зажмуривались или отводили взгляд, каждую секунду ожидая рокового удара. «Здорово!» – крикнул Мартин и снова пошел в атаку.

Если бы им пришлось фехтовать на шпагах или рапирах, то любой бы увидел их неумелость. Но в сабельной рубке, когда можно примитивно лупить своим клинком по клинку противника, даже не очень стараясь при этом нанести ему поражение, они выглядели вполне сносно.

В запарке боя Мартин почти не почувствовал, как был ужален вражеским острием в предплечье правой руки. Только через минуту или две, когда, запыхавшись и опустив сабли, они разошлись в стороны, примериваясь к новому броску, он почувствовал, что по его руке что-то течет. Ладонь и рукоять сабли стали мокрыми и скользкими. Кто-то из секундантов увидел каплю крови на желтую кленовую листву и замахал руками.

– Остановитесь! Один из них ранен!

К ним сразу подбежали секунданты и все остальные. У Мартина отобрали оружие и стали снимать его черную куртку. Вся нижняя часть рукава рубахи оказалась намоченной от крови. Когда рукав закатали, то увидели, что основательный пласт мягкой ткани ниже локтя срезан и висит на куске кожи. Из-под него обильно текла кровь.

Вальтер стал накладывать над локтем жгут, в то время как Винсент готовил тампон и бинты.

– Ерундовая царапина, – говорил еще не отдышавшийся Мартин. – Мы непременно продолжим! Это не считается.

– Хватит, Вангер, – сказал один из секундантов противника, – кровь на земле. По условию дуэль должна прекратиться.

– Отберите у них сабли и спрячьте, – посоветовал кто-то из публики.

– Нет, мы продолжим, – упрямо твердил Мартин, – мы еще не дрались по-настоящему! В это время подошел Гейнц и протянул ему руку.

– Вчера я был не прав и приношу вам свои извинения.

– Да ладно, – растерянно ответил Мартин, отвечая на рукопожатие, – я тоже раздул из мухи слона.

– Вот и здорово. Айда в «Остерия-Бавария» пить пиво! – предложил кто-то, назвав любимый мюнхенский ресторанчик Гитлера.

Этот инцидент, о котором в тот же день знал весь университет и, конечно, профессор Вангер, последствий не имел. Дома Мартина поругали родители (он соврал, что дрался на учебных рапирах исключительно для потехи толпы), зато сестра несколько дней ходила по школе и двору с высоко поднятой головой, гордая за своего героического брата.

А на будущий год, когда Хорст Крисчина – адъютант рейхсгендфюрера фон Шираха – убил на дуэли одного из любимых журналистов Гитлера Роланда Штрукка, фюрер резко высказался против дуэлей среди студентов. Имперская университетская пресса запестрела статьями об искоренении «гейдельбергского романтизма» в студенческих товариществах, средневековая традиция сразу лишилась скрытой поддержки ректоров и быстро угасла.

\* \* \*

– Я договорился с энергетиками, Они обязуются обеспечивать зонд средней мощности бесперебойным питанием длительное время. Так что принимайтесь за работу, Карел.

Септимус поливал цветы на своей обширной застекленной лоджии, выходящей во внутренний двор академии. Ризолии, страфароллы, пергамские розы и – гордость президентской оранжереи – голубые исландские ромашки требовали особого ухода, специальных растворов и режимной подкормки.

– Для постоянного наблюдения я подготовил группу из трех человек, господин президент. Наша сотрудница Прозерпина и двое практикантов. Вот список.

Карел протянул лист бумаги

– Надеюсь, вы объяснили им, что зонд не игрушка. – Септимус взял со столика огромную лупу и стал рассматривать что-то на бархатистых листьях черной страфароллы. – И никаких необоснованных подглядываний, Карел. Частная жизнь людей, даже давно отживших свой век, должна уважаться. Будь они хоть трижды нацистами.

– Все действия группы будут фиксироваться. Каждый из них расписался за сохранение полной конфиденциальности полученной в ходе наблюдений информации.

– Это хорошо-о-о, – пропел увлеченный своими цветами Септимус. – Дьявол! Опять какая-то сыпь на листьях

\* \* \*

Первого сентября 1935 года Мартин и Вальтер стояли в густой толпе на Одеонсплац. Они расположились возле Театинеркирхи и мало что видели оттуда. Тем не менее Мартин старался не пропустить ни одного движения и ни единого звука.

Напротив Галереи Полководцев выстроились войска. Ещё недавно это был рейхсвер, а теперь – вермахт. Перед строем вынесли десятки знамен различных полков, расшитых орлами и украшенных серебряной бахромой. Оркестр сыграл марш Банденвейлера, затем забили барабаны и мраморные львы Фельдхеррнхалле увидели с высоты своих пьедесталов, как знамена склонились к земле.

В тот день с них снимали черные ленты.

Домой Мартин вернулся под впечатлением увиденного ритуала и за столом был молчалив.

– Ну как? – спросил его отец. – Как все было?

– Знаешь, папа, тебе самому надо было прийти и посмотреть.

В голосе Мартина чувствовалась легкая обида: такой торжественный день, а некоторым и дела нет.

– Но я был занят. И потом, весь город все равно бы не уместился на Одеонсплац. Это прежде всего для ветеранов и военных.

С пирожком в руке подошла тринадцатилетняя Эрна.

– Куда ты ходил, Марти? – спросила она, не переставая жевать.

– Куда, куда. Куда надо!

Мартин встал из-за стола и ушел в свою комнату. У Эрны от обиды даже открылся рот.

– Папа, куда ходил Мартин?

Профессор отложил газету, и дочь тут же взобралась к нему на колени.

– Он смотрел, как с флагов снимали черные ленты, дочка.

– А зачем с флагов снимали ленточки?

– Ну... видишь ли, это были траурные ленты. Их носили в память о нашем поражении в Великой войне и еще о том, что нам было запрещено иметь большую армию. А теперь такого запрета нет.

– А почему теперь такого запрета нет? – Задавая свои вопросы, Эрна была больше увлечена поглощением вкусного пирожка, нежели существом дела.

– Не приставай к отцу, – сказала мать, – Завтра вам об этом расскажут в школе. Если будешь внимательно слушать, а не вертеться как егоза, то все поймешь.

Однажды, уже в мае тридцать седьмого, Мартин, придя вечером домой, был особенно молчалив и серьезен. Когда все сели за стол ужинать, он вдруг неожиданно произнес куда-то в пространство:

– Я временно прерываю учебу в университете.

Профессор и его жена недоуменно посмотрели сначала друг на друга, затем на сына. Быстрее всех отреагировала Эрна:

– Ты что, собрался жениться, Марти? – хихикнула она, продолжая прихлебывать суп. – На Мари Лютер?

Увидев, что родители не на шутку встревожены, она тихонько положила ложку и тоже посерьезнела.

– Я написал заявление о приеме в армию.

– Как в армию! – всплеснула руками мать. – У тебя же учеба! Какая может быть армия в конце учебного года?

– Мартин, ты серьезно? – спросил профессор,

– Да, папа.

– Но зачем тебе это нужно? Закончи хотя бы факультет!

Мартин уже и сам не знал, правильно ли он поступил. Неделю назад они с Вальтером Бюреном принесли в штаб учебной дивизии VII военного округа письменные прошения о

зачислении их на действительную военную службу. Перед этим они узнали, что молодых людей с их данными непременно направляют в горные войска, да еще в самые элитные части. Они уже видели на нескольких бравых унтер-офицерах введенный недавно значок горного проводника. Он представлял собой изображение эдельвейса на темно-зеленом овале и надпись «Heeresbergfuchrer»<sup>11</sup> в нижней части широкого канта из белой эмали. Теперь же, сидя за столом в кругу родных и сознавая, что скоро придется с ними расстаться, он почти уже был уверен, что совершил глупость. Но пути назад не было. Сегодня он отнес заявление в канцелярию университета с просьбой об отчислении его в связи с поступлением на военную службу. Да и не в характере Мартина Вангера было идти на попятный и отказываться от своих слов.

– Я обо всем узнал, – заговорил он с жаром, пытаясь успокоить родителей. – Через два года мне дадут возможность закончить университет, после чего я быстро получу офицерское звание и стану настоящим военным врачом горных войск. Что в этом плохого?

– И что, твое заявление приняли? – спросил отец.

– Да. Через три дня мы с Бюреном едем в Траунштейн для прохождения медицинской комиссии.

– Да как же они могли принять твое прошение без согласия родителей? – запричитала мать. – Ты еще несовершеннолетний...

– В армию, мама, берут с восемнадцати, и при этом согласие родителей не требуется. К тому же через полтора месяца я стану совершеннолетним. – Он поднял руку, пытаясь остановить град сыпавшихся на него вопросов и упреков. – Сегодня я отнес заявление об отчислении из университета. При этом мне подтвердили, что через два года я могу быть принят на третий курс, особенно при наличии у меня к тому времени армейской санитарной практики.

Они еще долго разговаривали в тот вечер. Профессор, поняв, что сын не изменит своего решения, стал убеждать жену смириться. В конце концов, войны ведь нет. И, судя по постоянным выступлениям Гитлера, именно Германия больше всех в Европе жаждет мира и стабильности. Объявление же всеобщей воинской повинности в марте позапрошлого года и денонсация Версальских военных ограничений есть лишь естественное право свободного государства.

Элеонора Вангер долго не могла успокоиться. Она обвиняла во всем их дурацкое катание с гор, этого (она не могла подобрать нужных слов) шалопая Вальтера Бюрена, который сам уже год как ушел из университета и теперь сбил с правильного пути и их ребенка. Она требовала от Готфрида завтра же поехать к военным и забрать заявление их глупого сына..

Через три дня на перроне вокзала Мартина провожали его родители, сестра и соседская девушка Мария Лютер. Неподалеку, стараясь не попадаться на глаза тете Элли, прощался со своими родителями и сестрой Вальтер Бюрен.

Еще через три дня, успешно пройдя специальную комиссию (поэтому-то и пришлось ехать в Траунштейн, где проверяли кандидатов именно в горные части), они с Бюреном были зачислены новобранцами в подразделение горных егерей и направлены в учебный лагерь А уже в середине июня, незадолго до своего совершеннолетия одетый в новенькую униформу, с тяжелым стальным шлемом на голове, Мартин давал клятву на знамени 1-й горной дивизии вермахта. Отныне уже окончательно не было пути назад. Он стал солдатом. Выпушка его погон и просветы петлиц имели зеленый цвет, присвоенный немецким горным войскам.

Началась учеба.

Сначала им предстояло пройти обычный курс подготовки пехотинца на равнине. Маршировка, стрельба, чистка и разборка оружия. Затем молодых солдат стали все больше готовить к специфическим особенностям войны в горах. Изнурительные марши вверх и вниз с полной выкладкой. Ознакомление с основами военного альпинизма и скалолазания. Обучение

---

<sup>11</sup> Горный проводник сухопутных войск (нем.)

приемам выживания в экстремальных условиях холода, отсутствия снабжения, связи и медицинской помощи. Но главное – марш-броски по склонам, доводившие до полного изнеможения тех, кто не был достаточно крепок физически.

– Ноги – ваше единственное средство передвижения, – наставлял их фельдфебель Зилекс с матерчатым эдельвейсом на левом кармане куртки. – Вы должны беречь их больше, чем голову. Травмированная нога в горах в условиях войны – это почти всегда смерть. Это невыполненное задание, обуза для своих товарищей. Травма, полученная по глупости, есть воинское преступление, похуже самовольной отлучки.

Когда они занимались стрельбой из горного карабина или недавно введенного в войсках единого пулемета «MG-34», тот же фельдфебель ходил позади лежащих на огневом рубеже солдат и говорил:

– В горах каждый патрон должен посылаться точно в цель. Вы все должны стать снайперами. Иногда, когда в ваших подсумках останется десять патронов, вам придется воевать ими месяц, а то и больше. Никто не подвезет вам боеприпасов. В горах нельзя палить куда попало, как это любит делать пехота внизу. Десять патронов – это десять попаданий в цель!

«Черт бы тебя побрал, – думал Мартин, пытаясь окоченевшими руками (была уже поздняя осень) перезарядить свой карабин. – Сам бы полежал на этих камнях на пронизывающем ветру без движения».

В середине января, так и не дав на Рождество возможности съездить домой, их перебрали на высокогорную стоянку в не известном никому из них районе. Здесь особое внимание уделялось действиям на лыжах. Мартин сразу вырвался в число первых и обратил на себя внимание командира батальона. Фельдфебель же только придирался.

– Запомните, Вангер, горный солдат – не спортсмен. Это раньше вам нужно было прийти первым любой ценой, а там хоть падай. Здесь же после прохождения маршрута вам предстоит еще выполнить боевое задание. Если вы притащитесь на рубеж атаки без сил, с растянутыми связками или с обмороженными пальцами, то толку от вас будет не больше, чем от осла с поломанной ногой.

Им запрещалось совершать скоростные спуски на лыжах. Запрещалось притормаживать руками, дабы не повредить пальцы и связки. Они учились ходить по снежному насту цепью, под определенным углом к склону, растянувшись на сотни метров, чтобы не вызвать схода лавины. Они учились устраиваться на ночлег и готовить пищу на снегу так, чтобы не было видно огня и дыма. Отрабатывали приемы связи в горах, где обычные радиостанции часто были малоэффективны. Они учились вьючить осликов и мулов, водить лошадей в поводу по узким тропам, кормить и лечить животных, которых по штату в горной дивизии насчитывалось до пяти с половиной тысяч.

Особое внимание уделялось изучению приемов транспортировки раненых, спуска их со скал, наложению шин на сломанные конечности, оказанию помощи при обморожениях. И здесь Мартин оказался впереди других. Три года учебы на медицинском факультете не прошли даром. На этот раз даже Зилекс только одобрительно кивал, наблюдая за действиями рядового, знавшего анатомию скелета, разбиравшегося в дозировках обезболивающих средств, умевшего продезинфицировать рану и правильно наложить повязку на обмороженную руку.

В конце января 1938 года Мартин и его друг Вальтер в числе некоторых других были отобраны в отряд по подготовке будущих проводников и унтер-офицеров. Их отправили в специальный лагерь, где горная местность была поделена на пять категорий трудности. Если первая категория допускала хождение опытного солдата без страховки, то пятая, насыщенная отвесными скалами и пропастями, могла быть преодолена только с помощью специального альпинистского снаряжения. Все их нужно было научиться проходить с соблюдением требований к темпу, маскировке, неся на себе оружие, боеприпасы, продукты питания и медикаменты, и при этом выходить в заданный район готовыми морально и физически к бою с противником.

Инструкторами в этом лагере работали настоящие спортсмены-альпинисты. На каждого из них приходилась группа из двенадцати-пятнадцати человек. Здесь уже не было вечно недовольного фельдфебеля Зилерта. Царила атмосфера сурового товарищества, когда каждый понимал, что без поддержки друзей и командира-инструктора ему никак не обойтись.

Они учились составлять схемы маршрутов, получив задание совершить переход из точки А в точку Б. При этом сначала подолгу, порой на ледяном ветру, приходилось работать с высометром, снимая высоты не отмеченных на карте вершин и гребней, а потом непослушными пальцами наносить на карту точки привалов и линии переходов, проставляя везде рассчитанные отметки времени в часах и минутах. К основному обязательно составлялся один, а то и два обходных маршрута. Очень скоро каждый усвоил, что ошибка при разработке пути движения иногда может обернуться гибелью всей группы.

Каждый из них по очереди ходил ведущим на восхождении и замыкающим при спуске. Они научились правильно ставить стопу, определять на глаз, какому камню или куску льда можно довериться, а какой таит опасность. Они научились мгновенно падать в снег, вонзая в лед или скалу ледорубы и штык-ножи, когда кто-нибудь в связке срывался вниз. Группа Мартина, назначенного заместителем командира, называлась «Сияющие горы». Она постоянно соревновалась с «Горными орлами», «Горцами рейха», «Эдельвейсами удачи» и другими.

Вскоре произошли первые отсева. Не обошлось без потерь и у «Сияющих гор». Один из солдат плохо переносил пониженное давление, страдая больше других горной болезнью. Но вот заявление Вальтера Бюрена для всех оказалось полной неожиданностью. Однажды он подошел к инструктору и сказал, что не может преодолеть страх высоты. На обычных склонах, даже достаточно крутых, все нормально, но, как дело доходит до отвесных скал, не говоря уже о стенах с отрицательными углами, он теряет над собой контроль.

– Понимаешь, Мартин, ничего не могу с собой поделать, – оправдывался он перед другом. – Как только высота отвеса становится больше пяти метров, я просто цепенею. Клянусь, никогда не замечал за собой такого прежде. Долго терпел, думал, привыкну. Но... Просто боюсь однажды подвести вас.

Инструктор Линкварт долго беседовал один на один с Бюреном после его признания. Ему было жаль терять такого тренированного и исполнительного солдата. Он дал ему еще два дня, но ничего не изменилось.

– Значит, не судьба, – говорил Вальтер, прощаясь с Мартином – Что ж, вернусь в нашу роту

Он мечтал попасть в один из четырех Альпийских батальонов – элиты горных войск. Да что там горных войск – всего вермахта! Так считали все те, у кого в мае тридцать девятого года над правым локтем появился белый эдельвейс, вышитый на темно-зеленом овальном клапане. Этот окруженный волнистой веревкой цветок стал эмблемой горных войск Германии. Ее с гордостью носили все горцы, от рядового до генерала.

Весной тридцать восьмого Мартин был аттестован в качестве горного проводника, переведен в Грац, сделавшийся незадолго до этого вместе со всей Австрией частью рейха, и стал гефрайтером только что сформированной 3-й горнострелковой дивизии Эдуарда Дитля. Вскоре его зачислили кандидатом на получение унтер-офицерского звания и дали десятидневный отпуск. О том, чтобы когда-нибудь вернуться в аудитории университета, он давно уже не помышлял.

\* \* \*

– А почему мы не можем просто заглянуть в 1945 год и узнать, где будут находиться книги Шнайдера? – спросила молодая сотрудница инженера Карела. – Если они и в конце

войны окажутся в той же профессорской квартире, то, значит, Вангер за все это время никому о них не проговорился. Во всяком случае, никому из властей.

– Это принципиально невозможно, Прозерпина. Когда объект, то бишь утерянная копия какого-то предмета, попадает в прошлое в определенный год, день, час, минуту и секунду, то только в этой исходной временной точке с ним можно установить контакт. В дальнейшем этот контакт может поддерживаться исключительно в режиме реального времени. Сдвиг в прошлое или будущее на каждые 7,65 секунды ослабляет мощность сигнала ровно вдвое. При сдвиге на пять минут он уже совершенно не фиксируется, другими словами, мы его не видим. Поэтому, чтобы проследить историю книг хотя бы до окончания войны в Европе, нам придется вести наблюдение за ними более двух лет. Как раз эта задача и поставлена перед вашей группой. Помимо другой работы, вам предстоит, образно выражаясь, прожить эти два с небольшим года вместе с Вангерами, наблюдая за каждым их шагом.

Карел посмотрел на Прозерпину, пускавшую маленькими колечками дым. Они стояли в так называемой вулканической зоне Зимнего сада академии – любимом месте всех местных курильщиков.

– Задание не сложное, но ответственное. Приборы будут выполнять основную часть работы, сигнализируя о малейших перемещениях объекта и приближениях к нему новых действующих лиц. Вам же надо только анализировать и реагировать, то есть оперативно ставить в известность меня Справитесь?

– Два года! А как же мой отпуск?

## VI

Профессор Вангер ехал в университет и обдумывал свое ночное видение. Он пытался найти в привидевшемся ему эпизоде что-то такое, что противоречило бы известным фактам или элементарной логике. Что-то такое там было, но как раз этого-то он и не мог припомнить. «И все-таки это не сон». Такой вывод неприятно поразил профессора. Чтобы отвлечься, он стал смотреть в окно и снова вспомнил о Книге.

В университете он узнал некоторые подробности вчерашних событий. Всего было арестовано около тридцати человек, но после разбирательства почти всех отпустили домой еще вечером. Тех же, кого оставили, перевели в тюрьму Штадельхейм. По слухам, их было трое: Ганс и Софи Шолль и некий молодой солдат – вероятно, их сообщник, – приехавший в эти дни домой в отпуск. О профессоре Хубере ничего не говорили, а в середине дня Вангер увидел его в окружении нескольких студентов.

«Может, предупредить? – лихорадочно соображал Вангер. – Но как? Что я скажу? Что прочитал о его судьбе в одной таинственной книге? Он примет меня за сумасшедшего или провокатора. Во всяком случае, я сам отреагировал бы именно так. Да и потом, если верить Книге, Хубер обречен и ничто ему не поможет, а если не верить, то не о чем и говорить».

Сконструировав эту логическую формулу, профессор почувствовал облегчение. Нет, ведь действительно, если в Книге описано то, что непременно произойдет, всякие попытки противодействовать этому бессмысленны. В результате какой-то ошибки он получил доступ к этому знанию, но исключительно для информации, а не для действия. Да и какое, в конце концов, имеет он право что-то менять? Нарушая естественную цепь событий и спасая одного, можно погубить многих других.

«Не скрывайте вашу трусость под личиной благоразумия», – вспомнил он вдруг строчку из опущенного в его почтовый ящик письма. Верно сказано, черт возьми! Как ни обманывай себя, а только все это оправдание бездействию.

– Скажите, профессор...

Вангер повернул голову и увидел стоящего рядом Карла Шнаудера.

– Ведь это вы предупредили вчера Шапицера об обыске?

– Шапицера? Вы о чем... э... Шнаудер?

– Вы прекрасно знаете, о чем.

Шнаудер стоял, нервно теребя в руках папку с тетрадами. На лацкане его пиджака висел какой-то значок прямоугольной формы. На нем был отштампован профиль короля Генриха X Птицелова, меч и свастика.

– Я помню, как вы выглядывали в коридор, а потом шептались с Зеппом у окна. Вечером моего отца вызвали в гестапо. Ведь это вы сказали полицейским, что на том месте, где нашли листовки, сидел я?

– Но ты действительно там сидел. – Вангер посмотрел на часы, давая понять, что ему некогда. – Может быть, ты думаешь, что это я подбросил прокламации?

– Их подбросил Шапицер или его дружки, и я это докажу. – Повернувшись, чтобы уйти, Шнаудер снова обернулся и произнес: – Я не удивлюсь, если ваша дочь окажется в числе этих предателей.

Вангер разыскал дочь в одной из рекреаций северного крыла. Она и еще несколько студенток что-то обсуждали возле большого гипсового бюста Гитлера, над которым на стене висел лозунг: «Наш новый рейх никому не отдаст свою молодежь, он привлечет ее к себе и даст ей свое образование и свое воспитание».

Профессор сделал знак, и они уединились в пустынном конце коридора.

– Послушай, Эрна, то, что произошло вчера, очень серьезно. Я знаю твое отношение к некоторым вещам, поэтому и завожу этот разговор.

Слова Шнаудера напугали Вангера. Они никак не выходили у него из головы. От этого типчика можно ожидать любой гадости. Но, самое главное, он что-то знает об Эрне, иначе бы он так не говорил.

– Может быть, ты не представляешь, как это серьезно...

– Почему же? Если уж сюда едет сам Фрейслер, то серьезнее не бывает, – сказала Эрна заговорщическим полупшепотом.

– Фрейслер?

– Ну да, судья из Берлина.

– Откуда ты знаешь?

– Нам только что рассказал об этом Гуго Тангейзер с юридического факультета. Его отец работает в Народном суде. Они ждут гостей уже завтра. Здесь решено провести выездную сессию под председательством самого президента.

Имя Роланда Фрейслера в Германии было известно всем. Если он вершил правосудие, то рассчитывать на снисхождение не приходилось. А уж если он выезжал куда-то за сотни километров, это могло означать только смертные приговоры. Как правило, в день их вынесения чья-то жизнь обрывалась на виселице или под ножом гильотины.

Все идет по сценарию Шнайдера, подумал профессор. Он вдруг ощутил себя, свою дочь и всех, кого знал, актерами, роли для которых написаны и утверждены Имперской палатой культуры. Плохи они или хороши, эти роли, но отступления от текста не допускались.

– Я прошу тебя об одном – будь осторожна. Не обсуждай ни с кем эти события. Говори с подругами о нарядах, концертах, о парнях, в конце концов. Не высказывай своего мнения, даже если тебя спросят. Ничего не комментируй, в том числе события на фронте. Помни о нашем Мартине. Каково ему будет там, если с тобой что-нибудь случится? – Профессора поджимало время, и он собирался уже уходить. – Да, и вот еще что – Он несколько замаялся. – Не общайся в эти дни с Хубером. Просто держись от него подальше. – Увидев протестующий взгляд дочери, он жестом остановил ее. – Им интересуется гестапо, и именно в связи с последними событиями. – Он помолчал, затем посмотрел на часы. – Ладно, у тебя сейчас лекция?

– Да, и очень нудная: «Социальные сословия».

– Что делать.

Профессор решил не говорить о Шнаудере и его угрозе. Если бы знать имена других, осужденных по этому делу о листовках, тогда был бы известен круг лиц, которых сейчас следовало избегать. Так думал он, идя к секретарю партийной организации университета, попросившему профессора Вангера зайти к нему в течение дня.

\* \* \*

– А, Вангер! Заходите.

Невысокий и очень полный человек с петлицами ортсгруппенляйтера на воротнике светло-коричневого пиджака махнул ему рукой из-за большого письменного стола, когда профессор отворил дверь его кабинета.

– Садитесь. Как наш герой Мартин? Мы собираемся поместить его портрет на стенде выдающихся выпускников. Вы нам поможете с фотографией? Что он пишет? Когда снова приедет в отпуск?

Август Бенезер, секретарь национал-социалистической низовой ячейки Мюнхенского университета, член совета баварской организации национал-социалистического союза преподавателей Германии, читавший когда-то лекции по ветеринарии, расспрашивал о сыне Вангера, представленного месяц назад к Рыцарскому классу Железного креста

– Сейчас, когда на всех нас легло это черное пятно, Совершенно необходимо показать, что не те несколько отщепенцев определяют лицо университета, а такие, как ваш сын.

– Но он не закончил курс, – заметил профессор.

– Неважно. Это даже лучше. По велению сердца он ушел из этих стен добровольцем. – Бенезер записал что-то в блокноте, – Надеюсь, ваша дочь не откажется написать краткое эссе о брате для нашей газеты и стенда?

Вопрос был риторическим Бенезер встал из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Он подошел к большому живописному портрету Гитлера и, глядя на него, остановился в раздумье. Фюрер, устремивший взгляд куда-то вдаль, стоял, опираясь руками на спинку стула. Двубортный коричневый пиджак с широкими лацканами, повязка, Железный крест, золотой партийный значок и черный значок за ранение в Великой войне. Но главной деталью на портрете были знаменитые гипнотические глаза. Влажные, как будто наполненные слезами, они заключали в себе что-то великое, увиденное по замыслу художника в будущем... Очень хороший портрет. Это была копия с оригинала, висевшего здесь же, в Мюнхене, в Доме немецкого искусства.

– Послушайте, Готфрид, а почему в ваших лекциях вы никогда не проводите параллели между прошлым и настоящим? – спросил неожиданно Бенезер, продолжая рассматривать портрет. – Неужели в истории Римской республики нет таких примеров, которые можно было бы сопоставить с нашими, не менее героическими днями? Нельзя относиться к прошлому как к чему-то совершенно независимому и самодостаточному. История – это не просто перечень фактов. Это прежде всего совокупность примеров, состоящая из поступков и деяний Плохих и хороших, великих и позорных Вы читали в «Историческом вестнике» статью доктора Геббельса о преподавании науки в условиях современной Германии? – Он подошел к столу и взял в руки свой блокнот. – «Наука, а уж тем более историческая наука, всегда была расовой, как любое творение человека, обусловленное текущей в его жилах кровью».

«Донос или так просто? – думал профессор, слушая Бенезера. – Может, уже Шнаудер постарался? Или слухи о микрофонах, якобы установленных в некоторых аудиториях университета, не такие уж и слухи...».

– Вот, к примеру, о чем была ваша последняя лекция? – спросил Бенезер

– О гражданской войне Первого триумvirата.

– Ага, – наморщил лоб руководитель парторганизации, – напомните, о чем там речь...

– О том, как поссорился Юлий Цезарь с Помпеем Великим и сенатом и между ними началась война, – как можно более примитивно пояснил профессор.

– Та-а-ак... ну и кто победил?

– Разумеется, Цезарь

– Ну вот видите, вот вам и аналогия: тридцать четвертый год, заговор Рема. Президент растерян, армия бездействует, но решительные действия фюрера – и страна избавлена от банды гомосексуалистов!

Ничего более глупого Вангер никогда в жизни не слышал. Он смотрел на Бенезера – уж не шутит ли тот? Однако член совета нацистских преподавателей был вполне серьезен и очень доволен своей «исторической параллелью».

– Но, господин секретарь, там была настоящая война, а не арест группы заговорщиков в течение одной ночи. К тому же как раз Цезарь был замечен в гомосексуализме.

– Вот как? – Бенезер, слегка смутившись, посмотрел на собеседника и пожевал губами. – Ну, в общем, вы меня поняли, Вангер. Постарайтесь уже на следующей вашей лекции учесть мои замечания. Уж если наши математики и физики научились подходить к своим наукам с позиций научного национал-социализма, то вам, историку, просто стыдно топтаться на месте. Берите пример с Ленарда, Штарка, нашего знаменитого Тюринга и этого... как его... Кто читает теперь этнологию? Да-да, Динстбаха...

В это время на столе зазвонил телефон. Бенезер взял трубку.

– Слушаю, господин ректор... Да, одну минуту. – Он посмотрел в блокнот. – Кристоф Пробст, господин ректор... Да, к сожалению, тоже наш... Медик, недавно приехавший с фронта в отпуск по случаю рождения третьего ребенка... Что?.. Совершенно с вами согласен. – Бенезер, посмотрев на Вангера, жестом показал, что тот может идти. – Совершенно с вами согласен, господин ректор...

Вангер, покинув кабинет, стал вспоминать статью Бруно Тюринга «Немецкая математика», в которой этот тогда еще совсем молодой астроном из Гейдельберга громил теорию относительности еврея Эйнштейна. Он противопоставлял ему представителей нордической расы Кеплера и Ньютона, упоминал о категорическом императиве Иммануила Канта, доказывал, что естествознание должно прежде всего раскрывать сущность германской расы и ее славного существования, а потом уж все остальное. Вскоре после этой статьи Тюринг переехал в Мюнхен и стал профессором их университета.

Вспомнил Вангер и о «Немецкой физике» нобелевского лауреата Филиппа Ленарда, чью книгу нацисты рассматривали скорее как орудие политической борьбы, нежели научной полемики. Тот доказывал связь крупных научных открытий не столько с холодным расчетом сколько с интуицией, базирующейся на немецкой духовности. Только тот ученый способен на истинно великие открытия, кто связан кровными и духовными узами со своим народом и предками (разумеется, речь шла о немцах). А так называемая мировая наука с ее сомнительными общечеловеческими ценностями есть не что иное, как попытка международного еврейства... Ну и так далее.

Уж не придется ли и ему, профессору Вангеру, в ближайшее время начать преподавание курса «Немецкой истории Рима»? Впрочем, она уже давно была, эта «немецкая» история. Мы просто привыкли и не замечаем того, о чем говорим и что слушаем.

И еще он вспомнил об увиденном этой ночью сне и понял, какая мысль не давала ему покоя. Этот Бенезер – это же вылитый Карна! То же лицо с припудренными пятнами экземы, те же залысины. Одень на его жирное тело тогу, и все различия исчезнут.

\* \* \*

Двадцать второго февраля в начале десятого часа утра дверь в камеру Софи Шолль отворилась. На пороге стояли начальник тюрьмы, адвокат Мор и охранник. Сидевшая на кровати Софи за минуту перед тем смотрела в окно на безоблачное весеннее небо. Она рассказывала своей сокамернице Эльзе Гебель об увиденном под утро сне. В ее душе еще теплилась надежда.

Это была лучшая камера мюнхенской тюрьмы, предназначенная, вероятно, для попавших под следствие важных персон партаппарата, чья вина скорее всего ограничивалась рамками экономических преступлений, мздоимством или чем-либо еще в том же роде. Две кровати с белыми пододеяльниками, прикроватные тумбочки, большое окно.

Увидев на пороге людей, Софи поняла, что следствие закончено. Ее вывели в тюремный двор и посадили в легковой автомобиль. В другую такую же машину поместили ее брата Ганса и их друга, бывшего студента медицинского факультета Кристофа Пробста. Оба были в наручниках.

Судебный процесс оказался до неприличия краток. Ни единого свидетеля: все трое сознались, и в свидетелях не было необходимости. Председательствующий Роланд Фрейслер меньше всего походил на судью, за спиной которого стояла богиня Правосудия с завязанными глазами. Он не выслушивал прения сторон, а обвинял лично. Другие члены трибунала, прокурор и защитники играли роли второго плана. Они отличались от присутствовавшей в зале немногочисленной публики и охраны только тем, что сидели на особых местах и им время от времени

позволялось произнести реплику, зачитать отрывок текста из материалов дела или заключение следствия.

Облаченный в красную мантию Фрейслер осыпал обвинениями троих подсудимых, словно средневековый епископ, бросающий проклятия еретикам на суде инквизиции. Он часто вскакивал со своего места, низко склонялся над столом, вытягивая руку в сторону отступников и указуя на них обличающим перстом. Он говорил о попранном долге, о преданной родине, о низкой измене в угоду подлому врагу.

– Уму непостижимо, как эти молодые люди, получившие образование в наших школах и воспитанные в лагерях Гитлерюгенда, смогли додуматься до такого! То, что они писали в своих гнусных прокламациях, не просто клевета и ложь, это оскорбление всего нашего народа, ведущего бескомпромиссную борьбу за само существование германского государства. Это особенно подло сейчас, когда мы переживаем боль утрат, понесенных нашей армией в Сталинграде. Это удар в спину! Это плевок в наши души! Надругательство над памятью погибших героев и попытка бросить тень на всю немецкую молодежь.

С рева он переходил на ядовитый сарказм и почти шепот, подчеркивая тем самым весь ужас содеянного, о котором даже нельзя громко говорить вслух.

– В то время, когда наши дети собирают теплые вещи, одеяла, вышивают на предназначенных для солдат шарфах и рукавицах свои имена, пишут на фронт трогательные письма, в то время, как весь тыл снова подключился к программе «Зимней помощи», нашлись отщепенцы, поставившие своей целью отравить настрой общества, заронить сомнение в наши души. Глупцы! Они не имеют понятия о том, что такое немецкий дух и немецкая воля. Должен вам с прискорбием заявить, молодые люди, что вы так ничему и не научились. Вы, вероятно, совсем не читали книг или читали всяких Ремарков, Маннов и Осецких, давно вычеркнутых не только из нашей великой литературы, но и из самой памяти народа.

Пытавшихся попасть в зал родителей Софи и Ганса охрана задержала у дверей. Увидав, что отец обвиняемых все же прорвался и требует дать ему и его жене высказаться, Фрейслер обрушился и на них.

– Вы должны были лучше воспитывать ваших детей! Именно в вашем доме и в вашем присутствии вызревала будущая измена. Посмотрите на них, – взывал он к присутствующим, – они же еще и предъявляют претензии!

– Я только хочу защищать моих детей, раз это не делают назначенные вами адвокаты! – кричала в дверной проем Магдалена Шолль.

– Раньше надо было думать о своих детях. Уберите их, – обратился он к полицейским, – пока я не отдал приказ арестовать этих горе-родителей!

Выступил прокурор. Речь его была напичкана цитатами из высказываний председателя и не представляла ровным счетом никакого интереса. Промямлили свои речи и три имперских адвоката.

– Взывая к снисхождению, я тем не менее признаю, что правосудие должно свершиться, – произнес один из них казуистическую формулу.

Если кто-то из защитников и просил даровать обвиняемым жизнь, то эта просьба прозвучала лишь как обязательная фраза защитительной речи, без которой последняя потеряла бы всякий смысл. И все это прекрасно поняли.

В своем последнем слове Софи призвала суд учесть, что у Кристофа Пробста трое маленьких детей и его жена все еще в больнице с новорожденной девочкой. Она пыталась призвать их к милосердию, посвятив свои последние слова защите товарища, перед которым чувствовала вину. Ведь это благодаря ее безрассудству и беспечности все они были схвачены. Осознавая, что она и ее брат обречены, Софи Шолль бросила Фрейслеру:

– Вы прекрасно понимаете, что война проиграна, но вы слишком трусливы, чтобы признать это!

Не было еще и двух часов пополудни, когда Роланд Фрейслер огласил окончательную формулу обвинения и приговор:

– Виновны в измене. Смерть.

Их увезли обратно в Штадельхейм, где охрана разрешила Софи и Гансу по отдельности встретиться с родителями. Ганс Шолль благодарил отца и мать за любовь, напоминал, что у них остаются еще трое детей, в которых им следует искать утешение. Он просил их передать слова признательности своим друзьям. Но он не был экранным героем, подобным романтическому Оводу Этель Войнич, и он отворачивался, когда чувствовал, что не сможет сдержать слезы.

Поведение Софи поразило присутствовавшего при ее свидании с родителями адвоката. Она улыбалась, говорила о том, что их жертва не будет напрасной и всколыхнет все немецкое студенчество. Пытаясь показать матери свое душевное спокойствие, она сказала, что помнит об Иисусе и верит в его помощь. И только когда шаги Роберта и Магдалены Шолль стихли за поворотом тюремного коридора, она опустила на пол и зарыдала. Впервые за все эти дни адвокат Мор увидел ее слезы.

К Кристофу Пробсту никто не пришел. Он попросил допустить к нему католического священника и прямо в камере в соответствии с *articulo mortis* – льготой, предоставляемой готовящемуся к смерти, – принял крещение.

Тюремная охрана пошла еще на одно беспрецедентное нарушение правил: всем троим разрешили встретиться перед казнью и провести вместе некоторое время. Никто не знает, о чем они говорили, но, когда их повели на эшафот, никто не видел ни слез, ни склоненных голов, ни потупленных взоров.

Первой умерла Софи. В пять часов четыре минуты вечера косой нож гильотины поставил точку в ее короткой судьбе. Потом настала очередь Пробста. И наконец, пережив сестру на четыре минуты, был обезглавлен Ганс Шолль.

Известие о суде и казни на следующий день стало достоянием всего Мюнхена. В коридорах и на лестничных клетках университета студенты разговаривали вполголоса. Многие были потрясены и подавлены быстротой и жестокостью наказания. Многие из тех, у кого еще были припрятаны письма «Белой розы», твердо решили их уничтожить. Не могло быть и речи о каком-либо возмущении. Только страх и покорность перед государством. И если бы в эти дни университет вновь посетил пьяный гауляйтер и начал снова оскорблять их, как в прошлый раз, они бы выслушали его молча, с чувством вины и покорности.

Вечером профессор Вангер заперся у себя в кабинете и курил. Он пытался продолжить чтение Шнайдера, но не мог сосредоточиться. «Почему именно ко мне попали эти книги? Случайно ли это, и что я должен (и должен ли вообще) теперь со всем этим делать?» – такие мысли постоянно отвлекали его от прочитанного.

Описанная в книге казнь студентов поставила окончательную точку в сомнениях профессора – это не мистификация, не случайное, пусть даже самое невероятное, совпадение. Либо он тихо сошел с ума, либо мир вовсе не таков, каким его представляли до сих пор.

И все же он зафиксировал еще одну неточность в описании Шнайдера. Очевидцы, присутствовавшие на процессе (от их университета было несколько представителей), не упоминали ни о какой сломанной ноге Софи Шолль. Все подсудимые физически выглядели нормально. Да и не было никакой необходимости истязать тех, кто почти сразу во всем сознался. Безупречная по существу, книга явно грешила в мелочах. Это косвенно свидетельствовало о том, что она не возникла по воле высших сил – ее написал человек.

Эрна весь тот вечер провела в полутемной гостиной рядом с матерью. Они о чем-то тихо разговаривали.

\* \* \*

Он сидел на своем обычном месте в курии Гостилия на Римском Форуме. Шло очередное заседание. Незнакомый Элианию сенатор зачитывал последние постановления императора. Он был из новых, этот сенатор. Их здесь уже больше трети, новичков, пришедших из провинций с легионами Красса, Помпея, Лукулла и самого Суллы или назначенных диктатором из числа римских оптиматов. Они постепенно заменяли тех, кто попадал в списки репрессированных, получивших страшное название проскрипционных.

Это было уже не первое заседание после того кровавого истребления самнитов в цирке Фламиния. На следующий же день здесь, в здании сената, появился первый большой проскрипционный список из двухсот имен. Его внесли в виде свитка и передали Сулле сразу после принятия некоторых постановлений. Главным из этих постановлений стало присвоение императору звания «спасителя отечества» и утверждение его диктатором сроком на шесть месяцев.

В тот день из списка зачитали имена двух десятков присутствовавших в курии сенаторов. Их тут же увели и казнили прямо на Форуме. На другой день принесли второй такой же список, но уже с новыми двумя десятками имен. Снова вывели двадцать человек. Потом это повторялось еще и еще. Вначале списки почти полностью состояли из патрициев и всадников. Постепенно в них стали появляться имена простых, но состоятельных квиритов. А недавно большие доски с двумя тысячами имен проскриптов впервые выставили на Форуме на всеобщее обозрение.

Со своего места встал Сулла. Как всегда на заседаниях комиций, он был в военном облачении, как бы подчеркивая этим: «Не указывай на закон тому, кто опоясан мечом». Несколько дней назад его вместе с Метеллом избрали консулом республики. Многие при этом надеялись, что убийства наконец прекратятся, но они только ширились.

– Вы знаете мою главную цель, – сказал консул, – это скорейшая романизация Италии. Здесь, на Апеннинском полуострове, не должно остаться ни одного инородца, за исключением рабов и вольноотпущенников. Я имею в виду инородцев по духу, а не по крови. И прежде всего надлежит искоренить этрусскую письменность и пришедший от них обычай гладиаторских поединков. Кому эта затея не по душе, пусть убирается в провинции, а лучше еще дальше, к варварам. Италия – только для римлян!

Слушая его, Элианий понимал, что все они, сидящие здесь и облаченные в «тога претекста» – белые шерстяные ткани с пурпурной каймой, – выполняют исключительно протокольную функцию и ничего не решают. Списки проскриптов Сулла составляет в другом месте и с другими людьми. Его советчики – продажный Катилина, вольноотпущенник Хризогон, ослепленный жадой обогащения Марк Лициний Красс. Там же диктатор решает вопросы войны и мира, а они только утверждают его решения о снабжении легионов в Испании, об отправке подкреплений Помпею на Сицилию, о выделении денег на строительство флота для переброски войск в Африку. И это он называет возрождением функций сената!

– Вот почему наш император так не любит тогу, – прошептал на ухо Элианию его сосед Сульпиций Кане-га, – ведь она от этрусков, как и почти все в Риме.

Элианий согласно кивнул, огляделся и вдруг увидел Цезаря. Молодой патриций перешептывался с несколькими окружавшими его сенаторами. Как он понял, что это именно Гай Юлий Цезарь? Да так же, как и то, что рядом сидит Сульпиций Канега. Но что он тут делает? Ведь ему давно пора спасаться бегством за пределами Италии. Особенно после его дерзкого отказа Сулле развестись с женой.

Он снова ощутил шизофреническое чувство раздвоенности и нереальности происходящего.

После окончания заседания Элианий вышел на Форум и наблюдал, как народ толпится возле больших черных досок. Их только что вынесли и установили рядом с предыдущими перед Рострой. Те самые списки. Каждый, кто оказывался в них, немедленно объявлялся вне закона. Убивший его раб получал свободу и денежное вознаграждение. Убивший проскрипта квирит получал долю из его имущества.

Правда, теперь список состоял из двух частей. Помимо обреченных на смерть, там были приговоренные к изгнанию. Последним и членам их семей позволялось взять с собой только одежду, которую они могли надеть на себя, еду, которую могли унести в руках, и сто сестер-ций на всех. В течение суток они обязаны были покинуть Рим, а в течение последующих пяти дней – Италию. Все имущество, рабов и драгоценности им надлежало оставить в распоряжение проскрипционной комиссии. Нарушение каждого из этих условий влекло немедленную безжалостную расправу.

Со стороны Реции и храма Весты сверкнула молния. Площадной гул стих. Все уставились на небо в ожидании знамений. Послышался далекий продолжительный раскат грома. Элианий тоже посмотрел вверх и увидел наползавшие на солнце тяжелые черные тучи. Они клубились и быстро закрывали все небо. Вот-вот должен был хлынуть дождь.

Он кивнул ожидавшему его рабу, и они пошли домой, не обратив внимания на увязавшую следом бездомную собаку.

– Смотрел?

– Да, доминус. Слава богам, твоего имени нет нигде.

– А если бы было? Что бы ты сделал, Кратил?

– Клянусь Фидесой, я предан тебе...

– Ладно, что говорят?

– Корнелии убили фламина Фурринала, – зашептал раб.

– Уже добрались до жрецов?

– Его имени нет в списке Говорят, его убили по ошибке.

– Немудрено. Что еще?

– Ты не поверишь, доминус, но говорят, что пропала одна из Сивиллиных книг! Одна из тех трех, что была продана Кумской сивиллой Тарквинию Древнему за триста золотых. Ее похитили из храма Аполлона несколько дней назад. Жрецы до сих пор молчали, думая, что она отыщется. Что теперь будет?

– Кому же она понадобилась, эта древность? – спросил Элианий.

– Поговаривают, что ее могли похитить враги императора. Они тайно вывезут свиток за пределы Италии и поднимут восстание, например, в Греции. Афины никогда не забудут того, что учинил там Сулла. – Кратил был родом из Беотии, и в нем заговорил грек. – Квинтдецем-виры в панике. Что теперь будет?

В это время они проходили мимо странно одетого пожилого человека. На его груди висел плакат: «The sixth book was gone. The one who will find the compensation waits»<sup>12</sup>.

«Почему шестая? Кратил только что говорил об одной из трех. И почему по-английски? Этого языка еще нет».

Небо покрылось густой сетью молний. Они ускорили шаг, направляясь в сторону Виминала через Субурру – самый оживленный район Рима. Но и здесь теперь было немногочисленно. Корнелии, о которых упомянул Кратил, вот уже несколько недель наводили ужас на весь город. Это были вольноотпущенники. Сулла даровал свободу десяти тысячам государственных рабов, которых в честь него называли корнелиями. Они стали верными псами диктатора и теперь расхаживали по городу толпами, вооруженные кинжалами, в поисках проскриптов.

---

<sup>12</sup> Пропала шестая книга Нашедшего ждет вознаграждение (англ)

– Не бойтесь ни богов, ни людей, – говорил им Хризогон. – Римский закон – это меч императора. Он даровал вам свободу, он же сделает вас гражданами!

Элианий увидел, как по Виа Турбина корнелии волокли за ноги нескольких мужчин, а за волосы – женщин. Их тащили к традиционному месту казни провинившихся рабов, чтобы не только убить, но еще и опозорить. Он знал, что в домах, откуда выволокли этих людей, все залито кровью их детей, домочадцев и тех из рабов, кто сохранил верность своим хозяевам.

Стало совсем темно. Молнии сверкали без перерыва, но грома почти не было. Тучи опускались все ниже. Они клубились и кружили хоровод над городскими холмами. Внезапно раздался страшный удар грома и на землю обрушились потоки воды.

Сенатор и его раб поспешили свернуть в переулок. Скорей бы добраться до дома, думал Элианий. Сегодня его имени нет в списках, но это не гарантирует от ошибки пьяной своры. Ведь на воротах его ограды не нарисован голубой гаммированный крест – знак неприкосновенности Сулла, которого вдобавок ко всему зачем-то прозвали Счастливым, не дал ему и особой таблички, ограждающей от произвола солдат Красса и корнелиев Хризогона. Тем самым он, Сулла, оставлял за собой право вспомнить о сенаторе Авле Элианий что-нибудь такое, что позволит внести его имя в список проскриптов Любой навет о связях с Гаем Марием или его сыном, любая информация о каких бы то ни было контактах с Цинной или Карбоном, любой слух о его дружеских отношениях с видным популяром тоже позволят сделать это. Достаточно и просто неосторожного слова, и даже кивка согласия в ответ на такое слово, произнесенное другим.

Вдобавок ко всему он не мог уехать. Его отсутствие на очередном заседании тут же будет замечено и расценено как знак протеста или бегство от заслуженного наказания. Их тут же бросятся разыскивать и неминуемо настигнут. Нет, уехать из Рима без разрешения диктатора он не мог. Как не мог и отправить из города семью. Донесет кто-нибудь из рабов или соседей об их отсутствии, и он сразу окажется на подозрении. А даже самое малое подозрение в эти дни моментально перерождается в обвинение.

«Завтра же передам все свои свободные деньги квесторам в городскую казну, а земли в Лигурии, Умбрии и Пицене – в ветеранский земельный фонд, – решил он про себя. – Если, конечно, это завтра наступит».

Оказавшись на одной из базарных площадей Субурры, Элианий снова увидел человека в странной одежде. Того же самого, что бродил по заваленному трупами цирку Фламиния и возглашал: «О божественное деяние!», а несколько минут назад стоял на Форуме с плакатом на груди.

На этот раз он взобрался на какой-то постамент и, освещаемый молниями, в потоках воды, простирали руки к тучам:

*О древний Рим, лишенный древних прав,  
Как Ниобея, без детей, без трона,  
Стоишь ты молча, свой же кенотаф...*

«Это же Байрон! Причем в немецком переводе», – подумал Элианий, но новые удары грома отвлекли его. Словно в ответ, по всему небу метались невиданные им ранее лучи света, посылаемые с земли. Казалось, что земля вступила в схватку с тучами.

Они бросились бежать.

На этот раз профессор проснулся тихо. «Это становится навязчивым, – думал он, лежа в темноте. – Впору посетить психиатра».

Да, но какие декорации! Какая натуралистичность сцен!

Он знал, конечно, что древние римляне, как и греки, раскрашивали яркими красками антаблементами своих храмов, барельефы портиков, капители колонн и даже мраморные статуи богов. Но как и все, он привык видеть на фотографиях или наяву в развалинах Римского Форума или Афинского Акрополя лишь блеклые руины без малейшего следа красок. И силами только своего воображения он наверняка не смог бы создать того многоцветия, какое представилось ему в этих снах. Нет, что ни говори, а он был даже признателен за них. К черту психиатра, решил профессор, если это болезненная галлюцинация, то она совершенна. В конце концов, настоящий историк – а он по праву считал себя таковым – за подобные экскурсии заложил бы душу дьяволу или согласился обкуривать себя наркотическим дурманом.

Он уже догадывался, что все это неспроста. Сначала появление в его доме книг Шнайдера, потом... Раб из последнего сна говорил о пропаже одной из Сивиллиных книг. Но это же книга пророчеств. Другими словами – книга, предсказывающая будущее! И пять томов Шнайдера тоже есть книга о будущем. Ее предсказания уже сбываются. Не в этом ли все дело?

\* \* \*

– Наш потерянный зонд ушел из весны сорок третьего года в осень тридцать седьмого, господин президент, – доложил инженер по перемещениям.

– Ну, это не так много, – бодро сказал кто-то из присутствующих. – Года два назад русские потеряли свой зонд в Греции девятнадцатого века, так англичане наткнулись на него аж в четвертом веке до нашей эры в Эфесе, когда работали там по Герострату...

– О греках и русских поговорим позже, – раздался голос из президентского кресла, – сейчас строго по делу. Продолжайте, Карел.

– Мы обнаружили его следы в Дахау, где он и разрядился.

– Как его туда занесло?

– Я уже докладывал, что в момент обрыва зонд контактировал с Эрихом Беловым. Несмотря на откат в прошлое, программа продолжила выполнение полученного задания, но вызванный обрывом сбоя привел к нежелательным действиям.

– Мы вас внимательно слушаем.

– Судя по всему, зонд слил часть информации клиенту.

– Этому русскому?

– Да.

– И это, по-вашему, нежелательные действия? Да это же... – Септимус пощелкал пальцами, подбирая подходящее слово. – Очень нежелательные действия. Академию за них просто лишают лицензии. – Он понизил голос и обвел взглядом присутствующих. – Если узнают.

– Думаю, что не узнают. – Карел собрался с духом. – Я счел нужным на свой страх и риск санкционировать заброс туда легкого зонда серии «PR» и заблокировать полученную русским информацию. Он долго болел, но все выглядело вполне естественно. После перенесенной болезни Белов стал замкнут и почти ни с кем не общается. Признаю, пришлось прибегнуть к сильному воздействию, но этого потребовали чрезвычайные обстоятельства.

– М-да-а-а. Ну, а что с профессором Вангером? Вы грозилась подобрать для него очень умную программу психологической обработки, чтобы он... – Септимус снова пощелкал пальцами. – Потерял интерес ко всяким там книгам из будущего, но при этом не...

– Совершенно верно, господин президент. Обработка уже идет.

– Ну так посвятите нас в детали.

– Мы избрали самый древний способ – сны.

– Сны?

– Сны. Видите ли, господин президент, сны – это как раз та область нашего бытия, в которой мы постоянно сталкиваемся с самыми фантастическими видениями, явлениями и соб-

ственными мыслями и при этом совершенно спокойно их воспринимаем. Вернее сказать, чаще всего никак не воспринимаем, просто отмахиваемся, как от ничего не значащей чепухи. Они не опасны для нашего рассудка, какими бы ужасными порой ни были по своей сути. Считается, что именно через сны Бог или иные высшие силы предпочитают контактировать с теми, кому он хочет передать свои указания. Ведь даже глубоко верующий человек при виде реального ангела или, скажем, заговорившего человеческим языком животного может быть повергнут в стрессовое состояние, ибо...

– Да все понятно, Карел. Ваша преамбула затянулась. Сны так сны, чего тут рассусоливать.

Сбитый на полуслове инженер по перемещениям застыл с открытым ртом.

– Ну, о чем сны-то? – спросил президент.

– Разумеется, о прошлом. Ведь наш клиент профессор древней истории. – Карел снова собрался с мыслями. – В них мы мягко, но тем не менее неотвратно приведем его к убеждению сохранить все узнанное им из книг Шнайдера в тайне. При всем этом он еще получит несколько наглядных иллюстраций из области своих профессиональных интересов. Увидит, так сказать, воочию то, о чем рассказывает студентам на лекциях.

– Вот как! И что же он увидит?

– Ну... в своих – вернее, в наших снах он в шкуре древнеримского сенатора проживет несколько эпизодов из римской действительности, имевших место, согласно общепринятой исторической традиции, в начале первого века до нашей эры. Не скрою, его ожидают трагические события. Мы собираемся ошеломить Вангера их масштабом и достоверностью, отвлечь от Шнайдера, дать понять, что он оказался в ситуации, когда не стоит делать резких движений. Мы сконцентрируем внимание нашего клиента на размышлениях. Убедившись, что никто в сложившейся ситуации не сможет ему помочь, он замкнется на самом себе.

– Надеюсь, вы там не собираетесь скормить его львам или продать в рабство?

– Ни в коем случае! Хотя должен признаться, мы продуцируем гипнотический сон не на все сто процентов. Какая-то часть творчества остается и на долю самого клиента. Прежде всего его личные поступки, которые во многом зависят от характера, импульсивности, впечатлительности. Мы создаем лишь очень реалистичный фон и внешнее действие и в начале каждого эпизода помещаем его в центр событий

– То есть он там может выкинуть что-нибудь и не по вашему сценарию?

– Грубо говоря, да. Но Вангер человек подготовленный. Он прекрасно понимает историческую обстановку, в которой оказался, и будет вести себя благоразумно. Точнее, уже ведет

– Сколько уже прошло сеансов?

– Два. В первом, правда, была небольшая проблема с фокусировкой и звуком, но уже во втором все параметры в норме. Думаю, – Карел обвел уверенным взглядом всех присутствующих, – бодрствующий профессор Вангер уже прекрасно понимает связь своих римских снов с книгой Шнайдера.

Возникло некоторое оживление – присутствующие стали обмениваться мнениями.

– Что касается подробностей, то о них вам лучше расскажут доктор Парацельс – автор сценариев – и Мортимер Скамейкин из Отдела Виртуальных Сновидений, ответственный за техническую сторону.

## VII

### *Hoher Sinn hegt in kindischem Spiel*<sup>13</sup>

«Маленький попрыгунчик» родился поздней осенью 1922 года. Это было долгожданное событие в семье Вангеров. Девочку назвали Эрной Элеонорой в честь бабушки и матери Она росла здоровым и жизнерадостным ребёнком.

Учась в школе, Эрна, как и ее брат, летом выезжала в лагерь. Они занимались спортом, ходили в походы, помогали труженикам сельского хозяйства. Работали на фермах в рамках программ «Сельская служба», «Сельская помощь Союза немецких девушек», «Девичьи внешкольные лагеря» и других. Это, безусловно, закаляло подростков и сплачивало их, невзирая на различия в социальном положении.

Однажды летом их отряд три недели работал на молочной ферме близ Аугсбурга, а после этого на заработанные деньги их повезли на самый север Баварии в Байройт на ежегодный летний Вагнеровский фестиваль. Как всегда, приехал Гитлер. Эрна увидела его в окружении дам и всех расспрашивала, кто они такие Она выяснила, что одна из них – Винифред Вагнер – вдова сына великого композитора А самая красивая оказалась русской актрисой Ольгой Чеховой.

Гитлер был исключительно галантен. В ослепительно белом кителе, подпоясанном серебристым парчовым ремнем с позолоченной пряжкой, в черном галстуке с золотой заколкой в виде орла. На нем были прямые черные брюки и неизменная повязка со свастикой.

В другой раз она увидела его во фраке с белой бабочкой. Он снова шел в окружении дам, а увешанные аксельбантами генералы и адъютанты толкались сзади. Трудно было найти в рейхе второго такого любителя музыки, исключая разве что некоторых профессиональных музыкантов и дирижеров.

– Ну как съездила? – спросил профессор загорелую и окрепшую Эрну, когда вернувшихся в Мюнхен детей развезли по домам.

– Отлично! Слушай, па, а наш фюрер, оказывается, такой кавалер! Мы встречались с ним каждый день, – прихвастнула она – Я видела русскую актрису в тако-о-ом платье, – она развела руками, показывая пышность юбки. – На следующее лето обязательно снова поедem на фестиваль.

– Ну а музыка? Тебе понравилась музыка?

– Ой, там было столько народу, что нам приходилось смотреть издали...

Не забывали о детях и во время учебы. Когда в кинотеатрах шел очередной пропагандистский фильм вроде «Триумфа воли», школьников водили на просмотр классами. После этого устраивались обсуждения, межшкольные конкурсы эссе и тому подобное. Для детей часто организовывали различные экскурсии, ведь в Мюнхене было много музеев, памятников архитектуры и всяких исторических мест, особенно связанных с движением национал-социалистов. Сюда привозили школьников из других городов Германии и даже из других стран.

Однажды весной тридцать шестого их класс повели на выставку «дегенеративного искусства», недавно организованную в Мюнхене неподалеку от только что возведенного Дома немецкого искусства. По субботам они не учились, оказываясь полностью во власти Гитлерюгенда. Если воскресенья посвящались семье, то субботы – всевозможным воспитательным мероприятиям или общественно-полезному труду.

---

<sup>13</sup> Смысл глубокий в грезах детских лет (Шиллер Ф. Текла ) (нем)

Они шли тогда строем, бодрые и веселые Завидя их и шествующих впереди фюрерин, полицейские регулировщики останавливали своими жезлами автотранспорт, и девочки, размахивая маленькими флажками, деловито маршировали через проезжую часть, распевая не очень-то детские стихи, бывшие гимном их организации:

*Наше знамя влечет нас вперед,  
Наше знамя – это новое время,  
Наше знамя ведет нас в вечность,  
Наше знамя – это больше, чем смерть!..*

Когда они подошли к выставочному залу, им пришлось довольно долго ждать. Желающих посмотреть на «дегенератов» было так много, что очередь здесь занимали чуть ли не с вечера. Впереди них оказался мальчишеский класс из юношеской школы, с которым на время экскурсии воспитатели решили объединить девчоночий класс Эрны. Дети были заранее настроены воспитателями на веселый лад. Они пришли посмеяться над «вырожденцами». Когда еще представится случай повеселиться и побезобразничать не где-нибудь, а в настоящем музее!

– Это что за урод такой! – уже только сипел, не в силах смеяться, толстый юморной мальчишка с красным веснушчатым лицом. – Что это у него вместо руки? Ха-ха-ха!

– А эта почему полетела в воздух? – смеялся другой мальчишка, тыча в полотно Шагала. – Она что, воздушный шарик?

«Так больной разум видит нашу природу», – прочла Эрна подпись под одной из картин. В другом месте было написано: «Эти дети прокляты Богом». Все экспонаты здесь снабдили такого рода комментариями, дабы постоянно напоминать зрителям их задачу: не созерцать и любоваться пришли они сюда, а порицать и высмеивать.

Эрна весело смеялась вместе со всеми и к концу экскурсии даже охрипла. Их класс вместе с мальчишками, отесняя прочих посетителей, гурьбой катился мимо полотен Бекмана, Кокошки, Гроссмана, и самые остроумные наперегонки выискивали в каждом новом произведении что-нибудь особенно смешное. Им было по тринадцать лет, а этот возраст не знает жалости

Вот толстый Франц театрально замер перед большим холстом, и все остановились, ожидая очередной выходки. Он постоял, наклоняя голову в разные стороны, давая понять, что не может разобрать, где здесь низ, а где верх. Потом вовсе согнулся на один бок, после чего, повернувшись к картине задом, наклонился и, упершись в пол руками, стал смотреть на нее, стоя почти вверх тормашками. И без того красное лицо пытавшегося что-то говорить толстяка совсем побагровело от натуги. Что он там плел, никто не слышал. Мальчишки катались по полу в конвульсиях, девчонки визжали, а фюрерины утирали платочками слезы и только беспомощно жестикулировали, делая вид, что сердятся на детей за такое их поведение.

Затем были залы с полотнами Ван Гога, Пикассо, Матисса, Гогена... Эрна, проходя мимо, с удивлением замечала, что многие люди вовсе не смеются. Они стояли тихо и о чем-то перешептывались друг с другом, показывая на то или иное произведение отвергнутого немецким народом искусства. «Странные какие-то, – подумала она, – разве можно серьезно смотреть на эти уродливые цветы или вон на того голого человека за кривым столом, позади которого какие-то желтые развалины?»

И все же некоторые вещи вызывали у нее чувство некоторого несоответствия. Несоответствия этому месту и ее собственному настроению. Однажды она задержалась у небольшого портрета и прочла имя автора: Огюст Ренуар. Отошла немного в сторону. Печальное и очень красивое лицо женщины в нежных пастельных тонах. Румянец, влажные глаза... А какое изумительное платье! А размытый искрящийся фон, словно смотришь сквозь слезы... Не зря этот портрет был оставлен без внимания ее товарищами, как не дающий повода для насмешек.

– Все эти кубисты, футуристы, авангардисты и прочие – одна шайка. Как им только разрешают морочить людям голову! Я бы запретил таким продавать краски, не говоря уж о том, чтобы выставлять свою мазню на всеобщее обозрение. Правильно фюрер назвал их «доисторическими заиками от искусства».

Эрна услышала этот разговор, когда они выходили в вестибюль Важного вида господин высказывал свое мнение такой же важной даме, подавая последней пальто.

– В Дахау их всех! Там им найдут работу по способностям. Жаль, многие уже смылись.

Возвращаясь с выставки, они пели «Солнце для нас никогда не заходит», а потом другую песню, снова про флаг:

*Флаг – это наша вера  
В Бога, народ и страну.  
А кто захочет ее у нас отнять,  
Сначала должен отнять наши жизни*

Когда дома она рассказывала об этой экскурсии родителям, которые тоже уже побывали на выставке, то, к своему удивлению, не нашла у них ожидаемого отклика. Отец вяло улыбался и все пытался вернуться к чтению своей газеты, мать же интересовало одно: когда им дадут изложение об этой выставке, то что она сможет написать, если только носилась там как угорелая?

А через год, летом тридцать седьмого, Эрна вместе с родителями присутствовала на открытии Дома Немецкого искусства, построенного взамен сгоревшего шесть лет назад Стекланного дворца. Пройти к самому зданию – творению архитектора Трооста – в тот воскресный июльский день не было никакой возможности. Приехали фюрер, Геринг, министр пропаганды и целая куча других важных персон. У колоннады Дома их встречали войска почетного караула, а все вокруг окружила полиция, так что всех этих церемоний Эрна не видела. Но в честь открытия нового музея в Мюнхене было организовано грандиозное шествие под названием «Два тысячелетия немецкого искусства». Оно напоминало древнеримский триумф, когда народ и сенат чествуют победоносного императора.

Под восхищенные возгласы толпы по широкой Людвигштрассе торжественно проплывали величественные сооружения. То огромный мост, то роскошный имперский орел с высоко поднятыми крыльями, то макет Вевельсбургского замка. Особенно эффектным было всегда неожиданное появление очередного макета из проема Триумфальной арки, недалеко от которой расположились Вангеры.

В промежутках между макетами, цокая копытами, по мостовой неспешно ехали рыцари с длинными обнаженными мечами и украшенными свастикой щитами. Шли пешие колонны воинов в тяжелых плащах и шлемах. Их сменяли воинственные валькирии с длинными распущенными волосами, крестьяне с огромными снопами колосьев, орденские монахи с крестами на белых мантиях и лесом колышущихся штандартов над головами. Тогда Эрна жалела только о том, что всего этого не видит ее брат. Зачем он уехал в армию? Ведь здесь так интересно!

Конечно, о посещении самой выставки ни в тот, ни в ближайшие дни речь даже не шла. Но уже в начале августа, когда схлынул поток делегаций и гостей, они все втроем прошли по громадным гранитным залам Дома искусства.

Многое здесь поражало своими размерами. Картины в тяжелых рамах, мускулистые скульптуры. Целые залы были отведены только под портреты Гитлера. Хоммель, Труппе, Цилл, Трибш, Шахингер, Ниер, Леманн... – читала Эрна, скучая, имена живописцев. Увидев картину Хуберта Ланзингера, изображавшую Гитлера в рыцарских доспехах на коне (коня, впрочем, почти не было видно) и с флагом в руке, Эрна почувствовала вдруг, что этому эпическому

полотну неплохо было бы и на той выставке, среди декаденса и вырожденцев – жаль, что ее уже закрыли. Ей с трудом удалось сдержаться и не прыснуть неуместным смешком от нелепости увиденного. Она вспомнила байройтского кавалера в окружении дам и сравнила его с этим, специально написанным для открытия главного немецкого музея, портретом.

Потом на Эрну со стен глянули десятки соратников и верных товарищей фюрера. Некоторых она знала: Геринг, Гесс, Геббельс... изображения других ей ни о чем не говорили. Вот этот, например, рядом с известной статуэткой шпажиста (у них дома тоже была ее уменьшенная копия) – некий Рейнхард Гейдрих. Тоже, наверное, старый борец. А вот седой генерал с белыми усами. Оказывается, это Ганс фон Сеект. Ах да! Это же тот самый генерал, что выковал новый германский меч еще в двадцатые годы. Они проходили его в школе. Фюрер затем закалил этот меч, придав ему небывалую прочность.

Дальше были залы с бесчисленными массовыми сценами: штурмовики, факельные шествия, ночные ритуалы на площади перед Галереей Полководцев. Потом...

Потом Эрна почувствовала некоторое облегчение. И не она одна. На стенах висели пейзажи. И не только говорок посетителей, с которых спало напряжение официоза, стал здесь заметно раскованнее, казалось, свободнее стали кисти самих живописцев.

На многих картинах изображались две похожие друг на друга церквушки, написанные с разных мест, в разные времена года и суток. Это австрийские пейзажи, окрестности Браунау и Линца – места рождения и детства будущего фюрера.

Через залы монументальной скульптуры, прославлявшей труд и воинскую славу, Эрна уже не шла, а плелась, изнывая от скуки и усталости. Ей не терпелось вырваться и пойти с подружками в кино – снова показывали «Девушку моей мечты». Последнее, что она восприняла, была скульптура Торрака «Монумент Труд». Вернее, только ее уменьшенная копия, поскольку полномасштабное изваяние не поместилось бы даже здесь.

Четверо совершенно голых мужчин (автор даже не попытался прикрыть того, чья поза была совершенно уж нескромной) тащат за чем-то, надрываясь из последних сил, огромный камень. Тащат вверх по крутой и гладкой наклонной поверхности. На их бицепсах и трицепсах вот-вот лопнут вены, однако лица неестественно спокойны, диссонируя с напряженными торсами.

– В законченном виде монумент будет установлен на новом автобане близ Зальцбурга, – пояснял музейный работник кому-то из еще неосведомленных через прессу приезжих.

– Нет, мне непонятно только одно, Элли, – говорил профессор жене, когда они вышли на улицу и достаточно далеко отошли от тяжеловесных неоклассических колонн нового имперского музея, – какое желание трудиться может вызвать вид этих несчастных каторжников. Я имею в виду Торрака. Это же сизифы какие-то! Причем настолько тупые, что не имеют понятия о рычаге или, скажем, веревке. Ты вспомни их лица. Нельзя же так утрировать. А если это дикари с острова Борнео, то и те носят набедренные повязки. Эту... – он не мог подобрать слово, – гору бетона впору поставить где-нибудь на древней каменоломне, где рабы добывали для римлян мрамор. И что странно, Элли, есть же у них нормальные скульптуры, помнишь хотя бы тот зал...

– Успокойся, Готфрид, – сказала фрау Вангер мужу. – Ты же слышал, что эту скульптуру поставят не у нас, а возле Зальцбурга. И смотри не ляпни кому-нибудь в своем университете про сизифов. Не забывай, что все экспонаты для этой выставки отбирал некий мюнхенский художник, чей авторитет у нас уже пятый год непререкаем.

– Но есть же у них художественный совет, есть Палата изобразительного искусства, наконец! Все были здесь. И фрау Троост, и...

– Папа, – строго дернула отца за рукав Эрна, радуясь, что культурное мероприятие закончилось и они на свободе, – смотри лучше под ноги.

\* \* \*

– Умер Людendorф, – читая за ужином газету, произнес однажды профессор. – Ожидают приезда Гитлера Ты куда-то торопишься? – спросил он у дочери, заметив, как та, брэнча ложкой, старается поскорее доест суп.

– Да. У меня сегодня деловая встреча, – не сбавляя темпа, сообщила Эрна

– Какая еще встреча? Ты посмотри на улицу! – воскликнула мать.

За окном была настоящая зима. Уже второй день не переставая шел снег. В понедельник двадцатого декабря 1937 года он шел чуть ли не по всей Германии.

– Опять ешь без хлеба. Посмотри на себя – кожа да кости.

– Ну и что, а некоторым нравится.

– Что нравится? – не поняла мать.

– Мои кости с кожей, – звякая ложкой по уже пустой тарелке, прошамкала полным ртом Эрна.

– Это кому же, например?

– Одному мальчику.

– Уж не с ним ли у тебя деловая встреча? Готфрид, ты бы хоть поинтересовался у дочери, куда она собралась, – обратилась Элеонора Вангер к мужу.

Профессор со вздохом отложил газету.

– Ну ма-а-ама, каникулы ведь! Меня пригласили в кино. А погода самая что ни на есть рождественская. Кстати, не забудьте купить елку. Мы должны все сфотографироваться возле нее и послать карточку Мартину, – прихлебывая чай, тараторила Эрна. – Бедный Марти, его даже не отпустили на Рождество!

– Ты нам зубы не заговаривай, – не унималась мать, – говори, кто тебя пригласил и куда вы пойдете?

– Ну, Петер. Петер Кристиан. Ты его не знаешь. Мы были в их школе на соревнованиях.

Две недели назад Эрна познакомилась с Петером на соревнованиях по фехтованию, ставшему в последние годы очень модным видом спорта у молодежи. Они сидели рядом на зрительской трибуне в спортзале школы для мальчиков, где учился Петер. Следующей весной он оканчивал выпускной класс и был старше Эрны на полтора года.

Они оба кричали, смеялись и топали ногами, болея каждый за представителя своего района. А потом он проводил Эрну до дома и на следующий день встретил после уроков возле ее школы. Они долго гуляли, наслаждаясь первым снегом, рассказывали друг другу о себе.

– Ты кем хочешь стать? – спросил Петер.

– Путешественницей! – размахивая портфелем, не задумываясь ответила Эрна.

– Серьезно? И где же, к примеру, ты успела побывать?

– В прошлом году мы были на Олимпийских играх, а минувшим летом я ездила в Байройт на фестиваль. Вот! А еще я часто навещаю родственников в Регенсбурге – у меня там живет тетя. А в следующем году мы поедем смотреть замок Нойшванштайн!

– Ну, это совсем рядом, – протянул он. – Я предпочитаю дальние путешествия. Позапрошлым летом, например, я плавал на Мадейру и Канарские острова.

– Здорово! – восхитилась Эрна. – Расскажи!

– Эти круизы организовал «Рабочий фронт». Мы плыли на теплоходе «Штутгарт». Но это еще что! Прошлым летом я дошел на эсминце «Ягуар» до Альтен-фиорда! Знаешь, где это?

– Где? – Эрна даже остановилась от восхищения.

– Далеко-далеко за Полярным кругом. В Норвегии «Рабочий фронт» зафрахтовал этот эсминец у моряков и организовал круиз до мыса Нордкап. Правда, до него мы так и не добрались.

– Почему?

– Погода испортилась Эсминец – это тебе не круизный теплоход. Знаешь, как его болтает! Мы почти все слегли от морской болезни. – Петер рассмеялся. – Капитан повернул назад и высадил нас, бледных и измученных, в Нарвике. Так что домой мы возвращались уже по железной дороге через Швецию. А когда нужно было переплыть на пароме через пролив, чтобы попасть в Данию, и мы снова увидели море, то многим опять стало плохо. А там плыть-то всего двадцать километров.

Они рассмеялись, и Петер еще долго рассказывал о своих приключениях за Полярным кругом и на тропических островах.

– А я провожу лето в лагерях, – вздохнула Эрна. – Этой весной ушел в армию мой брат Мартин, и мне стало так одиноко.

Однажды, когда он не встретил ее после школы, она шла домой одна и ломала голову: что случилось? Петер не появился и на следующий день. Вечером отец спросил ее:

– Ты чего такая тихая сегодня? В школе что-то не в порядке?

– Да нет.

– Что вы там хоть проходите по истории?

– Да так, каких-то борцов или мучеников.

– Каких-то? – удивился профессор. – Интересно, о чем же, к примеру, шла речь на последнем уроке?

Эрна поморщилась, напрягая память. Последний урок истории был как раз сегодня. Но ей было не до тяжелых шей «позорной республики». Она думала о Петере. Придет ли он сегодня?

– О Шла...гет...

– О Лео Шлагеттере? – подсказал отец.

– Да, вроде бы о нем.

– Ну, и что? Что ты можешь сказать об этом человеке?

– По-моему, его убили не то французы, не то англичане. – Она умоляюще посмотрела на отца, взгляд которого выражал сожаление. – Он что-то там сказал... или сделал... Еще во времена оккупации Рура ..

Выйдя на следующий день на крыльцо школы, она снова не увидела Петера. Был последний день занятий. Если он не пришел и сегодня, то, значит, она не увидит его, как минимум, до конца каникул. Эрна вздохнула и, попрощавшись с подругами, собралась уже идти домой, как вдруг услышала мальчишеский голос:

– Эй, тебя зовут Эрна?

Перед ней стоял карапуз, весь перепачканный снегом..

– Ну, допустим, а тебе-то что?

– Тогда держи.

Карапуз вынул из кармана запечатанный конверт, протянул его Эрне и убежал. Она тут же вскрыла конверт и прочла:

*«Приходи сегодня в семь часов на угол Герцог-Рудольфштрассе и Кольца. Я купил билеты в кино. Твой Петер».*

Записка так и была подписана: «Твой Петер».

Она задохнулась от радости. Пасмурное небо и промозглый ветер со снегом стали лучшей погодой в мире, Каникулы! Рождество! Что там сказали сегодня в конце занятий? Что-то

грустное... Ах да, умер генерал Людендорф. Но что ей до смерти еще одного старого борца, когда ее мальчик написал «Твой Петер»!

Снимая дома свой яркий красный берет, из-за которого некоторые называли ее Красной шапочкой, она вдруг догадалась, по какой примете ее узнал тот мальчишка.

– Сразу после кино домой, – строго сказала мать, когда Эрна выпархивала на их просторную лестничную площадку. – И пусть твой ухажер проводит тебя до самого дома. Не забывай, нам еще собирать посылку Мартину!

Она пришла в условленное место, приложив некоторое усилие, чтобы чуть-чуть опоздать. На пять минут. Хотя была на соседней улице уже за полчаса до назначенного срока. Но... там никого не оказалось. То есть прохожих было много, и они все спешили по своим делам, не обращая на растерянную Эрну внимания. У самого перекрестка урчал большой легковой автомобиль с брезентовым верхом. Другие машины проезжали мимо, выбрасывая из-под колес мокрый снег. Но где же Петер?

– Ну вот, опять, – сказала она вслух, – неужели я опоздала так намного?

В это время дверца автомобиля отворилась и из него выбрался Петер.

– Машина подана, фройляйн! – сказал он весело и, подойдя, взял в свои руки обе ее ладони. – Вы не замерзли?

– Петер, это что, твоя машина?

Он посмотрел на часы.

– Еще сорок минут моя. Я выпросил ее на час у отца. Это его служебный «Мерседес». Предлагаю немного покататься, а потом пойти в «Каир». У нас билеты на восемь часов на какой-то новый итальянский фильм с Джульеттой Монтели.

– А кто это?

– Черт ее знает, – Петер рассмеялся, – я думал, ты разбираешься в артистах. Просто прочитал на афише это имя.

Он отворил заднюю дверцу и пропустил Эрну в салон.

– Покатай нас по городу, Георг, – обратился Петер к шоферу, усаживаясь рядом. – А потом высади у «Каира».

За рулем сидел пожилой человек в черной шинели. Он кивнул, и машина тронулась.

Это был вечер, который она запомнила навсегда.

Они долго катались по Кольцу. Часто останавливались, чтобы попить лимонаду или купить чего-нибудь сладкого. Потом, смеясь и отряхивая снег, снова усаживались на заднее сиденье. Без пятнадцати восемь Петер отпустил Георга. Они ели пирожные в фойе кинотеатра и рассматривали фотографии артистов, соревнуясь, кто вспомнит больше фильмов с их участием.

– Паула Вессели, – еще издали узнала Эрна одну из восходящих звезд германского кинематографа. – Мы всей семьей ходили на ее «Маскарад» в «Глория-Паллас», когда были в Берлине. А этот актер играл в «Отпуске под честное слово», а эта – в «Примерном супруге» и в «Путешественниках»...

Их места оказались в самом последнем ряду. Эрна сначала расстроилась, что так далеко, но скоро почувствовала, что это неспроста.

Перед тем как погасили свет, на сцену вышел работник кинотеатра и снова напомнил всем, что сегодня на семьдесят третьем году жизни в Татцинге скончался генерал Эрих Людендорф, великий полководец и верный соратник фюрера. Поэтому перед началом сеанса будет Документальный фильм о нем.

Эрна уже в третий раз сегодня слышала о Людендорфе. Но смерть этого человека совпала с таким чудесным для нее днем, что впоследствии, когда что-то напоминало о нем, она ощу-

щала приятное неосознанное волнение. Как неожиданный запах деревенского дымка или случайный звук вдруг вызывают ностальгическое воспоминание о чем-то далеком и безвозвратном, так это историческое имя стало через годы меткой в ее памяти, по которой ей открывался доступ к воспоминанию. Но это она поняла позже.

Перед зрителями предстал образ сурового и мужественного генерала, не побоявшегося, когда у всех уже опустились руки, отдать приказ армиям сражаться до конца. Потом он шел плечом к плечу с Адольфом Гитлером на пули полицейского заслона, и это была предтеча «Национальной революции», свершившейся спустя почти десять лет.

Когда начался художественный фильм, Эрна почувствовала, как горячая ладонь сжала ее руку. Хорошо, что в зале было темно и никто не видел румянца, залившего ее щеки. Если бы их попросили на другой день написать изложение об увиденной ленте, как это иногда практиковалось после коллективного посещения кино или театра, то их листы остались бы чистыми. Романтическая любовь некой пастушки к испанскому гранду была ничтожна в сравнении с их дружбой. Они ничего не запомнили, но это был лучший фильм из всех, что они видели!

Потом они медленно шли к Брудерштрассе. Возле подъезда ее дома долго стояли молча, несколько не тяготясь своим молчанием. Кто-то верно заметил: «Настоящий друг не тот, с кем всегда есть о чем поговорить, а тот, в обществе которого ты можешь молчать, не испытывая неловкости».

Он пожал ее руку и провел ладонью по локонам спадающих на плечи волос.

– Сегодняшний день стал самым счастливым в моей жизни, – сказал он очень просто, без пафоса и волнения. – К сожалению, на каникулы я должен уехать, и мы увидимся только после Рождества.

Эрна молчала.

– Ты будешь скучать?

Она встрепенулась.

– Значит, завтра мы не увидимся? Когда ты приедешь?

– На Новый год.

– Когда мы встретимся, – сказала она, – я хочу, чтобы вечером снова шел снег. Давай опять пойдем в «Каир». Там, наверное, все еще будет идти этот фильм, и мы снова сядем на последний ряд. Ты будешь ждать?

... – Ты знаешь, кто отец этого твоего Петера? – спросила как-то ее мать.

– Какой-то большой начальник

– Вот именно, что начальник. Он что, тебе не рассказывал?

– О чем, мама?

Эрна слегка недоумевала. А ведь и правда, они совсем не говорили о родителях.

– Элли, может, не надо? – вступил в разговор отец.

– А что тут такого? Пусть знает.

– И что я должна знать?

В голосе Эрны прозвучали нотки раздражения. «Тоже мне, тайны мадридского двора, – думала она. – В конце концов, плохих людей не возят на служебных „Мерседесах“. Да и какое мне дело до отца, если я люблю... Петера». Она вдруг поймала себя на том, что мысленно произнесла это слово.

– Он начальник одного из отделений лагеря Дахау, – продолжила мать, штопая шерстяной носок. – У нас в Красном Кресте о нем ходит дурная слава.

– Какого еще лагеря? – не поняла дочь.

Она почти ничего не знала о концентрационных лагерях. В школе о них не рассказывали, поэтому еще недавно, когда она слышала слова: «его отправили в Дахау», ей казалось странным, почему постоянно кого-то отправляют непременно в этот расположенный по соседству с

Мюнхеном городок. Что в нем такого особенного, в этом Дахау? Постепенно до ее сознания дошло второе смысловое значение слова «Дахау», хотя и в очень туманном виде.

– Что значит «дурная слава»?

– Ладно, хватит об этом, – прервал их разговор профессор, – нечего разводить сплетни.

В конце концов, у каждого своя работа.

Ни один школьник, если он, конечно, в своем уме, не станет торопить каникулы, ожидая с нетерпением их окончания. Но Эрна была именно таким исключением. Она слонялась по дому, не зная, чем заняться.

Наконец с башни Новой ратуши в белое пасмурное небо поплыл особенный мюнхенский бой курантов. Его поддержали церкви и кирхи всего города, и звон рождественских колоколов возвестил о пришествии Спасителя. До Нового года оставалось меньше недели. «Когда же он приедет, – думала она, глядя на нарядную елку. – Нельзя же быть таким бессердечным. Или он наврал мне про лучший день в его жизни?»

Ее стали терзать сомнения. В конце концов, кто она? Пятнадцатилетняя девчонка, нескладная и худая. Мать права – не на что особенно и смотреть. Если бы не красивые волосы, доставшиеся в наследство от бабушки, то и вовсе – гадкий утенок.

Она, конечно, преувеличивала и сама знала об этом. В классе она считалась если не первой красавицей, то уж второй непременно. И то только потому, что ее женские формы несколько отставали в своем оформлении от сверстниц. Она видела, какими глазами смотрели на нее некоторые мальчишки из их двора. В них была грусть и что-то запретное. Да и только будучи уверенной в своей внешности, можно поиздеваться над собой, глядя в зеркало

Большие темные глаза, полные, яркие от природы губы и, несмотря на общую худобу еще не вполне сформировавшегося тела, округлые щеки. И кожа Белая, бархатистая, даже опаленная летним солнцем и обветренная деревенскими ветрами, она не теряла своей свежести. А что до волос, то любая сердобольная тетушка, знакомая матери или соседка, всегда не преминет при встрече восхититься их пышностью и цветом.

Но Петер тоже парень заметный. Высокий, статный. Не блондин, но близок к этому. Настоящий арий. Как раз таких изображают на рекламных плакатах Гитлерюгенда Только он живой. В его серо-голубых глазах нет того плакатного героизма и стальной твердости, что рисуют нынешние художники. Они приветливые и открытые. «Но что-то он не договаривает, – вдруг подумала она. – Может, это связано с его отцом? А вдруг у них там веселая рождественская вечеринка и какая-нибудь девица уже окрутила его. Много ли надо: вино, нежный шепоток на ушко, прикосновение... А меня ему еще ждать и ждать. Он же понимает...»

Она представила, как Петер в кругу сверстников и сверстниц распевает «Ночь при ясном небе», отмечая праздник зимнего солнцестояния. Она вздохнула и совершенно несчастная пошла спать.

Утром мать заглянула в комнату дочери.

– Эрна, пойдика посмотри, кто это там стоит. Уже минут тридцать

– Где стоит? – раздалось из-под одеяла сонное бормотание.

– Там, под окном.

Эрна пулей выскочила из кровати и прямо в ночной рубашке бросилась к окну.

– Да не здесь, в гостиной...

Она метнулась в гостиную и, отдернув штору, прильнула к окну. Внизу стоял Петер. Он смотрел куда-то в сторону, поеживаясь от холода. Эрна замахала руками и что-то закричала, но снизу, в окне третьего этажа, она скорее напоминала рыбу в аквариуме, только раскрывающую беззвучно рот. Она перестала махать руками, прижалась лбом и ладонями к холодному стеклу и стала смотреть.

– Ты хоть накинь халат, дочка, – сказал вошедший в комнату профессор. – Да пригласи его подняться. Чего там торчать.

– Не слишком ли ранний визит? – недовольно пробурчала мать.

Когда Петер поднял голову, он увидел сияющее лицо Эрны и помахал рукой.

Потом Петер сидел за большим овальным столом в столовой Вангеров и пил чай с остатками рождественских яств.

– Вы куда-то уезжали? – спросила его мать Эрны.

– Да, фрау Вангер, я гостил у мамы во Франкфурте. – Видя вопрос в глазах сидевшей напротив него строгой женщины, он, несколько смутившись, пояснил: – Она не живет с нами уже несколько лет.

– А что вы намерены делать после окончания школы? – желая увести разговор от семейных проблем Петера Кристиана, спросил его профессор.

– Я бы хотел стать адвокатом. Правда, папа против. Он хочет, чтобы я был... военным.

Здесь Петер несколько лукавил. Генрих Кристиан, его отец, желал видеть сына если не в Лейбштандарте СС «Адольф Гитлер», то хотя бы в почетном полку СА «Фельхеррнхалле» или в штабсвахе «Герман Геринг». Он считал, что у его сына просто нет иного пути, как стать офицером одного из боевых полков партии. Он хотел закалить его физически, посылая летом после увлекательных круизов в лагеря с самой насыщенной спортивно-туристической программой. Несколько раз он привозил Петера к себе на работу, рассчитывая закалить его и духовно. Конечно, лагерфюрер Кристиан не показывал ему экзекуции и карцеры. Он только вывел однажды сына на балкон своей служебной квартиры с видом на апельсиплац, на котором изнывала от жары тысяча узников.

– Вот что ожидает тех, кто перестает быть немцем! Ты хочешь стать защитником этих отбросов? Пойми, сынок, нам не нужны адвокаты. Наш фюрер – совесть нации и ее правосудие. Он не допустит несправедливости Сейчас, когда Третий рейх вступает на свой тысячелетний путь и начинает его с железного века, все правосудие должно вершиться по принципу трибунала. Только судьи – доверенные люди фюрера, – и никаких адвокатов и обвинителей!

Когда они вышли из ворот, то увидели шедшую навстречу группу вновь прибывших. Мужчины разных возрастов, человек двенадцать. Все были еще в своей одежде с большими тяжелыми чемоданами в руках. Многие несли на свободной руке добротное пальто или плащ.

Лагерфюрер жестом остановил охрану. Те построили осужденных в шеренгу, велели им положить чемоданы на землю и открыть их.

– А этот что, без вещей? – спросил отец Петера кого-то из охраны и подошел к пожилому человеку в летнем костюме и шляпе.

– Да. Таким нам передали его с поезда, гауптштурмфюрер.

– Откуда?

– Из Нюрнберга.

– Еврей?

– По документам русский, из эмигрантов.

Кристиан-старший протянул руку, и в нее легла папка с личным делом осужденного.

– Та-а-ак. Посмотрим. Русский, говоришь...

Он стал листать содержимое папки, хмыкая что-то себе под нос.

– Вот посмотри, Петер, – повернулся он к послушно ожидавшему рядом сыну, – этот господин живет в нашей стране уже двадцать лет, а работать не хочет. Отказник. Когда прикрыли его жидовскую газетенку, где он сочинял грязные пасквили по заказу большевиков и социал-демократов, и предложили заняться полезным трудом, он обиделся. Глядя на таких, хочется пятый пункт нашей программы, где «Германия только для немцев», сделать первым. И приписать к нему: «А Дахау – для всех прочих!» Особенно для тех, кто мог, но не захотел

стать немцем. – Обращаясь ко всем, лагерфюрер повысил голос: – Фюрер еще в двадцать втором сказал: «Нашим девизом станет: если ты не хочешь быть немцем, я набью тебе морду!»

Однако Петер всячески старался уходить от разговоров на подобные темы. Он находил разные предлоги, чтобы не ездить больше к отцу. Петер был глубоко убежден, что лагеря и тюрьмы – суровая необходимость. Конечно, кто-то должен в них работать. И многие, судя по довольному виду некоторых охранников, были созданы для такой работы. Вот пусть они ее и выполняют. А он... Он как-нибудь убедит отца, что юридическое образование не помешает будущему солдату партии. А там посмотрим.

Как раз эта несогласованность с отцом во взглядах на собственное будущее, раскол семьи, длившийся вот уже три года без официального развода и надежд на воссоединение, и были причиной той тени, которую уловила чуткая душа Эрны в его глазах.

В тот день они долго гуляли, а потом Петер пригласил Эрну к себе домой.

– Отца нет. Он вообще иногда по нескольку дней не приезжает в Мюнхен. Дома только Хольм.

– А кто это?

– Ординарец папы. На службе он ему не нужен, поэтому всегда живет здесь, выполняя некоторую работу по дому.

– Другими словами, прислуга, – констатировала с шутливой укоризной Эрна.

Недавно произведенный в штурмбаннфюреры СС Генрих Кристиан снимал квартиру на Элизенштрассе почти напротив ботанического сада. Двери им открыл невысокий человек лет пятидесяти. На нем была короткая белая курточка, какие Эрна видела летом в Байройте на официантах, разносивших в перерывах между героическими аккордами вагнеровской музыки прохладительные напитки. Такие курточки почему-то называли обезьяньими.

– Это Хольм, – сказал Петер и пропустил Эрну вперед. – Хольм воевал на стороне итальянцев в Альпах Хольм, в какой по счету битве на реке Изонцо тебя взяли в плен?

– В десятой, Петер, в десятой. Только я сам сдался.

– Он наполовину итальянец, наполовину австриец, – пояснил Петер, помогая Эрне снять пальто. – Хольм, ты угостишь нас чаем?

Квартира была просторной, значительно больше, чем у Вангеров. В большой гостиной Эрна увидела на стене скрещенные сабли, огромный револьвер, карту Африки и много фотографий в рамках. На них чаще всего был изображен загорелый мужчина с волевым, как бы рассеченным надвое вертикальным сабельным ударом подбородком. Широкополая шляпа или английский тропический шлем, неизменное ружье в руках или на плече, патронташ на поясе. Улыбающиеся полуголые негры, пальмы, слоны...

– До войны мой папа долго жил в колониях. Камерун, Того, Немецкая Новая Гвинея. Он работал в инспекции по делам колоний. Вот здесь он в Немецкой Восточной Африке. Видишь эту гору? Это вулкан Килиманджаро. Он был на нашей территории.

– А это кто? – Эрна показала на портрет пожилого генерала в широкополой шляпе, один край поля которой был загнут и пристегнут к тулье.

– Это фон Леттов-Форбек, герой обороны Восточной Африки. Он сложил оружие только после нашего поражения в Европе. Папа участвовал в боях с англичанами в отрядах его аскеров и даже был ранен в битве при Яссине.

Петер показал на карте это место. Потом он достал фотоальбом и стал показывать другие фотографии. Эрна узнала, что еще до Африки его отец, девятнадцатилетний рядовой экспедиционного корпуса фельдмаршала фон Вальдерзее, участвовал в подавлении китайского восстания ихэтуаней, вошедшего в историю как «Боксерское». На одной из страниц альбома она прочитала написанные аккуратным почерком слова:

*«Как некогда гунны под водительством Аттилы стяжали себе незабываемую в истории репутацию, так же пусть и Китаю станет известна Германия, чтобы ни один китаец впредь не смел искоса взглянуть на немца».*

Это были слова кайзера. Она проходила в школе те события 1900-1901 годов. Сколько же тогда стран вошли в союз и направили свои войска, чтобы защитить христиан от озверевших китайских повстанцев! Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Франция, Италия, Япония, США, Россия... А через тринадцать лет они начали войну друг с другом.

Петер показал медную пряжку от поясного ремня, на которой в круглом медальоне был изображен дракон. Их специально отштамповали для солдат, проходивших службу в Китае.

– Да, – мечтательно произнесла Эрна, – жаль, что теперь у нас нет всех этих стран. Я бы тоже хотела работать где-нибудь в Африке, например, в нашем Красном Кресте.

– Папа говорит, что скоро мы все вернем обратно, только я считаю, что времена колоний прошли. Скоро середина двадцатого века. В другие страны нужно ездить в качестве путешественников, ученых или миссионеров. А чужое все равно останется чужим. А ты как думаешь?

Она кивнула.

– А это, – Петер ткнул пальцем в фотографию молодого офицера в форме люфтваффе, – мой брат Пауль.

– Ты никогда не рассказывал мне о нем, – удивилась Эрна.

– Мы редко видимся. Мы братья только по отцу. Пауль родился в Африке за несколько дней до начала войны.

– Он летчик?

– Нет. Он служит у Геринга в его личном полку.

Ни Петер, ни его отец не имели ни малейшего понятия, что летом тридцать четвертого года судьба Генриха Кристиана висела на волоске. Когда Гиммлер обсуждал с Германом Герингом списки обреченных на уничтожение штурмовиков, возглавлял которые Эрнст Рем, будущий рейхсмаршал увидел в одной из строчек фамилию Кристиан. Он вспомнил, что в его охранном полку, набранном когда-то из персонала прусской полиции, служит унтер-офицер с такой фамилией. Геринг не поленился навести справки и выяснил, что это сын угодившего в черный список штандартенфюрера СА из группы «Западная Марка» Генриха Кристиана. Еще он узнал, что его, Германа Геринга, отец, бывший в начале века губернатором Намибии, лично знал этого Кристиана.

Фамилию заменили другой. Фюрер подписал списки, и смерть обошла стороной одного из его верных сторонников. Тем же летом Генриха Кристиана направили в распоряжение Теодора Эйке, и тот назначил бывшего защитника имперских колоний в один из филиалов своего разраставшегося учреждения с коротким и хлестким названием «Дахау». Воистину, мы висим на тонкой нити невидимой пряжи, ткущей паутину наших судеб.

– А что стало с мамой Пауля? – спросила Эрна.

– Они разошлись. Отец, похоже, не создан для прочной семейной жизни.

Петер догадывался, что у его отца есть любовницы. Недавно он видел, как Георг открывал дверцу машины, выпуская очередную из них.

Они пили чай. Рассматривали экзотические предметы, привезенные с Маршалловых островов или из провинции Цинцзяу, разговаривали и спорили обо всем на свете.

– Пошли на улицу, – предложил Петер.

– Пошли!

Новый год они решили встретить вместе. Петер был официально приглашен к Вангерам и явился с подарками. Он принес шампанское и букет роз из оранжереи Гаусмана, стоивший, вероятно, бешеных денег. Еще в его руках был сверток – роскошное издание Гая Светония Транквилла «Властелины Рима». Цветы для фрау Вангер и книга для библиотеки господина

профессора были как раз такими подарками, от которых нельзя было отказаться, даже при всей щепетильности родителей Эрны.

Самой Эрне он подарил небольшое золотое колечко с маленьким алмазом.

– Петер! – воскликнула Эрна. – Что же ты не намекнул, что придешь с подарками? Мы бы тоже тебе что-нибудь подарили. Даже как-то неловко.

– Скажи, что завтра весь день мы будем вместе.

– Конечно!

– Вот это и есть самый лучший подарок.

Она бросилась ему на шею и впервые, по-детски неумело, прижалась своими губами к его губам.

Счастливая пора их дружбы, а слово «любовь» они не произносили, как бы приберегая его на потом и будучи уверены, что это «потом» обязательно наступит, продолжилась до конца января. А дальше случилось неожиданное, хотя и вполне предсказуемое: Генрих Кристиан, никогда не живший подолгу на одном месте, получил назначение в Берлин. Первого августа недалеко от Веймара готовился к открытию третий (после Дахау и Заксенхаузена) концентрационный лагерь Бухенвальд, для которого Гиммлер загодя набирал обслуживающий персонал. Все мольбы сына о том, чтобы ему позволили остаться и хотя бы закончить школу в Мюнхене, были напрасны.

Они стояли на Мариенплац, а в пасмурном зимнем небе над их головами колокола башни Новой ратуши звонили прощальную песнь. Эрна глазами, полными слез, смотрела куда-то в сторону, и очертания колонны Марии искрились и преломлялись в ее детских слезах.

– А как же я? – тихо произнесла она.

– К осени я обязательно приеду, – пытался успокоить ее и убедить самого себя Петер. – Уговорю отца отпустить меня учиться в Мюнхенском университете. Пообещаю ему, что после выполню любое его желание.

Эрна подняла голову и посмотрела на круглые купола Фрауенкирхи.

– Дева Мария, сделай так, чтобы эти слова сбылись!

Она схватила Петера за руку и повлекла в церковь. Они сели на одну из скамеек в пустынном в этот час центральном нефе и долго молчали.

– Ну все, – наконец нарушила молчание девушка, – я попросила Богородицу обо всем, чего хотела. А о чем молился ты?

– Наверное, о том же самом.

– Нет, скажи! У каждого ведь свое. Я, например, кроме прочего, просила Марию, чтобы поскорее приехал мой брат. Тогда мне будет легче. А ты?

– Я... – В мозгу Петера до сих пор звучал рык отца – еще не угаснувшее эхо утреннего разговора. Мысли его путались и были далеки от Бога. – Все зависит от нас. Зачем просить у кого-то то, что можем сделать только мы сами?

– Тогда давай пообещаем, нет, поклянемся, что будем верны нашей дружбе.

– Нашей любви. – Он взял в руки ее ладонь.

– Да! Нашей любви!

Через три дня Петер уехал. Эрна не могла проводить его, так как была в школе. Они попрощались накануне, улыбаясь друг другу и говоря: «До скорой встречи».

Если бы они могли только отдаленно представить тогда, какой будет эта их следующая встреча...

Начались дни одиночества и бесконечного ожидания. Каждую неделю почтовый поезд увозил в далекую столицу ее новое письмо, где между словами «милый Петер» и «твоя Эрна» была очередная страница ее сокровенного дневника. Это был дневник в письмах, предназначенный для другого.

Со временем острота разлуки стала притупляться. Жизнь, в которой происходило столько нового и интересного, снова увлекла Эрну своим течением.

Однажды – это был вторник пятнадцатого марта тридцать восьмого года – ее класс в числе других старших классов их школы был неожиданно снят с уроков. Учениц вывели на улицу, построили в колонну и повели на расположенную в двух кварталах Принцрегентенштрассе. Еще издали они услышали музыку и увидели царящее повсюду оживление. Мальчишки вывешивали флаги и транспаранты, подметали мостовые. Только что по проезжей части проехало несколько машин с большими круглыми щетками.

Кругом сновали оберфюрерины из БДМ и руководители местного Гитлерюгенда. Девочек собрали вместе, и фюрерины стали объяснять им их задачу. Вскоре начали подъезжать грузовики. Они вытянулись вереницей вдоль улицы, и с них, открыв борта, девушки постарше стали спускать на землю большущие плетеные корзины, в каждой из которых мог бы уместиться подросток. Корзины были доверху заполнены цветами. Под руководством фюрерин девочки стали равномерно растаскивать корзины вдоль мостовой и выкладывать цветы на проезжую часть прямо на асфальт. Это были розы, выращенные в оранжереях в пригородах Мюнхена и ближних городов. Их оказалось так много, что радостное возбуждение от неожиданного праздника и отмены уроков еще более усилилось. Повсюду звучали смех, шутки и веселое ойканье, когда кто-нибудь умудрялся уколоть палец об острые шипы.

Эрне досталась корзина белых роз. Другим – красные, розовые, оранжевые. Раскладывать цветы следовало в определенном порядке, создавая некий пятнистый узор. «Только бы не поднялся ветер», – молили Бога руководители. Впрочем, бутоны вместе с короткими стеблями были достаточно тяжелы, так что небольшой ветерок этого солнечного дня не мог бы их пошевелить.

Потом школьников собрали на тротуарах, выдав каждому треугольный флажок. Вдоль бордюров выстроились полицейские в киверах с конскими хвостами. Появились группки эсэсовцев в черном. Все ждали.

Ждали Гитлера. Вчера, четырнадцатого марта, он въехал в засыпанную цветами Вену и объявил Австрию частью Великогерманского рейха. Под колокольный звон он произнес с одного из балконов Хофбурга взволнованную речь, и само слово «Австрия», как думали тогда многие, навсегда ушло в историю. Теперь это была территория Остмарк.

Для подавляющего числа немцев аншлюс оказался полной неожиданностью. Это было какое-то чудо, подвластное только гению фюрера. Все свершилось так легко и быстро, что мало кому могло прийти в голову, что несколько последних дней Германия стояла на пороге войны. Только непосредственные участники и архитекторы аншлюса да не спавшие несколько последних ночей генералы верховного командования знали об этом.

Но все обошлось. В Мюнхене теперь ждали возвращения героя и триумфатора. Предполагалось, что он заедет сюда проездом из Вены и, как всегда, остановится в своей квартире на Принцрегентенштрассе, 16. Хотя бы на несколько часов.

Три больших балкона второго, третьего и четвертого этажей, расположенных на угловой части фасада между двумя пятигранными эркерами, были украшены тяжелыми гирляндами из искусственных цветов и красных лент. С верхнего балкона свисало огромное красное полотнище с золотым орлом, оттягиваемое внизу гигантскими шнурами тяжелой бахромы. С подоконников эркеров и окон боковых фасадов свисали небольшие красные штандарты с вышитыми на них золотой нитью не всегда понятными для Эрны символами.

Но с аэродрома Мюнхен-Обервизенталь все не было известий. А потом узнали, что самолет фюрера пролетел не то прямо в Берлин, не то в Нюрнберг.

Все стали расходиться. Первыми исчезли эсэсовцы, потом полицейские. Заметно поубавилось и начальства из местного партаппарата и Гитлерюгенда.

– Что же теперь будет с цветами? – недоумевала Эрна. – По ним никто не поедет?

Поступила команда аккуратно собрать розы обратно в корзины. Их решили использовать вторично, на этот раз у «Мемориала славы» Фельдхеррхалле. Теперь уже не сортируя по цвету, цветы сложили в корзины, полили из леек водой и погрузили на грузовики. Когда машины уехали, Эрна заметила возле тротуара среди облетевших лепестков небольшую белую розу. Бутоны ее были еще узким и тугим, только обещая раскрыться. Она подняла цветок и положила в портфель.

Дома она поставила розу в своей комнате, поместив ее в вазочку из «немецкого серебра». На следующее утро белый бутон раскрыл свои бархатистые лепестки, но уже к вечеру они начали осыпаться. «Какая короткая жизнь оказалась у этой бедной белой розы», – с грустью подумала Эрна.

А потом приехал Мартин.

Это было воскресенье. Родители пошли по магазинам, а Эрна писала заданное на дом сочинение на тему «Вальтер фон Фогельваиде как политический поэт». Она грызла ручку и скучая смотрела в окно. В это время в дверь позвонили. Отпирая замок, она была уверена, что увидит родителей, но на площадке стоял улыбающийся солдат. В руках он держал шинель и небольшую холщовую сумку. На его плече висел полупустой рюкзак.

– Мартин! – закричала Эрна, бросаясь на шею брату. – Как здорово, что ты приехал!

Она затащила брата в квартиру. Похудевший и загорелый, он улыбался, довольный своим решением приехать неожиданно, без предупреждения.

– А где мама?

– Они скоро придут. Ты раздевайся. Где ты так загорел? Почему не известил нас о своем приезде? А что это у тебя на погонах? А это что на рукаве?

Пока Мартин мылся, а потом, попросив Эрну не входить, заперся в своей комнате, она накрывала на стол в трусах и майке он выбежал в поисках утюга и снова исчез за дверью. Когда наконец он появился, на нем был парадный мундир рядового вермахта.

– Ух ты! – обомлела сестра и стала осматривать Мартина со всех сторон, обходя кругом.

Китель цвета фельдграу с легким зеленым отливом был начисто лишен карманов. От темно-зеленого воротника бутылочного цвета шел вниз стройный ряд из восьми белых блестящих пуговиц. Нижнюю часть рукавов украшали «шведские» манжеты из темно-зеленого сукна, на каждую из которых были нашиты по две маленькие ярко-зеленые петлички с пуговками. По краю левого борта кителя и верху манжет проходил ярко-зеленый кант. На погонах, обрамленных таким же кантом, ниже номера полка, вышитого все тем же ярко-зеленым шелком, блестели лычки из алюминиевого галуна. Они означали, что рядовой... нет, гефрайтер, ведь на левом рукаве виднелся треугольный гефрайтерский шеврон, являлся кандидатом на присвоение унтер-офицерского звания.

Китель был притален, так что черный поясной ремень с блестящей белой пряжкой не создавал на нем морщин. Сзади, ниже ремня, разрез кителя оформляли фигурные фалдовые клапаны, окантованные зеленой выпушкой, с тремя маленькими пуговками с каждой стороны.

– А это что? – спросила Эрна, показывая на серебристый витой шнурок, протянувшийся от края правого погона до второй от воротника пуговицы.

– Это шнур за меткую стрельбу. Видишь эти два желудя? – показал Мартин на болтавшиеся на коротких тонких шнурках серебристые подвески в виде желудей. – Это означает третий класс меткости. Пока нечем особенно хвастать, ведь всего классов двенадцать.

– Ой, Мартин, ты такой красивый! Сегодня же мы все должны пойти фотографироваться. А сабля у тебя есть?

– Саблю нужно покупать за свой счет, но я знаю, где взять ее для фотографии.

Мартин, которому лишь несколько раз довелось надевать этот ваффенрок, подошел к зеркалу.

– Скоро мне выдадут значок горного проводника, – совсем уже с мальчишеским хвостовством произнес он и сам покраснел от своего бахвальства.

– Знаешь, Марти, тебе сегодня же нужно встретиться с Мари, – сказала Эрна, когда они уселись за стол и ожидали возвращения родителей. – Я видела ее три дня назад, и мы говорили о тебе. По-моему, она в тебя влюблена.

– Брось, с чего ты взяла? Мы не виделись почти год.

– Нет, ты уж поверь моему женскому чутью.

Он посмотрел на сестру. А ведь она сильно изменилась за эти месяцы. Облегающее темное платье с длинными узкими рукавами и маленьким белым воротничком недвусмысленно подчеркивало детали, по которым было видно, что их маленький попрыгунчик превратился в настоящую девушку. Да еще такую, с которой ему как брату будет чертовски приятно пройтись по улицам их города на виду знакомых и незнакомых людей.

– Ты уж поверь мне. Ведь я теперь тоже... влюблена.

В следующие минуты она с жаром поведала слегка смущенному ее откровенностью брату о своей дружбе с Петером. Она показала его фотографию, рассказала, что он теперь в Берлине, но должен вернуться. А когда Мартин снова приедет, она их познакомит, и они непременно подружатся.

Через два дня почтовый вагон увозил в столицу рейха ее большое письмо. В нем была их семейная студийная фотография. Мартин сидел на стуле, небрежно держа на коленях большую саблю. Рядом, положив руку ему на плечо, стояла гордая Эрна. Позади сына – улыбающиеся родители. На другом снимке, уже без родителей, смеющаяся Эрна сидела на коленях брата, обхватив его за шею одной рукой. Она болтала ногами, придерживая второй рукой на своей голове сползающую набок фуражку Мартина, а он, придерживая ее за талию, восхищенно смотрел на сестру. Эту, отныне самую любимую свою с братом, фотографию Эрна не стала посылать, посчитав ее достаточно интимной и чисто семейной.

Через неделю Мартин уехал в Брауншвейг в школу унтер-офицеров.

Потом пришло лето. Их переписка с Петером уже давно не была такой частой. Письма стали короче. В них содержались сведения о происшествиях, планах на ближайшее будущее, погоде. Но не было уже той пылкости и впитавшейся между строчек нежной грусти, выражений «а помнишь...» с ностальгическими воспоминаниями прошедшей зимы. Не было мечтаний о предстоящей встрече. Она просто подразумевалась, и все.

В первый день сентября Эрна получила письмо, в котором Петер просто и деловито сообщал ей, что поступил в Берлинский университет имени Фридриха-Вильгельма. Он не сокрушался и не пытался ее утешить. Коротко пообещал приехать на зимние каникулы, после чего писал о новых товарищах, своих планах, столичных театральных премьерах, изюминкой которых в тот год были гастроли «Ла Скала», намекнул, что теперь у него будет меньше времени на письма.

Эрна понимала, что это конец. Ей было грустно и еще стыдно перед братом. Что она напишет ему? Что ее просто-напросто бросили? Она вспомнила башни и купола церкви Святой Марии и ту их клятву. Он первый тогда назвал их дружбу любовью, а теперь это слово, появившись оно совершенно случайно, по недосмотру, в его или в ее письме, прозвучало бы фальшивым диссонансом. Но почему же так невыносимо печально? Что это? То самое пресловутое прощание с первой любовью, о котором она читала в лирических книжках, посвященных юности? Да, пожалуй. И еще – это прощание с детством.

А еще – она, конечно, не могла этого знать – в тот день наступил последний год мира.

\* \* \*

Пришла зима.

Шестнадцатого декабря Гитлер учредил награду для многодетных матерей. Это был небольшой красивый голубой крест с удлинённым нижним лучом. По контуру креста шел белый эмалевый кант, а в центре помещался медальон с надписью, окруженный лучами четырехугольной звезды. Вручать награду должны были раз в году в День матери, отмечаемый во второе воскресенье мая.

Понятно, что акция получила широкую рекламу в газетах и на радио. В марте 39-го класс Эрны отправился на экскурсию на одну из мюнхенских фабрик наградных знаков. Там спешно выполняли тридцатитысячный заказ по производству «Почетного креста Немецкой Матери». Всего же к маю для Германии и присоединенной год назад Австрии необходимо было изготовить их около трех миллионов штук.

– Ни в одной другой стране Европы правительство так не заботится о материнстве и детстве, как у нас в рейхе, – уже в который раз назидательно повторяла учительница. – В этом году вы оканчиваете школу. Очень скоро многие из вас станут матерями и на себе ощутят заботу и любовь нашего фюрера – человека, который назвал немецкую женщину факелом жизни!

Подошедший мастер стал показывать ученицам все стадии изготовления награды. Сначала в узкую щель штампа подавалась цинковая полоса. Рабочий сдвигал ее на определенный шаг и ногой нажимал педаль. Пуансон вырубал заготовку, которая падала в коробку под столом прессы. Коробку периодически доставали, и женщина, работающая на соседнем прессе, поочередно укладывала заготовки в гнездо своего штампа и тоже нажимала педаль. Отформованные таким образом крестики отправлялись на металлизацию. Те, что должны были стать третьей степенью, покрывались бронзой, другие серебрились или золотились. Потом сидевшие за большим столом люди тоненькими кисточками наносили на крестики белую и голубую эмали, после чего их укладывали по шестнадцать штук на небольшой решетчатый противень и отправляли в печь для сушки. На заключительной стадии несколько женщин раскладывали готовые кресты и отрезки голубых с белыми полосками ленточек в серые конверты. Позолоченные крестики укладывались в аккуратные коробочки. Они предназначались тем женщинам, которые на благо Германии произвели на свет восемь и более детей. Разумеется, необходимой расовой чистоты.

Дома вечером Эрна, как всегда, рассказала об экскурсии. Они стали припоминать, кто из их знакомых мог бы получить почетный крестик и какой степени.

– А знаете, как я назову своих детей? – вдруг сказала Эрна.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался профессор.

– Дочку я назову в честь маминой мамы Августой, а сына – в честь папиного папы Вильгельмом. Что! Вы не верите? Я вам это обещаю, вот увидите. И очень скоро. – Эрна притворно надула губы. – Ага, испугались! Короче, решено – у вас будут внуки Августа и Вильгельм!.. А при чем тут Петер? Чего вы смеетесь?.. Да ну вас!

\* \* \*

– И все-таки, Гараман, что там такого сенсационного вы нашли в этих записях?

Септимус, развернув кресло к стене-экрану, подбирал на нем очередной пейзаж. Он нажимал кнопки на пульте, и на стене, сменяя друг друга, возникали идиллические картины природы. На одной из них он наконец остановился.

Осень, низкое вечернее солнце освещает золотые березовые рощицы, пурпурно-красные кусты, стоящую на зеленом холме вдаль белую православную церквушку. На переднем плане река. Кабинет президента наполнился тихим размеренным звоном далекого колокола. Шелест ветра, жужжание стрекоз, легкий плеск речной струи на перекате...

– Так, – с трудом оторвавшись от созерцания пейзажа, произнес президент и развернул кресло к столу. – О чем я... Ах да. Так что вы там вычитали такого, Гараман?

Сухопарый старикан в мятом рабочем халате поднял на лоб старомодные очки и пожевал губами.

– Что ж, извольте. Но прежде небольшой экскурс в историю предмета, если позволите. Вы, конечно, в курсе, господин президент, что в Третьем рейхе существовала некая инженерно-строительная организация, которую создал и которой до своей гибели руководил доктор Тодт? Нет? Ну... не важно. – «Ни черта не знает, а пристает», – подумал про себя Гараман. – Они занимались строительством автобанов, мостов и многим другим. Очень во всем преуспели, а что касается доктора Тодта, то он был самым авторитетным и уважаемым инженером в рейхе. Наряду с Леем, Гирлем, Шеером и другими он входил в его трудовую и техническую элиту. Но вот в 1942 году Тодт неожиданно погибает в авиационной катастрофе: после очередного совещания у Гитлера садится в самолет и – ба-бах! От него и всех, кто был рядом, остаются только головешки. Дальше торжественные похороны и вечная память. И почти сто лет никому из историков и в голову не могло прийти, что все это инсценировка. Фриц Тодт просто был переведен на другой участок работы. Настолько секретный, что все, кто туда отправлялся, сначала трагически исчезали.

– Это куда же?

– В Землю Королевы Мод на базу-211.

– Это что, в Антарктиду, что ли?

– В нее самую. Там немцы нашли гигантские пещеры, обогреваемые естественным теплом подземных источников, добраться к которым можно было только на подводных лодках, пройдя десятки километров под прибрежными айсбергами. Еще до войны они начали обживать это место. Антарктида поглотила тогда очень большие ресурсы Германии. Некоторые считают, что персонал базы насчитывал от 50 до 100 тысяч человек. По большому счету именно ей мы обязаны тем, что у Гитлера не хватило средств на атомную бомбу и другие проекты.

– Насколько мне известно, потом все это дело похерили?

– Да, уже после войны кто-то подорвал заряды и обрушил десятки километров тоннелей.

– Ну и...

– Так вот, после того совещания, на котором решили, что остальные работы в Германии доделает кто-нибудь другой, Тодта заgrimировали, тайно переправили в один из северных портов и вместе с другими командированными погрузили на борт подводной лодки. Обо всем этом мы узнали только недавно. Было много шума и всяких премий.

– Что-то припоминаю.

– А теперь представьте, каково было наше удивление, когда на полях одной из книг в 60-м году XX века мы обнаруживаем недвусмысленную запись о тайне гибели Фрица Тодта. И это далеко не все...

## VIII

*Et patimur longae pacis mala,  
Saevior armis luxura incumbit*<sup>14</sup>

Весной 1939 года Эрна окончила школу. Ей предстояла отработка трудовой повинности, и она написала заявление о приеме на работу в качестве сестры-сиделки в Фрауенклинике на Гетештрассе.

В те годы количество сиделок-монашек и орденских медицинских сестер в германских больницах и клиниках, даже тех, что находились под патронажем церкви, резко сокращалось. С одной стороны, сами епископы запретили орденским сестрам ассистировать при операциях, связанных с исправлением наследственности, что сразу привело к их массовому увольнению, с другой – государство всячески стремилось удалить из лечебных учреждений католических и протестантских сиделок из церковных орденов милосердия, заменяя их членами национал-социалистского союза медицинских сестер. Эти последние давали официальную клятву на верность фюреру и рейхсканцлеру, и между им и ними не стояли ни церковь, ни сам Господь Бог. К сороковому году церковь была окончательно вытеснена из системы здравоохранения рейха, освободив большое число вакансий для окончивших среднюю школу девушек.

Их переписка с Петером в то лето почти полностью угасла и заключалась в поздравлениях друг друга с некоторыми праздниками и днем рождения, Письма уже не заканчивались словами: «Жду, скучаю. Твоя Эрна» или «Твой Петер». Грусти по этому поводу не было, но память о той их зиме оставалась по-прежнему самым радостным детским воспоминанием.

В конце августа Эрна съездила на несколько дней к тете Клариссе в Регенсбург и рано утром, в пятницу первого сентября, выйдя из поезда на мюнхенском вокзале, услышала зачитываемую по радио речь Гитлера. Это было короткое обращение к армии по поводу начала Польской кампании. Вероятно, его повторяли уже не в первый раз.

*«Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта... и взялось за оружие. Немцы в Польше подвергаются кровавому террору и изгоняются из своих домов... Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода...»*

– Вы знаете, что мы напали на Польшу? – выпалила она с порога родителям, когда пришла домой. – Немедленно включайте радио!

– Не мы напали на Польшу, дочка, – говорил ей профессор, когда через час они сели завтракать. – Мы только отразили их агрессию. Будь осмотрительнее в своих выражениях.

Вторжение вермахта в Польшу никем не было воспринято как начало новой мировой войны. Даже события воскресного дня третьего сентября, когда Англия (за которой вскоре последовали Австралия, Индия, Канада и другие британские доминионы), а за нею и Франция объявили войну рейху, эти события мало кого напугали. «Объявить войну еще не значит воевать», – заявил тогда фюрер. А уж он-то знал, что говорил.

Профессор сидел в небольшом кресле в столовой и читал вслух речь Гитлера в Рейхстаге по поводу начала военных действий в Польше. Жена и дочь молча слушали его, занимаясь кройкой и подшивкой штор затемнения, Они разложили черную ткань на большом овальном столе, прозванном профессором Форумом, и размечали ее портновским мелком.

---

<sup>14</sup> Мы терпим зло от длительного мира; изнеженность действует на нас хуже войны (лат.).

Гитлер много говорил о Данциге и «польском коридоре», перечисляя страдания и унижения живущих там немцев. Он напоминал также о своих многочисленных усилиях, направленных на решение этой проблемы политическим путем.

*«Эти предложения о посредничестве потерпели неудачу, потому что в то время, когда они поступили, пришла внезапная польская всеобщая мобилизация, сопровождаемая большим количеством польских злодеяний. Они повторились прошлой ночью. Недавно за ночь мы зафиксировали двадцать один пограничный инцидент, а прошлой ночью их было четырнадцать, из которых 3 оказались весьма серьезными Поэтому я решил прибегнуть к языку, который в разговоре с нами поляки употребляют в течение последних месяцев. Эта позиция рейха меняться не будет».*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.